

№ 3
●
2019

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
МОЛОДЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
В СОВРЕМЕННОМ КРАЕВЕДЕНИИ**

ISSN 2412-9798

НОМЕР ПОДГОТОВЛЕН С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГРАНТА
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ПРЕДОСТАВЛЕННОГО
ФОНДОМ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ В РАМКАХ ПРОЕКТА
№ 18-2-009109 «СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ:
РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ»

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

16+

№ 3
(19)

16+

2019

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 28.09.2019
Размещен в сети Интернет: 30.09.2019

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, советник руководителя Федеральной службы по интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия
БУЕВА Людмила Пантелеевна	действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, г. Москва, Россия
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия
МИРОНОВ Арсений Станиславович	кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, советник директора Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Россия
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ХАНГЕЛЬДИЕВА
Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, г. Москва, Россия

ЧЕЛЫШЕВ
Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЩЕРБАКОВА
Анна Иосифовна

доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА
Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ДЖИВЕНСКА
Малгожата Цецилия

Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА
Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА
Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР
Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА
Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПАТИНЬО
Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ
Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ЧОЛАРИЯ
Борис Шаликович

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскири г. Сухум, Республика Абхазия

VOL.3
(19)
●
2019

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 28 September 2019
Published online on 30 September 2019

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editors:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

EDITORIAL BOARD

- Vitaliy V.
BONDAR
Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Olga I.
BYCHKOVA
Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Aleksandr A.
GUTSALOV
Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Anna N.
EREMEEVA
Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Natalya A.
KOSTINA
Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Vladimir E.
NAUMENKO
Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia
-
-

PUBLICATIONS COUNCIL

Vakhit Kh.	AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Aleksandra O.	ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Advisor to the Head, Federal Service for Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Lyudmila P.	BUEVA	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Shakhrudin A.	GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Vadim P.	DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Aleksandr A.	KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Irina V.	KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Senior Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Arseniy S.	MIRONOV	Cand. Sci. (Journalism), Rector, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Advisor to the Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Vladimir M.	PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation
Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation

PUBLICATIONS COUNCIL

Irina G.
KHANGEL'DIEVA

Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Dean, Faculty of Business in Culture; Head, Department of Applied Culturology and Sociocultural Management, International University in Moscow, Moscow, Russian Federation

Evgeniy P.
CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order "For Merit to the Fatherland" 3rd and 4th Classes, Moscow, Russian Federation

Anna I.
SHCHERBAKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena
ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Boris Sh.
CHOLARIYA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Cecylia Malgorzata
DZIEWIECKA

Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Arkadiy I.
DZHOPUA

Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Hieronim
GRALA

Dr Hab., Senior Lecturer, Faculty "Artes Liberales", University of Warsaw, Warsaw, Republic of Poland

Kapil
KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Dehli, Republic of India

Christian John
MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Juan Carlos
PATIÑO

Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala
PRABHAKARA RAO

Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Ertegin
SALAMZADE

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir K.
ZANTARIA

Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«МОЛОДЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
В СОВРЕМЕННОМ КРАЕВЕДЕНИИ»
(РЕДАКТОР Э. И. ЕРЕМЕЕВА)**

МОЛОДЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ КРАЕВЕДЕНИИ	13
<i>Т. Ю. Скопинцева</i> Культурное наследие регионов России и проблемы формирования гражданской культуры молодежи	13
<i>Л. С. Московчук</i> Этос краеведения: этические основания и моральные императивы	29
<i>И. О. Дементьев</i> Молодежные краеведческие инициативы: региональные практики (Калининградская область)	35
<i>А. А. Гуцалов</i> Молодежь и краеведение: исторический опыт и точки роста	49
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	62
<i>Э. А. Саламзаде, Р. Г. Абдуллаева</i> Мультикультурализм – действенная модель культурной политики Азербайджана	62
<i>О. А. Вертиевец</i> Социально-информационное конструирование и информационная культура современного российского общества.....	69

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ	74
<i>С. С. Инполитов</i> Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны (1917–1921 гг.): проблемы изучения	74
<i>И. Г. Тажидинова</i> Медиатизация темы преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на примере Краснодарского процесса 1943 г.)	80
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР	91
<i>Anna G. Piotrowska</i> The Romany Musical Versatility: The Case of Gypsy Disco-Polo	91
<i>Р. К. Мамедов</i> Российско-азербайджанские культурные связи в свете творчества Ю. П. Мерденова	98
<i>В. А. Чернявский</i> Взаимодействие музыкальных культур в контексте современных проблем образования	106
CAUCASICA. КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ	112
<i>В. А. Дмитриев</i> Этнография Кавказа и культурное наследие Великого Шелкового пути	112
<i>Б. М.-Г. Харсиев</i> Образ женщины в фольклоре ингушей	124
НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ	130
<i>В. Д. Менделевич, И. М. Зислин</i> О недопустимости использования психиатрии в культурологических дискуссиях	130
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	137
<i>С. В. Соловьев</i> Биографии событий или О новом издательском проекте редакции «Парадигма»	137
<i>Л. И. Старовойтова</i> Институт волонтерства в России: страницы истории и современные тенденции развития	142

CONTENTS

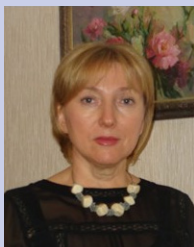
THE THEME OF THE ISSUE:
**YOUTH INITIATIVES
IN MODERN LOCAL HISTORY**
(EDITED BY ANNA N. FREMEEVA)

YOUTH INITIATIVES IN MODERN LOCAL HISTORY	13
<i>Tatyana Yu. Skopintseva</i> The Cultural Heritage of Southern Russia's Regions and Problems of Developing Civic Culture in Young People	13
<i>Lyubov S. Moskovchuk</i> The Ethos of Local History: The Ethical Foundation and Moral Imperative	29
<i>Ilya O. Dementev</i> Youth Initiatives in the Field of Local History: Regional Practices (The Kaliningrad Region)	35
<i>Alexander A. Gutsalov</i> Youth and Local History: Historical Experience and Growth Points	49
CULTURAL LIFE: HISTORY AND MODERNITY	62
<i>Artegin A. Salamzade & Rena H. Abdullayeva</i> Multiculturalism as an Effective Model of Cultural Policy of Azerbaijan	62
<i>Oksana A. Vertiyevets</i> Social Information Design and Information Culture of Modern Russian Society	69

MAN AND TIME	74
<i>Sergey S. Ippolitov</i> Russian Humanitarian Activity During the Civil War (1917–21): Problems of Studying	74
<i>Irina G. Tazhidinova</i> Mediatization of the Theme of Crimes of the German-Fascist Invaders and Their Accomplices (On the Example of the Krasnodar Trial in 1943)	80
AT THE CROSSROADS OF CULTURES	91
<i>Anna G. Piotrowska</i> The Romany Musical Versatility: The Case of Gypsy Disco-Polo	91
<i>Radzhab K. Mamedov</i> Creative Activities of Yuri P. Merdenov in the Context of the Russian-Azerbaijani Cultural Relations	98
<i>Vladimir A. Chernyavsky</i> Interaction of Musical Cultures in the Context of Modern Problems of Education	106
CAUCASICA. CULTURES OF THE SOUTH OF RUSSIA	112
<i>Vladimir A. Dmitriev</i> Ethnography of the Caucasus and the Cultural Heritage of the Great Silk Road	112
<i>Boris M.-G. Kharsiev</i> The Image of a Woman in Ingush Folklore	124
DISCUSSIONS	130
<i>Vladimir D. Mendelevich & Josef M. Zislin</i> Why We Should Not Use Psychiatry in Disputes on Culture	130
BOOK REVIEWS	137
<i>Sergei V. Soloviev</i> Biographies of Events, or On a New Publishing Project of the Paradigm Editions	137
<i>Larisa I. Starovoitova</i> Volunteering in Russia: Pages of History and Current Trends of Development	142

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: МОЛОДЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ КРАЕВЕДЕНИИ

В центре внимания предлагаемого выпуска тема «Молодежные инициативы в современном краеведении». Публикации специальной рубрики обобщают опыт просветительского проекта «Сохраняя память поколений: развитие молодежного краеведения на Юге России», реализованного в конце 2018-2019 гг. в рамках гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 18-2-009109, предоставленного Фондом президентских грантов. Журнал «Наследие веков» выступает информационным партнером этого проекта.

Вовлеченность молодежи в сферу охраны и трансляции культурного наследия является одним из приоритетов государственной молодежной политики, неотъемлемой составляющей воспитания гражданственности, формирования культурной идентичности и, одновременно, фактором продвижения отечественных туристических ресурсов. Объявление прошлого, 2018 г. в России годом добровольца (волонтера) означает реальную заинтересованность государства в диалоге с волонтерскими инициативными группами, готовность к их всесторонней поддержке. В статье 5 Федерального закона о добровольчестве (волонтерстве) среди основных видов добровольческой (волонтерской) деятельности фигурирует «сохранение культурного наследия и историко-культурной среды, памятников истории и культуры».

Сегодня очевидна необходимость привлекать к охране и популяризации культурного наследия креативно мыслящую молодежь, поднимать престиж волонтерской деятельности. Молодежные краеведческие организации могут рассматриваться как институты актуализации ценностного потенциала материальной и духовной культуры регионов России.

В российских регионах, в том числе на Юге России, накоплен значительный опыт в сфере молодежного краеведения. Появляются волонтерские образовательные центры при высших и средних учебных заведениях. Постепенно налаживаются партнерские отношения волонтеров с музеями, библиотеками, Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, бизнес-структурами, прежде всего, учреждениями, ориентированными на развитие внутреннего туризма. Заявляют о себе региональные отделения Всероссийского молодежного волонтерского проекта «Культурный патруль».

Важными представляются поддержка перспективных волонтерских проектов по охране и популяризации культурного наследия на государственном уровне, освещение деятельности волонтеров на официальных сайтах Министерства культуры Российской Федерации, региональных министерств и ведомств, центральных и региональных телеканалов, оказание методической, информационной, имущественной и иной помощи, дальнейшая разработка научных оснований темы.

**Редактор специальной рубрики
Анна Еремеева**

СКОПИНЦЕВА Татьяна Юрьевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
культурологии и социологии
Оренбургского государственного университета,
Оренбург, Российская Федерация
Tatyana Yu. SKOPINTSEVA
Cand. Sci. (Social Philosophy), Assoc. Prof.,
Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology,
Orenburg State University,
Orenburg, Russian Federation
skopintseva.t@mail.ru

УДК 719(470-43)+[35.082.22-053.81]
ГРНТИ 13.61.11
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.001

Культурное наследие регионов Юга России и проблемы формирования гражданской культуры молодежи

The Cultural Heritage of Southern Russia's Regions and Problems of Developing Civic Culture in Young People

В статье дан культурологический анализ состояния системы формирования гражданской позиции молодежи в постсоветский период. Автор рассматривает работу по воспитанию гражданской культуры и гражданской позиции молодежи как важный компонент обыденных практик, складывающихся вне официальных, формализованных государственных структур. Гражданская субкультура оформляется на протяжении жизни человека. Система взаимодействия гражданина и государства рождалась в нашей стране в условиях западно-восточного культурного пограничья. Этот фактор послужил выработке самобытного культурного типа человека, который был воспринят народами, вошедшими в поле российской культуры. В условиях постоянной готовности к защите складывались цели и принципы жизни, направленные не на достижение устойчивого благополучия, прибыли, построения дома-крепости, что свойственно культуре западного типа, а на сохранение духовных оснований. Их содержание оформлялось в суперсмыслах, выраженных в таких метафорах, как «Мать Сырая Земля», «Святая Русь» или «Русский Мир». В советской России эти принципы раскрылись в деятельности культурчреждений, где традиционное основание дополнялось идеологией советского государства. В девяностые годы прошлого века система формирования гражданской культуры, выработанная в советский период, была подвергнута разрушению. Были уничтожены практически все культурные учреждения советского типа, а оставшиеся – коммерциализированы. Подготовленные в вузах культуры специалисты культпросветработы переориентировались на коммерческую деятельность. Сегодня цифры отчетов министерств и ведомств культуры и образовательных систем демонстрируют рост участников творческих коллективов и объединений, но в них не отражена социокультурная

природа статистики – постоянство и непрерывность занятий в свободных, общедоступных творческих кружках и объединениях подменены разовыми и точечными посещениями коммерческих форм. Эксклюзивность отдельных объединений и коллективов, работающих на основе народной традиции и сохраненной в её недрах гражданственности, не соотносима с системой воспитания гражданственности советского типа. Можно сделать вывод, что идеи и принципы организации гражданского воспитания молодежи сегодня находятся в стадии формирования, и это требует внимания государства и серьезной работы специалистов по сохранению традиционной основы народной культуры русского типа (основы российской государственной культуры).

Ключевые слова: русская народная культура, российская культура, гражданская культура, повседневная культура, народная традиция, формы и принципы охраны культуры, специфика культуры русского и российского типа, культура советского типа, культурное наследие.

Оренбуржье — пограничье России, *ворота* в Азию. Все оренбургские поселения характеризуют поликонфессиональность и разнообразные варианты соединения этнических культур народов России и *массива* субкультур русского типа (носителями которых являются переселенцы из разных русских регионов России). Для исследования культуры региона можно применить рациональные инструменты социологического, политологического, историко-культурного анализа или способ, погружающий в толщу бытия и использующий инструменты художника, способного выделить и описать проблему, опираясь на живое чувство, раскрывающее отношение к своей или иной культуре. Исследователи повседневной культуры отмечают, что не принятая на этом, субъективном, духовно-практическом уровне новая культурная форма утрачивает жизнеспособность и не сохраняется в истории культуры народа. Красочность описания феномена бытия входит в арсенал средств, используемых художником, историком культуры, организатором и постановщиком культмассового мероприятия. Без использования художественного описания предмета не обходится педагог и воспитатель. Художественная форма как основание анализа бытия обнаруживает нерациональность реакций, поступков и оценок индивида и социокультурной системы в целом. На этом уровне вскрываются глубинные (насыщенные архаикой) механизмы

культуры, сохраненные в менталитете, картине мира, и типичные (по обычаю) образцы традиционного поведения. При таком подходе предметом наблюдения и изучения становятся повседневные практики, «теплая человеческая возня», бытовой контекст высоких смыслов. На этом глубинном срезе культуры, вдали от речей политиков, сохраняется самобытность, наследуется этническая специфика, соединенная с природностью, и формируются идеальные типы взаимодействия человека с государством. В повседневных пластах бытия зарождается гражданская культура, выходящая на поверхность и заявляющая о себе во весь голос на *сломах* больших социокультурных систем. Архитектоника России выстраивалась на основе кумуляции и симбиоза — самых древних коммуникативных механизмов, сложившихся в истории культуры. Они позволяют непротиворечиво соединить народы, исторически вошедшие в ареал российской культуры. На этой основе сложилось ядро культуры московского, а затем русского, имперского типа, которая послужила формированию базовых механизмов культуры советской и постсоветской России. Эти культурные инструменты функционируют на российской почве, позволяя народам сохранить собственную этническую и культурную специфику. Этническая форма обращена в глубины истории и сохраняется в национальной российской культуре. Она является базой для оформления последующих культурных форм

в истории каждого народа. Этничность влияет на формирование гражданской культуры, которая является важным элементом, обеспечивающим целостность и устойчивость государства. Как особая категория гражданская культура стала предметом изучения лишь в последние десятилетия прошлого века. Однако «дух гражданственности», духовная близость представителей «своего мира» к жизни больших (государственных) форм целостной социокультурной организации, ощущение причастности к мировым событиям и роли собственной активности, особенно в периоды нестабильности и войн, характеризуют *социальное тело* России на протяжении всей её истории. Базовая часть социальной структуры до второй половины двадцатого столетия — русское крестьянство (на начало XX в. оно составляло более восьмидесяти процентов от общего числа населения). Современность сохраняет элементы крестьянской культуры и в городской, и в сельской культуре русского и российского типа. Корни русской крестьянской культуры складывались на обширных лесостепных территориях при отсутствии на большей части страны дорог и укрепленных городов. Это способствовало оформлению особых (русского типа) культурных механизмов. В них исторически соединились элементы земледельческой и кочевой культурных форм, сложилось особое восприятие дороги и пространства, сформировалась готовность к переменам, выработалось стремление к минимизации роли материальных благ. На пространствах российской культуры, при большой протяженности границ, открытых для внешнего вторжения, крестьянин-кочевник (по определению Г. Вернадского) во времена войн становился бойцом, защищающим и себя и государство, а после победы над врагом — земледельцем. Сформированный на уровне постоянного противодействия внешней угрозе и мобилизации всех своих сил для выживания русский крестьянский тип выработал особый механизм адаптации к угрозе нападения, к рискованным формам земледельческой культуры в условиях лесостепи и к сложностям жизни в этнокультурном пограничье. Ему был неведом психологический срыв, подобный вьетнамскому или афган-

скому синдрому. Гармонизация его душевного состояния и адаптация к мирной жизни обеспечивалась русской традиционной обрядовой культурой. На этой основе в культуре русского типа сложилось и закрепилось особое мобилизационное поведение, так как война в истории русского и российского государства в каждом столетии занимала более половины исторического времени и органично входила в жизнь и память каждого поколения. Это формировало особую ментальность, способы хозяйствования на земле, механизмы взаимодействия в семье и за её пределами, специфику взаимодействия с другими народами и типичные реакции на любые действия со стороны государства. На основе *маргинализованных* форм культуры русского крестьянства и представителей восточных культур в пограничье России родилась культура русского казачества. В ней соединились и крестьянская природа верности своей земле, своей стране, и креативное начало культуры восточных народов. Казачья культура России отличается способностью отстаивать собственную самостоятельность, сохранять достоинство воина и хозяина на земле. Совмещение несовместимых характеристик, служба государству, свобода мысли и поведения послужили формированию внутренней готовности к действию, особой сосредоточенности воина и крестьянина одновременно¹.

Российские философы отметили в своих работах женскую природу русской и российской культуры, но не обратили внимания на её мощную мужскую основу. Внутренняя сила проявлялась в техниках русского противостояния обстоятельствам или врагу во взаимодействии с представителями других конфессий (ставших частью российской культуры), а также в отношении к народам и культурам соседних государств. В случае необходимости защитить свою землю деревенские жители оставляли крестьянскую работу и принимали удар на себя. В отличие от казака, они не клялись в верности своей общине, стра-

¹ Собиравший оренбургский казачий фольклор балетмейстер Оренбургского русского народного хора А. Копылов так характеризовал мощь и внутреннее напряжение, дух оренбургского казака: «Оренбургский казак злой. Он кипящий самовар на лоб ставит и пляшет!»

не и царю, не принимали участие в обрядах, демонстрирующих преданность, не подписывали документов, обязывающих сражаться. Защита себя и своей семьи становилась частью их сущности и рождала особое чувство жизни и смерти, где смерть являлась вторым полюсом бытия, а ощущение бренности человека, случайности его рождения обеспечивало определенную легкость ухода в мир предков. Эта простота перехода от жизни к смерти принималась и обывателем, и лучшими представителями элиты. Об этом свидетельствуют русские пословицы и поговорки о жизни и смерти («Смерть солдату брат»; «Умер Адам, быть и нам там»; «Дом строй, а гроб ладь»; «На миру и смерть красна» и т.п.). В гениальном пушкинском тексте «Капитанской дочки» при легкости получения высокого военного чина обязательной для Петруши Гринева стала военная служба с её ощущением бренности и смерти. Близость к смерти для русского человека обнажает лучшее и худшее в себе и других: и в XXI в. надежность друга, соседа, оценивается возможностью «вместе пойти в разведку». Итог жизни в русской традиции — демонстрация своих духовных приобретений, наград и наказаний — перед людьми и перед Богом. Военная награда — знак службы государю и государству, которую казак не скрывал. В течение пяти лет Оренбургский губернаторский краеведческий музей под руководством И. И. Шангиной (Российский этнографический музей) проводил исследовательскую работу в казачьих селах области. В исследовании выявлена главная характеристика оренбургского казака, отмеченная всеми рассказчиками, — служение России. Культура казачества могла *перешагивать* через этничность. Это отметил один из рассказчиков: «Я татарин, но русский казак!»

Знак казачьей награды «тихо» свидетельствовал о подвигах (хвалиться подвигом не полагалось). Медали и грамоты украшали красный угол дома, символизируя связь оренбургского казака с государством. Как и в казачьей культуре, в русской крестьянской культуре хвастать подвигом было недостойно. В крестьянском обычае и в городской культуре, построенной на его основе, награ-

ды хранились в спрятанной далеко коробочке, в сундуке, и ими играли дети. Переводить священность правильного поведения в правильных обстоятельствах, военный или бытовой подвиг (реалии высокого отношения к жизни) в знаки (в медаль, орден, или иную награду) и демонстрировать их и в русской крестьянской культуре, и в высокой культуре русского дворянства (не чуждой крестьянской основы) было не принято [3, с. 11–31]. Этот принцип традиционного поведения отражен в народной праздничной культуре, в деревенском розыгрыше русской народной драмы «Царь Максимьян». В крестьянском варианте этого розыгрыша все персонажи-воины (Аника-Воин, Лыцарь и др.) и гротескны, и комичны (казачий вариант в сборнике А. И. Мякутина [4, с. 258–304] имеет другую тональность). Для того чтобы подготовиться к святочному или масленичному представлению, по всей деревне собирали медали, настоящие солдатские награды, которыми увешивали героя народной драмы с ног до головы. По принятому в смеховой культуре обычаю (в форме карнавальской практики «телесного низа»), в русской деревне медалями густо украшались штаны и спина персонажа, а их наибольшее количество предполагалось расположить на тех местах, которые могли вызвать наибольший хохот зрителей. Смехом крестьянин преодолевал страх перед войной и смертью и *снижал* высокий *тонус* подвига до уровня обыденности. Боец перед врагом, при наступлении мира он *превращался* в земледельца, обывателя и продолжал крестьянствовать на своей, *Божьей*, земле. Такая социальная трансформация — норма в русской народной культуре. Позитив *сниженного* отношения к собственной жизни — реализацию ветхозаветного принципа «человек есть ложь» — мы видим в сохраненной до нашего времени готовности умереть, в способности при необходимости защиты своей семьи и своей страны «с открытой грудью» идти на смерть. Негативное качество, рожденное на основе презрения к смерти, проявилось в минимизации цены человеческой жизни (и во время войны, и в периоды мира); в упрощении отношения к бытовому обустройству, удобствам и комфорту. На подобных основа-

ниях строится политическая и экономическая культура современной России (интегративная, целостная, вобравшая и высокие, декларируемые государством, и сниженные, обыденные, повседневные, ценности и смыслы). Это отношение проявляется и в современной форме организации быта, и в современном героизме россиян.

Гражданская культура предполагает самую широкую лояльность к своей стране. Она складывается на основе свободной, творческой деятельности, направленной на защиту и процветание своего государства и, шире, своего мира, а также на уважении к собственной истории и традициям. Современная гражданская культура формируется на протяжении всей жизни человека, являясь частью его инкультурации. Ценности гражданской культуры, наряду с их декларацией в политических, экономических, образовательных программах и проектах, рождаются в системе обыденных практик, на уровне свободного восприятия традиционных идеалов, закрепленных на недоступном для официальной коррекции глубинном уровне культуры. В период трансформаций обращение к ценностям — это выявление в новых формах культуры атрибутов, идей, знаков и принципов, обращающих человека к вечности. Крушение культурной формы — это утрата традиций, отсутствие знания и понимания своей культурной специфики. Становление гражданина, с одной стороны, есть высокая идеология, с другой — духовное содержание обыденных практик. Базовая часть гражданской культуры складывается в неформальном, свободном общении с ровесниками, родителями, учителями. Всплеск лучших образцов гражданской культуры и гражданского поведения происходит в периоды разрушения системы или её активного противостояния внешней или внутренней угрозе. Актуализация традиционных ценностей и опора на народную культуру на протяжении всей российской истории работает на стабилизацию и сохранение системы. Идеи, вокруг которых объединяются граждане (и возникает гражданская культура), рождаются в органике социокультурных потрясений или воспитываются на основе ценностей культуры обращающих челове-

ка к традициям предков, их гордости, справедливости, доблести, вечным (сакральным) смыслом бытия. Потрясением, вызвавшим всплеск гражданских чувств, могут стать внутренние или внешние силовые действия государства. В России после трагического периода разрушения культуры в 80–90-х гг. прошлого века системная работа по формированию гражданской позиции молодежи была сведена на нет. В этот период к системе декларирования ценностей европейского типа, исповедуемых российской элитой, бессистемно добавлялись самые разнообразные элементы из эклектичного репертуара модераторов — *прорабов Перестройки*. При этом всегда отсутствовал серьезный анализ состояния культуры и в России, и в регионах, а формы и способы внедрения новаций и их адаптация к повседневным практикам не получали экспертной оценки и широкого общественного обсуждения. Подобное отношение к традиции и новациям сохранено в постсоветской России. Не дается должная оценка ключевым ценностям русского типа, с которыми взаимодействовали новшества. При том что семьдесят процентов населения Оренбургской области составляют русские, за последние два десятилетия не было ни одной большой конференции по проблемам русской культуры и ни одного большого областного праздника русской культуры, тогда как большие мероприятия, посвященные культурам разных народов России, имели место. Отсутствие анализа и действия модераторов, не учитывающие традиционные социокультурные механизмы, способствовали пробуждению глубинных традиционных инструментов, ядерных элементов культуры. На этой основе произошла мобилизация традиционных оснований, активизация самостоятельности и гражданского творчества, социальная консолидация и духовное единение вокруг традиционных, имеющих сакральную природу смыслов. Это сакральное начало традиции почувствовали все народы России. Коммуникативным культурным инструментом первых десятилетий XXI в. стала метафора «Русский Мир». Как ранее народ объединяли суперсмыслы «Святой Руси», «Матери Сырой Земли», «Родины-Матери», этот но-

вый культурный механизм объединил народы Крыма и сделал их гражданами России. При этом элита и официально оформленные социокультурные институции России проглядели (или стыдливо не заметили) зародившиеся на уровне повседневности и объединившие Россию традиционные суперсмыслы (которые в периоды кризисов не раз проявляли себя в истории российской культуры). Отношение элиты к традиционной основе государства почувствовал не только обыватель, житель российского провинциального города или села, — его почувствовали и соседние народы. Это стало одним из элементов, послуживших усилению негатива в отношении народа России к российской элите, а соседних государств — к России и всему «русскому». Сегодня также можно отметить отсутствие в современной российской науке серьезного анализа процессов и механизмов, объединяющих Россию, и должной разработки «русской темы».

Негативным фактором, оказывающим существенное влияние на формирование гражданской культуры России, становится разрушение традиционных *гнезд* русской культуры и *умирание* сел с русским населением, представляющим субкультуры русского этноса. Оренбургский регион — Россия в миниатюре, в которой каждая российская губерния была представлена богатым этнокультурным материалом. Особое место в репрезентации русской культуры Оренбуржья занимали переселенцы южных губерний. Культура тамбовских переселенцев исторически была широко представлена в целом ряде сел. Села Андреевка и Покровка Абдулинского района Оренбургской области долгое время сохраняли традиционную культуру, привезенную первопоселенцами. В 1987 г. в Покровке экспедицией Московской консерватории был записан большой фольклорно-этнографический материал, а уникальный этнографический коллектив села выезжал с концертом в Москву. В экспедиции 2019 г. из старого состава исполнительниц традиционного фольклора мы застали одну, самую *молодую* — семидесятилетнюю — участницу, которая не смогла показать нам ничего из бывшего репертуара. Уникальный традиционный

материал был полностью утрачен, никакая работа по его сохранению не проводилась и не проводится, и нет никакой возможности на уровне частной инициативы ее организовать. Утраты бесценного традиционного материала мы увидели, посетив село Андреевка, в котором в экспедиции 2016 года встретили прекрасную группу исполнительниц традиционного фольклора. Зимой 2019 года мы застали в «умирающей» Андреевке опять-таки лишь одну исполнительницу — старикам зимой в «угасающем» селе не выжить. Во время всех последних экспедиций в русские села Оренбургской области мы не смогли увидеть на улицах детей и молодежи. Уникальные сборники с аутентичным материалом [5] не находят возможности для широкой пропаганды своего содержания.

Процесс разрушения традиционных гнезд русской культуры сопровождается уходом из повседневного обихода русского языка (как языка межкультурного общения). Если в экспедициях в мордовские села Оренбуржья в 2000–2011 гг. можно было записать уникальный материал на прекрасном русском языке, сохраненный старшим поколением, то в феврале 2018 г. мы не смогли найти таких исполнительниц. В экспедиции в село Нижний Сурмет Абдулинского района Оренбургской области (где коренное население — эрзяне) только две самые старшие женщины могли показать хороший традиционный русский материал. Молодые женщины не только не сохранили бесценный багаж старшего поколения, но и в разговоре постоянно переходили на эрзянский язык. Для молодежи это типичное явление. Наблюдение за городскими и областными массовыми праздниками, на которые приезжают представители сел Оренбуржья, позволяет отметить общее снижение уровня исполнения и забвение традиционных форм культуры у всех народов Оренбургского региона. Это демонстрируется оскудением репертуара, упрощением характера и содержания привезенных на городские и областные праздники песен, танцев, обрядов. С каждым годом утраты увеличиваются. Мы наблюдаем, как изменяется отношение к собственной культуре, как традиционные тексты замещаются массовыми вариантами,

взятыми из Интернета. Непосредственность и искренность содержания сменяет штамп. Самодеятельность и творчество уступают место корректуре и постановке. Это разрушает традиционные основания культуры, формирующие ядерный элемент гражданской культуры молодежи.

В целостном, системном характере современной гражданской культуры мы выделили важную роль народной традиции и самодеятельного творчества. Это роль устной культуры, которая утрачивается в современной жизни. Можно предположить, что при наличии сети Интернет потребность в живом общении уменьшается. Мы проверили это предположение, задав соответствующие вопросы студентам Оренбургского государственного университета. В свободном опросе, проведенном в мае 2019 г. П. А. Балышевой, студенткой 2 курса этого же университета, выяснилось, что все опрошенные ею студенты зарегистрированы и общаются в различных социальных сетях («ВКонтакте», «Instagram» и др.). Для них социальные сети — это система развлечений. При этом:

— об активном участии в общевузовских и городских мероприятиях и иных вариантах неформального (живого) общения заявила большая часть опрошенных (71,4%);

- 37,5% из них используют Интернет от случая к случаю, все остальное время приходится на прямые контакты со сверстниками;

- 12,5% опрошенных студентов находятся в сети Интернет 24 часа в сутки.

Даже результат такого поверхностного исследования говорит о запросе на живое общение, свидетельствует о необходимости поддержки сложившихся в истории практик и традиционных форм организации работы с молодежью. Такая работа должна отразиться на качестве культуры в целом и гражданской культуры в частности. Более широкий опрос мог бы показать специфику свободного общения молодежи в неформальной сфере и примеры того, что в ней работают системы, не только заинтересованные в совершенствовании ситуации, но и направленные на её дестабилизацию. Ответ студентов на вопрос: «Чем вы планируете заняться в своем профессиональном будущем?» — позволил сделать

вывод об ориентации всех опрошенных на занятость внутри социокультурной системы, прежде всего на работу в государственных структурах (социальных, воспитательных, общественных). По сути, это демонстрация традиционного основания культуры, ощущение молодежью своего «социального кокона», характеризующего общинную природу, за пределы которой студент не планирует выходить. Такой результат говорит о необходимости особого внимания к традиционным организационным формам и принципам: коллективности, общинности, особым, органичным формам взаимодействия внутри коллектива (которые сегодня принесены в жертву индивидуальности, предпринимательству, фермерству и тому подобным западным образцам). В отличие от российского обывателя, проявлять активность и инициативу, действовать индивидуально, за рамками своей социокультурной системы, протестанту, трудолику, представителю современной западной культуры позволили мощные трансформации в европейской истории X–XVII вв. В этот период произошло становление современного европейского города. Индивидуализм и активная трудовая деятельность, необходимая для собственного спасения, сформировали протестантскую этику, основу европейской и американской культуры. В современной трансформации культуры России работают иные социокультурные механизмы, на которые должны опираться российские реформаторы.

Мы отметили важность неофициального, глубинного, насыщенного традиционными элементами уровня, на котором складывается гражданская позиция молодежи. Воспитание гражданственности — это особое отношение к прошлому, к культурному наследию, к своей культурной истории. Подход к феномену культурного наследия сегодня находится в стадии оформления. При этом в современной российской культуре из работы по его сохранению практически полностью исключена устная история, тесно связанная с народной традицией и культурой повседневности. Устная история — это неповторимые интонации, важный традиционный контекст современной культуры, передающий

дух народа, который сегодня в большей мере исследуется не представителям высокой науки, а художниками, краеведами и фольклористами. В последних научных проектах и диссертационных работах категория культурного наследия тесно связывается с понятием «природное наследие», менеджментом в системе культуры, политикой в сфере наследования, характером «потребления наследия» и проблемами сохранения памятников истории и культуры. Категория «памятник истории культуры» практически во всех исследованиях предполагает «страдательную» форму взаимодействия с современной социокультурной системой. Обращение к прошлому в таком подходе — это некое пассивное сохранение того, что уже отсутствует в современности. Выше мы отметили, что значительная часть элементов прошлого, сохраненных в ментальности, отношении к миру и человеку, соответствует низовому, повседневному уровню современной культуры. Городские и сельские музеи берут на себя сохранение материальной культуры прошлого. Духовная составляющая народной культуры и варианты устной истории народа и в этом случае не задействуются или используются пассивно. Это означает, что тема культурного наследия в повседневных смыслах и формах жизни как особый ресурс развития всей социокультурной системы только начинает формироваться в российской науке. При этом традиционный материал, не охваченный вниманием официальных учреждений культуры, имеет своих исследователей-собираателей. Традиционную одежду тамбовских однодворцев более тридцати лет исследует и собирает учитель географии средней школы станции Сырт Наталья Колубаева. В 2016 г. в Оренбургском областном музее изобразительных искусств на основе её коллекции прошла выставка народной одежды «Феномен народного костюма. Одежда тамбовских переселенцев-однодворцев». Алла Владимировна Федорова, доктор исторических наук, профессор, собрала значительную коллекцию предметов истории и традиционного быта при кафедре истории Оренбургской государственной сельскохозяйственной академии. В 2018 г. показ коллекции традиционных по-

лотенец прошел в выставочном зале Оренбургского музея изобразительных искусств. Можно назвать имя знатока традиционной песни села Богородское Клавдии Андреевны Шеиной, которая в течение нескольких десятилетий сохраняла традиционные песни села в организованном ею фольклорном коллективе. Доктор искусствоведения, профессор московской консерватории Нина Михайловна Савельева более 30 лет работает с фольклором русских сел Оренбургской области. Первооткрывателем оренбургского фольклора для многих самодеятельных коллективов стала заслуженный работник культуры Российской Федерации Ольга Ивановна Рукавицына. Такая личностная инициатива — это *нити, слабо вплетенные в полотно* культуры. С уходом таких уникальных, единственных в своем роде собирателей преемственность личного типа разрывается, а собранный материал (личный, частный) исчезает. В формировании воспитательной системы необходима основательная, мощная социальная основа, государственная поддержка.

Неформальная (слабо учтенная в большой культурной политике) организация молодежи на основе традиционных и современных форм культуры в Оренбурге, как и во многих городах России, локализуется в особых социальных, виртуальных или географических пространствах. Такой территорией в городах и селах (кроме городских окраин и различных маргинальных природных и культурных площадок) исторически являлись парковые, музейные комплексы, учебные и культурные учреждения. Для музейных учреждений культурное наследие — это мир предметов, хранение, архивирование, статика экспозиций этих артефактов, а также некоторые формы их интерактивной репрезентации. Для современных парковых зон основной формой деятельности является коммерческая (привнесенная с Запада) организация отдыха и развлечений, слабо опирающаяся на свободную самодеятельность и творчество. Это противоречит существовавшей в некоммерческой, опирающейся на народную традицию советской культурной практике организации досуга и отдыха. В отличие от советской культуры, в Европе сложились собственные механизмы

работы с образцами культурного наследия. В европейской практике они связаны с послевоенным восстановлением и сохранением европейских городов, локальных, закрытых территорий, в которых все городское пространство является особым памятником культуры, имеющим тысячелетнюю историю, достаточно хорошо сохранившуюся. Российская культура в большей своей части — провинциальна, построена (в той или иной мере) на основе исторически присущей её сельской природы, проявляется в специфике малого города России. История построенных по подобному типу русских городских поселений существенно отличается по своей организации и от европейских, и от американских городов. Она и сегодня хранит традиционные механизмы. В тесноте сосуществования народов Европы города создавались как локус с крепкими границами, гармония в мире хаоса, а русский город рождался как центр мироздания, стягивающий пространство «чиста поля». В культурном пограничье русский город оформлялся как противостояние чужому, даже враждебному, окружению, которое не уничтожалось, с которым сосуществовали, взаимодействуя с ним. В крестьянском мировидении русский город окружали миры темного леса, широкой степи, чиста поля, в которых знаки и своей, и иной культур отсутствовали. В этом пространстве происходили поединки, на этих территориях разворачивался народный праздник. Русскому городскому поселению была не свойственна теснота европейского города, в котором центральная площадь была площадкой для европейского праздника. Город русского типа выстраивается вокруг центра, кремля, крепости, которая была способна защитить жителей поселения. В отличие от европейского города, он был распахнут для периферии. Подобно русскому городу, русский дом также был раскрыт для каждого, кто нуждался в укрытии.

Крепость, защита, славное прошлое города, как и сама история Оренбурга, — все это работает на сохранение народной традиции и формирование гражданской культуры. Эти элементы должны опираться на практики просвещения и образования. Молодежь должна знать свое славное прошлое и совре-

менные проблемы его сохранения. Трансляции исторических форм и практик культуры должны быть востребованы молодым поколением. История насыщена традицией. Молодежь, которая не знает традиционной культуры и через образовательные программы не может освоить её содержание и смысл, не будет требовать её сохранения. Это означает, что все новации в сфере образования и воспитания должны соразмеряться с собственной историей культуры. Особой территорией, на которой можно и сохранять, и обеспечивать трансляцию историко-культурного наследия народа, может стать система интерактивных реальных или виртуальных современных культурно-просветительских учреждений. При постоянных мощных информационных вливаниях со стороны культур западного типа, а также при непрерывной оптимизации и модернизации систем образования и культуры такая работа сегодня существенно затруднена.

В современном Оренбурге попытка сохранения, архивации и трансляции форм и принципов традиционной жизни народов Оренбуржья была заложена в проекте культурного комплекса «Национальная деревня». Это культурная площадка, на которой силами предпринимателей, имеющих интерес к созданию своих коммерческих учреждений, и инициативой этнокультурных (национальных) общественных организаций города с 2004 г. созданы десять этнокультурных подворий с домами-музеями, представляющими культуры народов Оренбуржья. Дома-музеи работают, однако документы, которые определяли бы взаимодействие общественных структур и предпринимателей на данной территории, отсутствуют. Все формы культурмассовой работы в домах-музеях осуществляются на основе способов, сложившихся в советской традиции (но уже без какой-либо государственной поддержки). Предприниматели действуют по «своему усмотрению». Отсутствие внятной культурной политики, а также какой-либо материальной поддержки на этом благодатном культурном пространстве определяет современные формы и принципы их функционирования и минимизирует воспитательный результат. Музеи

созданы на народной основе, их функционирование поддерживается пожертвованиями посетителей, а здания музеев администрация города передала в собственность хозяевам ресторанов, которые имеются в каждом подворье. Зарплату получает один сотрудник, хранитель-экскурсовод (как методист ГАУК «РЦРКОО министерства культуры и внешних связей Оренбургской области»). Экспонаты дома-музея собраны населением Оренбурга и области. В лучшем состоянии находятся те коллекции, которые поддерживают министерства культуры соседних государств, русская культура не имеет такой поддержки. Хозяином всего русского подворья зимой неоднократно отключались вода и отопление (а в 2018–2019 гг. русский ресторан находился в кризисном управлении, и найти хозяина было трудно). Эти факторы определяют воспитательный и любой иной результат.

С утратой смысловой (идеологической) составляющей, которая была обязательной в советском клубном и парковом учреждении, система организации просветительской, развлекательной и досуговой работы с населением в подобных учреждениях выигрывает лишь при организации массовых региональных, городских и областных мероприятий, на которые выделяются средства из бюджета. При этом на больших городских пространствах сходятся «социальные атомы» — самая разнообразная публика, образующая *массу*, разрушающее действие которой в свое время получило мощную критику наших европейских коллег. Плюсом такого мероприятия в Оренбурге является денежное вливание. Минусом — стандартизация (омассовление) формы, где фото- и техническое оснащение, фото- и видеоматериал, современная (западного типа) музыка преобладают, а традиционный материал и живая культмассовая работа минимизированы. При такой организации потребительская позиция публики провоцируется организаторами, воспитательный момент практически отсутствует. Массовая форма культуры в случайном действе людей-атомов допускает манипуляцию публикой, опирается на пассивность её участия. Толерантность в этом случае становится универсальной установкой на потребление, а потре-

битель превращен в «покупателя». Мощными «агентами воздействия» на формирующееся сознание молодого поколения стали современные торгово-развлекательные комплексы. То, что в советский период реализовывал советский сельский и городской клуб, сегодня полностью отдано «на откуп» коммерческим структурам, торговым центрам, закрытым клубам. Творческая самореализация сегодня также оценена и «покупается». Основной акцент государственной поддержки сделан не на равных, а на «лучших», выдающихся, успешных. Государство поддерживает этот процесс. Лучшим — лучшее, остальным — остальное. Такой подход при организации развлекательных мероприятий подразумевает, что субъектом является группа профессионалов-продавцов, а покупатель-зритель становится объектом манипуляции. Подобная позиция не свойственна сложившейся в советской культуре традиции организационной работы. В русской традиционной культуре и её продолжении в советском культучреждении складывались формы консолидации малых творческих групп и коллективов (города и села, предприятия и учреждения). Они участвовали в подготовке и проведении каждого мероприятия. Социальная структура традиционного праздника также соединяла малые группы, объединения и общественные организации города (села) которые оказывали поддержку и участвовали в его подготовке. Основой массового социокультурного взаимодействия в традиционной культуре был народный праздник. В сельской культуре праздник разворачивался за пределами села, собирая молодежь с посиделок и завалин. «Зимой — посиделки, летом — завалины» — так характеризуют традиционный досуг молодежи в 1950–1970 гг. старожилы села Красногор Саркыташского района Оренбургской области Алексей Григорьевич (род. в 1929) и Анна Яковлевна (род. в 1935) Рябиныны [2, с. 20–39]. Современная структура праздничного действия предполагает форму, в которой, с одной стороны, действует профессиональное организационное ядро (которое может раскрываться до системы организаторов, объединяющей ряд профессиональных и полу-

профессиональных коллективов или сжиматься до одного-двух ведущих и оператора технических и масс-медиа-средств); с другой стороны, это масса пассивных зрителей. При этом в руках небольшого количества организаторов может оказаться оснащенный современными техническими средствами мощный инструмент для манипуляции чувствами и настроением собравшихся. Новые, *универсальные*, принципы организации культмассовых форм ориентированы на «всех, здесь и сейчас». Именно так организованы торговые площадки, приспособленные для отдыха горожан, где за определенную плату обеспечивается комплекс услуг по отдыху и развлечениям. Таким образом, в постсоветской культуре системность некоммерческой, свободной организации групп и объединений граждан на базе городских и сельских учреждений культуры и активное государственное участие и в подготовке, и в проведении различных мероприятий утрачивается. Одновременно происходит вытеснение традиционных (групповых, любительских) форм — тех, что сохранялись не только в свободных объединениях по интересам, но и в каждом трудовом коллективе с его общими праздниками, семейными и трудовыми торжествами, кассой взаимопомощи и другими подобными формами организации общественной жизни. Новая структура социокультурного взаимодействия складывается в системе «хозяин — подчиненные». В этом случае тоже возможна определенная гармония, складывающаяся на традиционном русском понимании общественной организации: хозяин семьи — домочадцы-подчиненные. Однако чаще мы наблюдаем жесткую, «домостроевскую» форму такого взаимодействия, сложившуюся в XVII столетии, в период кризиса русских традиционных семейных ценностей в новой русской культуре московского типа. Позитивный пример инициативы и творчества в этом направлении не является массовым и его невозможно тиражировать. Так, в 2014 году в Оренбурге на основе инициативы молодых людей, *заряженных* идеей сохранения русской истории, была создана оренбургская региональная общественная организация по возрождению славянской культу-

ры «Пересвет». В ней удачно соединились инициатива и духовный заряд лидеров, традиционные народные инструменты и организационные формы советского типа с поддержкой со стороны производственной структуры, которой владел один из духовных лидеров системы. К 2019 г. вокруг инициативного ядра сложились различные подсистемы, действующие в большей степени на общественном основании при условии знания форм и принципов коммерческой организации в современных российских условиях. Умение действовать в коммерческих условиях дополнялось харизмой и авторитетом лидеров и позволяло реализовывать их замыслы. Функционирование такой системы можно соотнести со структурой и формой организации европейских религиозных орденов. В них органика *духовного горения* (в нашем варианте — любительства и душевной привязанности, свойственные народной традиции) соединялась с механикой, институцией, организующей производство. В такой конструкции духовный заряд лидеров поддерживается активом (в народной традиции — теми, кто предан идее, в восточном типе культуры — преданными, подданными). Вне лидерства подобная форма несостоятельна. Выделяя подобную организацию, можно отметить её эксклюзивность (культура европейских религиозных орденов также не была массовым явлением). В советской практике просветительской и досугово-развлекательной работы, организованной при государственных (производственных) и общественных (поддержанных государством) системах, действовала подобная схема. Она срабатывала в рамках небольших производств и заводских клубов, не имеющих собственного помещения. В культуре советского типа практически все небольшие предприятия имели подобные *клубы*. Лидеры-организаторы любительства и коллективов художественной самодеятельности получали зарплату в профсоюзной организации предприятия, на которой лежала обязанность субсидировать все мероприятия, подготовленные лидерами, активом и участниками коллективов. В этом случае большая часть социокультурной организации принадлежала

не формальным структурам клубных учреждений, а органике душевных связей и свободной самодеятельности. Лидеры, инициаторы (как правило — руководители производств и ведомств) организовывали работу в красных уголках заводских общежитий, актовых залах и других свободных площадках, а производственная структура оказывала этой самодеятельности помощь и поддержку. В этом случае функционировала структура: производственная подсистема (профсоюзная организация, цех), являющаяся коллективным субъектом, организующим культмассовую работу (и в ней — лидеры первого уровня); руководители коллективов и объединений (лидеры второго уровня); актив творческих коллективов (третий уровень); участники и исполнители. В таком случае особую роль приобретает лидер первого или второго уровня, имеющий поддержку производственной подсистемы, знающий свою культуру, любящий её, способный её интерпретировать. Позитив достигался, когда духовное горение и творчество лидера и группы имело поддержку производства, но не побеждалось прирастающей из этого материальной выгодой. Однако вне необходимой, достаточной для функционирования этой структуры материальной базы такая форма (как некое ядро просветительской и культмассовой работы) нежизнеспособна.

В советской истории можно выделить период, когда духовное горение (органика и харизма) достаточно успешно заменялось административными акциями (организацией). Так в 1920–1950-х гг. традиционная организация сельской молодежи, которая составляла основную часть молодого населения России, вокруг «посиденок и завалин» была заменена коллективным, организованным отдыхом в клубном учреждении. Эта система успешно функционировала в течение всего советского периода, однако с крушением культуры советского типа и разрушением системы клубных учреждений практически все эти формы организации отдыха молодежи стали частью коммерческих структур. Клубы закрывались и разрушались, небольшие ставки работников культуры сокращались. Субсидирование этой работы на селе было

передано в ведение сельских администраций. Здания клубов и Домов культуры, потеряв государственную поддержку, были проданы. В завершение этого разрушительного процесса сохранившаяся на повседневном уровне народная традиция организации досуга и отдыха пережила второй удар — ей было предложено перейти в торговые центры и стать элементом купли-продажи. Эти процессы дополнялись некритическим заимствованием западных практик организации работы в области досуга и отдыха. Это можно определить как двойную ломку русского традиционного культурного кода: во-первых, разрушалась основа самодеятельного объединения (его общедоступность, творчество, некоммерческая природа), для чего в советской культуре предоставлялась площадка для действия; во-вторых, исчезали сами учреждения культуры советского типа. Эти действия на рубеже XX–XXI вв. заставили население вернуться к домашнему отдыху, а разрушение производственной системы сел и малых городов, перестройка систем образования и традиционного воспитания заставило молодое население уезжать в большие города. Это усилило процесс урбанизации. Во время наших экспедиций в 2014–2016 гг. мы видели такие разрушенные села, где в хорошо обустроенных молодыми семьями домах — с отоплением, ванной, теплым туалетом, со спутниковой тарелкой во дворе — остались престарелые родители, которые сокрушаются о своем, деревянном доме возле реки, с садом и огородом. Городской досуг молодежи в постсоветский период сосредоточился в неформальных маргинальных и криминальных системах, вариантах волонтерства, а также в приобщении к чужой активности, вынесенной в публичную сферу (например, погружение в TV-программы, где основа — пассивное разглядывание чужой жизни). Это не содействует формированию творческой активности и гражданской культуры, работает на разрушение традиционного основания бытия. Нежизнеспособными выглядят все попытки переложить воспитательные усилия на учебные учреждения и коммерческие структуры.

Декларируемое государством формирование гражданской позиции на основе

частных инициатив вне государственной поддержки малопродуктивно. При этом ряд принципов и форм коммерческой организации любительства и отдыха в большом городе, в хорошо урбанизированной и оснащенной техническими достижениями среде, достаточно успешно реализуется, но в малых городах России картина иная. В них отсутствует должная техническая оснастка музейных и парковых учреждений, снижена платежеспособность населения, нет притока творческой элиты и коллективов, способных часть своей работы провести на благотворительной основе (как это бывает в столичных городах). Проблемой становится отсутствие уродителей возможности постоянно оплачивать занятия своих детей в коммерческих художественных коллективах. Постановка и реализация каких-либо воспитательных задач, в том числе и в направлении формирования гражданской культуры и гражданской позиции молодежи, при отсутствии культурных площадок для общедоступного, свободного, творческого самовыражения молодежи, которые в традиционной культуре предоставляла сельская улица, а в советской культуре — клубное учреждение, затруднена. Уход из системы образования и воспитания работников клубных учреждений советского типа (идеологов, организаторов-профессионалов, лидеров досуговой и развлекательной сферы) или перевод их деятельности на коммерческие рельсы порождает стихийные практики неформальной организации молодежи. Если у *зацеперов*, объединенных рискованной и смертельной практикой, складываются устойчивые группы (объединенные кровью), то движение волонтеров, как особая самостоятельная культура, не заменяет традиционных для России форм любительства и самостоятельности, так как включает определенную коммерциализацию (в ряде случаев оплачивается) и имеет чуждую для традиционной культуры основу. Это в одном случае привлекает тех, кто ищет формы, помогающие выделиться и заработать некие «кредиты на будущее»; в другом — позволяет заполнить свое свободное время; в третьем — связывается с будущей профессией. Все это не тождественно утраченным формам

традиционного свободного и бесплатного творческого участия в коллективах и объединениях по интересам в сельском или районном клубе.

Эклектика, отсутствие внятного кода массовых организационных форм, отсутствие больших философских идей и политических установок в организации досуговой и развлекательной сферы (а надо вспомнить, что каждый советский работник клубного учреждения работал на идеологию и пропаганду ведущих идей государства) не работает на формирование гражданской позиции молодежи. Экономист, торговец, сидящий там, где должен сидеть вождь, идеолог, не решают, а усугубляют проблему. Необходимо возрождение культурных инструментов, уже опробованных в российской культурной традиции и не чуждых народной культуре. Мы постоянно говорим о возрождении России, и в нашем случае применим рецепт, выявленный П. М. Бицилли в его анализе европейского Возрождения: «Секрет „возрождения“ — в умении найти не *новое*, но *вечное* в *любой* ценности. Но именно это-то и *надо уметь*. Иначе и Иисус Христос окажется „первым санкюлотом“ или „еще не вполне сознательным пролетарием“, и из Нагорной Проповеди можно будет вычитать апологию „государственного принуждения“ при помощи кнута и виселицы (и вычитывают) ... *Обилие* ценностей помехой служить не может. Надо понять, что „круговорот истории“ вовсе не сводится к периодическим возвратам к разбитому корыту. Ценности постоянно, в процессе движения жизни во времени, *накапливаются*. У нас *больше* ценностей, чем их было у св. Франциска, у Геродота или Гомера. И никакой беды в этом нет. От большинства этих ценностей мы освободиться не можем, и этого нам и не нужно. Эклектизм („историзм“) обуславливается не объективным влиянием, не „обстановкой“: он — в нас самих. При величайшей пестроте, при величайшем многообразии „ценностей“ возможна целостная культура — если только есть *единство в душе*. Тогда ценности сами собою слагаются в гармоническое целое, сливаются в *одну* ценность. И это есть *возрождение культуры*» [1, с. 198–199].

Tatyana Yu. SKOPINTSEVA

The Cultural Heritage of Southern Russia's Regions and Problems of Developing Civic Culture in Young People

Abstract. The article presents a cultural review of the status of the system that forms civic attitudes in young people in the post-soviet period. The author regards civic attitudes as a part of Russian culture based on the peasant-type Russian culture and the basic part of activities on building civic culture and attitudes in young people as an important element of regular practices developed beyond official formalized state structures. The civic subculture develops during the course of a lifetime. Its code is preserved in the mentality, life ways, behavior stereotypes. The system of citizen-state interactions emerged in the conditions of the west-and-east culture frontiers. This feature facilitated the development of an original cultural personality type. The peoples, part of Russian culture, adopted this type. The necessity to be always ready for defense urged to develop objectives and principles of life that aimed to preserve spiritual bases rather than to achieve stable well-being, profit, to build a home-fortress, which is inherent in the western type of culture. The content of the spiritual bases was outlined in super-senses expressed in metaphors "Mother Earth", "Holy Russia" or "Russian World". In Soviet Russia, these principles were developed in activities of organizations of culture with traditional bases supplemented by the ideology of the Soviet state. In the 1990s, the system of forming the civic culture developed in the soviet period was subjected to destruction: all soviet-type organizations of culture were mostly eliminated, those remaining were commercialized while professionals who graduated from universities of culture were retrained for commercial activities. Nowadays, numbers in the reports of culture ministries and departments and of education systems demonstrate the growth of participants in artistic groups and teams, but they do not show the sociocultural nature of statistic numbers, that is, the constancy and continuity of activities in free, available-for-all artistic groups and teams is substituted by one-time and random visits of commercial organizations. The exclusivity of individual groups and teams that work based on the folk tradition and the civic attitudes it preserves cannot replace the education system that forms civic attitudes of the Soviet type. The conclusion is the following: the ideas and principles of the development of civic attitudes in young people are now being formed, which requires attention from the state and serious work of experts in the preservation of the traditional basis of the Russian-type folk culture (which is the basis of Russia's state culture).

Keywords: Russian folk culture, Russian culture, civic culture, culture of everyday life, folk tradition, forms and principles of preserving culture, specific character of Russian and Russia type of culture, Soviet type of culture, cultural heritage.

Использованная литература:

1. Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996.
2. Борщевская, А.В. Дружно, ребята, в поход собирайтесь. Традиционный фольклор Саракташского района Оренбургской области: сб. Оренбург: Экспресс-Печать, 2019.
3. Лотман Ю. М. Люди и чины // Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)»: СПб: Искусство-СПб. 1994. С. 11-31
4. Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков: В 4 т. Т. 4: Песни обрядовые. Духовные стихи. Апокрифы. Заговоры. Очерки обрядов. Царь Максимилиан. Добавления. Собр. А. И. Мякутин. Оренбург: Типо-литография К. Биркенфельда, 1910.
5. Савельева Н. М. Запоем-кася, братцы, песню новую. Народные песни и наигрыши Оренбургской области. М.: Современная музыка, 2018.

References:

1. Bitsilli, P.M. (1996) *Mesto Rennessansa v istorii kul'tury* [The place of the Renaissance in the history of culture]. St. Petersburg: Mifril.
2. Borshchevskaya, A.V. & Skopintseva, T.Yu. (2019) *Druzhno, rebyata, v pokhod sobiraytes'. Traditsionnyy fol'klor Saraktashskogo rayona Orenburgskoy oblasti: sbornik* [Guys, go pack for camping. Traditional folklore of the Saraktash district of Orenburg Oblast: A collection]. Orenburg: Ekspress-Pechat'.
3. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 11–31.
4. Myakutin, A.I. (1910) *Pesni orenburgskikh kazakov* [Songs of the Orenburg Cossacks]. Vol. 4. Orenburg: Tipolitografiya K. Birkenfel'da.

5. Savel'eva, N.M. (2018) *Zapom-kasya, brattsy, pesnyu novuyu. Narodnye pesni i naigryshi Orenburgskoy oblasti* [Brothers, let's sing a new song. Folk songs and tunes of Orenburg Oblast]. Moscow: Sovremennaya muzyka.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Скопинцева Т. Ю. Культурное наследие регионов России и проблемы формирования гражданской культуры молодежи [Электронный ресурс] / Т. Ю. Скопинцева // *Наследие веков*. – 2019. – № 3. – С. 13–28. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.001

Full bibliographic reference to the article:

Skopintseva, T. Yu. (2019) The Cultural Heritage of Southern Russia's Regions and Problems of Developing Civic Culture in Young People. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 13–28. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.001

МОСКОВЧУК Любовь Сергеевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Санкт-Петербургского государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

Lyubov S. MOSKOVCHUK

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI",
Saint Petersburg, Russian Federation

lsmoskovchuk@etu.ru

УДК 908:17.023
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.002

**Этос краеведения: этические
основания и моральные
императивы**

**The Ethos of Local History:
The Ethical Foundation
and Moral Imperatives**

В статье рассматривается система этических ценностей, лежащих в основе краеведения. Краеведение как междисциплинарная теоретическая и практическая деятельность порождает множество этических дилемм и нуждается в этической рефлексии. Приобщение молодежи к краеведению через волонтерские проекты должно вестись с учетом специфики моральных кодексов смежных специальностей (академическая, журналистская, поисковая и др. этика), а также на основе этических принципов краеведческой деятельности. В статье обоснована применимость терминов «этос» и «профессиональный этический кодекс» по отношению к краеведению, показана этическая нагруженность краеведческой деятельности и сформулированы базовые моральные императивы. Игнорирование этической составляющей может привести к дискредитации краеведения и связанных с ним волонтерских проектов в глазах общественности и профессионалов из смежных областей.

Ключевые слова: аксиология, профессиональная этика, прикладная этика, этос, краеведение, этический кодекс, молодежь, волонтерское движение.

Рефлексия над этическими последствиями собственных действий всегда была характерна для профессионалов высокого уровня, заботящихся о личной репутации и о репутации своей профессии. Становление профессии традиционно связывалось с возрастающим

интересом к вопросам профессиональной этики и выработке профессионального этического кодекса. Неудержимый, стремительный научно-технический прогресс, проникающий во все жизненные сферы, по-новому ставит перед современными педагогическим и науч-

ным сообществами вопрос о моральных основаниях профессиональной деятельности. Благодаря развитию Интернета и цифровизации архивов и библиотек расширяется и упрощается доступ к информации, что создает иллюзию общедоступности и легкости краеведения. Такая иллюзия может быть чревата искажением системы ценностей, лежащей в основе краеведческой деятельности.

В то время как роль краеведения в нравственном и гражданском воспитании личности признается достаточно большим числом специалистов и педагогов, этические основания краеведения не часто попадают в поле зрения исследователей. Так, в статье Г. П. Пирожкова и И. Г. Пирожковой «Краеведение как научная учебная дисциплина через призму современных проблем» рассматривается значение краеведения в контексте культурологизации и гуманизации образования, подчеркивается его потенциал в ходе нравственного воспитания, однако по замечанию авторов морально-этические ситуации редко освещаются в рамках приобщения к краеведению [8]. В связи с этим встает вопрос, можно ли сформировать моральное самосознание молодежи, приобщая ее к краеведческой практике, без понимания аксиологической структуры краеведения и без моральной рефлексии над собственными действиями? Представляется, что невозможно. В этой связи и возникает необходимость реконструкции и прояснения этоса краеведения.

Термин «этос» как выражение нравственных ориентиров и свод моральных правил в отношении краеведения выбран не случайно. Во-первых, по причине того, что краеведение обычно определяется не как профессия, а как особая деятельность. Таким образом, речь идет о практике, определенной не профессионально, а предметно, поэтому использование термина «профессиональный этический кодекс» в отношении краеведения представляется не вполне корректным. Во-вторых, краеведение представляет собой междисциплинарную область, объединяющую теоретиков и практиков из различных сфер: истории, археологии, культурологии, географии, экологии и др. В связи с этим, с одной стороны, представляется невозможным этические нормы из какой-то

одной области распространить на все краеведение в целом, а с другой — возникают трудности с созданием универсального этического кодекса, не учитывающего специализацию, так как моральные дилеммы, с которыми столкнется краевед, работающий с историческими архивами, могут сильно отличаться от тех, с которыми столкнется краевед-эколог. В-третьих, краеведением часто занимаются любители и энтузиасты очень разных возрастов, что не позволяет говорить о сложившемся профессиональном статусе этого рода деятельности. Все названные причины препятствуют тому, чтобы говорить о профессиональной этике краеведения, однако эти же особенности позволяют говорить о краеведении в рамках прикладной этики (то есть анализировать возникающие в ходе краеведческой деятельности моральные проблемы) и задумываться об особых надситуативных и надличностных императивах, свойственных широкому кругу людей, ассоциирующих себя с краеведением, что подводит нас к возможности сформулировать этос краеведа.

С другой стороны, предложенная В. Ю. Перовым система характеристик этико-ориентированных профессий, в которую включены такие признаки, как «1) ориентация на социальные (непруденциальные) блага; 2) внутренние (субъективные) моральные установки; 3) внешние моральные ожидания со стороны общества; 4) нравственная конфликтность принятия решений; 5) персонализм профессиональной деятельности; 6) специфические иерархические отношения внутри профессии; 7) автономные процедуры принятия в профессию, способы признания и продвижения по службе; 8) организационные структуры, деятельность которых направлена на формирование и поддержание профессиональной ответственности, солидарности и доверия» [7, с. 71], позволяет обосновать допустимость разговора о профессиональной этике краеведения.

Этическая ориентированность краеведения выражается в соответствии следующим пунктам: 1) краеведение в первую очередь ориентировано на сохранение культурного и исторического наследия, а не на личное обогащение; 2) от краеведа требуются особые

морально-волевые качества, такие как, например, объективность, беспристрастность, бескорыстность, активная гражданская позиция и др.; 3) от краеведов, имеющих доступ к конфиденциальной информации, например, к семейным архивам, общество ожидает защиты этой тайны; от краеведов, имеющих доступ к культурным ценностям, общество ожидает того, что человек не воспользуется неведением обладателя этой ценности и т. д.; 4) в краеведении можно выделить различные виды этических конфликтов: монетизация или бескорыстное служение, следование идеалам науки или популяризация, право на забвение или объективность; 5) существенная самостоятельность краеведа в выборе объекта, цели, средств и методов своей деятельности, сопряженные с необходимостью высокой квалификации, наделяют субъекта высокой степенью автономии; 6) недобросовестные действия кого-то, причисляющего себя к сообществу краеведов, могут нанести репутационный ущерб всей социальной группе, поэтому существуют различного рода региональные и национальные краеведческие объединения, вырабатывающие общие правила поведения в тех или иных ситуациях. Необходимость выработки этического кодекса часто связана с тем, что «решение ситуаций и нравственных конфликтов не может быть ограничено личностным моральным выбором, поскольку профессиональная деятельность носит общественно значимый характер» [7, с. 76], а именно к таковой деятельности и относится краеведение. По этой причине и в силу того, что краеведение соответствует большинству характеристик, присущих этико-ориентированным профессиям, его можно отнести к числу тех видов деятельности, которые в перспективе нуждаются в выработке профессионального этического кодекса.

Можно заключить, что ввиду высокой социальной ответственности в краеведении любая деятельность в рамках этой области знания нуждается в экспертном этическом сопровождении. Отсутствие специальной рефлексии над этической составляющей со стороны самого краеведческого сообщества можно рассматривать как тревожный фактор, показывающий разобщенность этого сообщества и сла-

бую перспективу институализации краеведения по типу свободных профессий, которая обычно сопровождается всплеском интереса к аксиологической проблематике и активными дискуссиями о цеховой морали. Как отмечает Т. И. Пороховская, через профессиональную этику происходит реализация корпоративной и индивидуальной ответственности, а сам кодекс «является официальным нормативным документом к которому могут при необходимости апеллировать члены профессионального цеха: он фиксирует границы моральной ответственности, нравственные обязанности и запреты в профессиональной деятельности» [9, с. 329], а потому должен разрабатываться самим экспертным сообществом, а не сторонним наблюдателем. Именно по этой причине представляется более корректным на данном этапе и в рамках данной статьи говорить об этосе краеведения, а не о профессиональной этике.

Как уже упоминалось, междисциплинарное поле краеведения включает в себя множество профессиональных областей, среди которых история, этнография, археология, реставрация, экскурсионная деятельность, журналистика и др. Специализация в какой-либо из этих областей требует от субъекта соблюдения принятых в ней этических правил. Так, историк-краевед должен следовать принципам научной рациональности и этосу ученого, краевед-публицист — соблюдать журналистскую этику, краевед, интересующийся сохранением культурного наследия, — придерживаться этики реставратора и т. д. Непонимание специфики этической составляющей смежных областей может приводить (и приводит) к репутационным рискам и дискредитации как всей области знаний, так и вида деятельности.

В качестве одной из таких проблемных точек можно отметить «высокомерный» взгляд на краеведение со стороны профессиональных историков, которые иногда приравнивают краеведение к «фолк-истории» (народному мифотворчеству, поп-истории, псевдо-истории): «Работа историка требует определенного уровня профессионализма, созданного базовым образованием в молодости (лет эдак от 17 до 22) и длительной практикой в своей научной (не только преподавательской) деятельности впоследствии. Деятельность исто-

рика-профессионала ближе к работе следователя, чем писателя. Любительские занятия наукой (чаще всего альтруистичные и бездоходные) в российской провинции с XIX в. принято называть краеведением. Десятки, если не сотни краеведов в каждой области занимаются на свой страх и риск (в качестве хобби) краеведением и приносят этим своей малой родине много пользы. Их занятия ближе всего к работе публициста (короткое дыхание статьи, накал эмоций, личная увлечённость, коллекционерский подход к теме)» [1]. Среди «грехов» краеведения называются отсутствие научного подхода и беспристрастности в оценке сведений, погоня за сенсацией, фальсификация, узость мышления, незнание или игнорирование историографии и др. Все это снижает доверие не только к получаемым результатам, но и рисует достаточно негативный образ краеведа-любителя. С другой стороны, еще Н. Я. Марр отмечал, что благодаря «незашоренному» взгляду краеведов, их пытливости и любви к собираемому материалу удавалось предлагать смелые гипотезы, впоследствии находившие подтверждения в «большой» науке: «Краеведение не простое лишь материальное обогащение науки, это не расширение лишь культурно-просветительской деятельности наших убежденных седидами центральных научно-исследовательских институтов... или применение наших испытанных теоретических положений к новым фактическим материалам. Краеведение — это особый путь научной работы, это источник новых методов» [5, с. 7].

Недостаточная методологическая и научно-исследовательская подготовка части краеведческого сообщества осознается и самими его представителями, что иногда приводит к внутрикорпоративным конфликтам. В качестве примера приведем публикацию М. Мироновой (член Королёвского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры), в которой автор противопоставляет «краеведение» (кропотливая исследовательская работа с соблюдением существующих этических правил) и «краеведство» (преследование корыстных целей, нарушение академической этики и авторских прав) [6].

Археологическое краеведение без соблюдения этических и профессиональных стандартов грозит превратиться в «черное копательство» и кладоискательство. Существующие в археологии этические кодексы провозглашают в качестве базовой ценности сохранность памятника и запрещают получение выгоды (продажа артефактов, создание личных коллекций, введение в оборот нелегально добытых предметов старины и др.), обсуждается возможность сокрытия данных о местоположении археологических памятников, так как подобная информация способствует их разграблению [2]. Поэтому представляется важным еще на этапе приобщения к волонтерским проектам в области археологического краеведения сформировать правильные ценностные установки, чтобы в будущем избежать увеличения численности недобросовестных искателей кладов и «копателей», разрушающих своими действиями памятники.

Поисковое движение, активно развивающееся в современной России, наглядно демонстрирует важность формирования позитивной системы ценностей у молодежи, вовлекаемой в волонтерскую деятельность. Так, на сайте Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» опубликован текст «Морального кодекса поисковика» [10], в котором зафиксированы ключевые требования к поведению участников движения: бескорыстность, уважение к останкам павших воинов (независимо от их национальной принадлежности), почтение к воинским реликвиям и др. Важным достоинством этого документа можно назвать наличие конкретных формулировок, проясняющих, какого поведения следует воздерживаться, чтобы не дискредитировать поисковое движение в глазах общества. Например, что особо ценно в эпоху распространения социальных сетей, указывается, что запрещено любого рода позирование на фоне останков. Кодекс охватывает в первую очередь типовые поведенческие ситуации, в которых человек может оступиться и совершить неблагоприятный поступок.

Более пристальное внимание к этической составляющей поисковой деятельности можно найти в работе С. С. Котилевского

«Теория и практика поисковых работ». Среди проблем, не охваченных вышеупомянутым Кодексом, называются: несогласованность действий поисковых отрядов, из-за которых родственники погибших получают по несколько уведомлений о найденных останках; низкий уровень системности в поисковой работе и малая добросовестность в работе с архивными материалами, которые приводят к подмене целей поисковой работы. Как указывает автор: «Подавляющее большинство преподавателей места былых сражений видят, прежде всего, как воспитательный полигон, а поисковую работу — как способ воспитания патриотизма у детей и подростков. К сожалению, приходится констатировать, что многие педагоги в малой степени уделяют внимание освоению поисковых премудростей, считая, что этому дети научатся непосредственно в ходе выполнения полевых работ» [3, с. 11], а в результате идентификация павших воинов производится на низком уровне, а форма вытесняет содержание.

Краеведение, обладая культурно-охранительным и культурно-созидающим характером, тем не менее может привести и к определенной профессиональной деформации, в част-

ности, к преувеличению роли какого-то отдельного народа или региона в истории и культуре. С одной стороны, как верно замечает Д. С. Лихачев, благодаря краеведению, «преобразуется ландшафт, если мы знаем, какие события в нем происходили, какие битвы тут разыгрывались, чьи судьбы решались» [4, с. 161], он наполняется духовным содержанием. С другой стороны, акцент на узких темах приводит к сильной героизации, стремлению «удревнить» изучаемый край и идеализации [1].

В качестве заключения сформулируем на основе приведенных примеров базовые императивы, которые могут стать основой морального этоса в краеведении: преодоление глобализации; сохранение самобытности; воспитание этнического или краевого самосознания, но при этом умение видеть горизонты сближения с соседними культурами; встраивание в межкультурный диалог; приверженность созидательной толерантности; свободное и в то же время согласованное с единомышленниками творчество, основанное на идеалах научной рациональности и академической этики; защита интересов общества и культуры и противостояние коммерциализации и прагматизму.

Lyubov S. MOSKOVCHUK

The Ethos of Local History: The Ethical Foundation and Moral Imperatives

Abstract. The article deals with the system of ethical values on which local history is based. Local history, as an interdisciplinary theoretical and practical activity, generates a lot of ethical dilemmas and needs ethical reflection, especially now when thanks to the development of technology local history classes become popular and accessible to many people of different ages and different levels of education. Inclusion of young people in local history through volunteer projects should be adapted to the specifics of the moral codes of related specialties (search movement, academic, journalistic, etc. ethics) and should rely on the ethical principles of local history. In the article, the applicability of the terms “ethos” and “professional code of ethics” to local history are reasoned. On the one hand, the lack of specialty like “local historian” and its amateur character do not allow us to speak about a professional code. On the other hand, ethical orientation and a high level of social responsibility encourage us to speak about the necessity of developing an ethical code. Thus, the axiological system of local history could be considered from the position of professional or applied ethics. At this level of the study, the author prefers to use the term ethos as a reflection of basic values and moral imperatives. Among the most typical problems a local historian may face is the conscious or unconscious violation of research ethics, disclosure of confidential information, the abuse of position and knowledge, causing damage to cultural sites out of ignorance, etc. The search movement, which pays the biggest attention to ethics because of its specificity, stands out as it has a developed ethical code unlike other types of local his-

tory. The analysis of the local history practice has allowed allocating the most typical moral dilemmas and formulating the basic moral imperatives: overcoming of globalization; preservation of identity in parallel with intercultural dialogue; dedication to constructive tolerance; free creativity that is yet coordinated with the like-minded and is based on the ideals of scientific rationality and academic ethics; protection of the interests of the society and culture and opposition to commercialization and pragmatism. Ignoring the ethical component can be the reason for discrediting local history and related volunteer projects in the eyes of the public and professionals from related sciences. The participation of local history representatives in the discussion of ethical problems in their activities will positively affect the status of local history and its institutionalization.

Keywords: axiology, professional ethics, applied ethics, ethos, local history, code of ethics, young people, volunteer movement.

Использованная литература:

1. Бердинских В. А. Проблемы паранауки, историческая наука и краеведение [Электронный ресурс] // Герценка: вятские записки / Сост. Н. П. Гурьянова. Киров: б.и., 2010. Вып. 17. С. 97-99. URL: http://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?ELEMENT=gerzenka17_4_2&NUMBER=number17 (дата обращения 12.08.19).
2. Коренько В. А. Проблемы профессиональной этики на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде // Российская археология. 2016. № 2. С. 183-184
3. Котилевский С. С. Теория и практика поисковых работ. Казань: Отечество, 2004.
4. Лихачев Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 159-173.
5. Марр Н. Я. Краеведение. Л.: Рос. гос. акад. тип., 1925.
6. Миронова М. О современном городском краеведении [Электронный ресурс] // Живой журнал «Журнал mironova_m_l». Запись от 15 мая 2018. URL: <https://mironova-m-l.livejournal.com/728.html> (дата обращения 12.08.19)
7. Перов В. Ю. Каким профессиям нужна профессиональная этика? // Ведомости прикладной этики. 2017. № 50. С. 67-78.
8. Пирожков Г. П., Пирожкова И. Г. Краеведение как научная учебная дисциплина через призму современных проблем // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №2 (64). С. 156-158.
9. Пороховская Т. И. Профессиональная этика как способ институционализации социальной ответственности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. Том 24 (65). 2012. № 1-2. С. 323-331.
10. Свод морально-этических правил участников Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших защитников Отечества «Поисковое движение России». [Электронный ресурс] // Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России». URL: <http://xn----ptbgoeelt.xn--p1ai/page/180/> (дата обращения 12.08.19).

References:

1. Berdinskikh, V.A. (2010) Problemy paranauki, istoricheskaya nauka i kraevedenie [Problems of parascience, historical science and local history]. In: Gur'yanova, N.P. *Gertsenka: vyatskie zapiski* [Herzenka: Vyatka notes]. Is. 17. Kirov: [s.n.]. pp. 97-99. [Online] Available from: http://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?ELEMENT=gerzenka17_4_2&NUMBER=number17. (Accessed: 12.08.2019).
2. Korenyako, V.A. (2016) Problems of professional ethics at the 4th (XX) All-Russian archaeological Congress. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 2. pp. 183-184. (In Russian).
3. Kotilevskiy, S.S. (2004) *Teoriya i praktika poiskovykh rabot* [Theory and practice of search work]. Kazan: Otechestvo.
4. Likhachev, D.S. (2000) *Russkaya kul'tura* [Russian culture]. Moscow: Iskusstvo. pp. 159-173.
5. Marr, N.Ya. (1925) *Kraevedenie* [Local history]. Leningrad: Ros. gos. akad. tip.
6. Mironova, M. (2018) *O sovremennom gorodskom kraevedenii* [On the modern urban local history]. 15 May. [Online] Available from: <https://mironova-m-l.livejournal.com/728.html>. (Accessed: 12.08.2019).
7. Perov, V.Yu. (2017) Kakim professiyam nuzhna professional'naya etika? [What professions need professional ethics?]. *Vedomosti prikladnoy etiki*. 50. pp. 67-78.
8. Pirozhkov, G.P. & Pirozhkova, I.G. (2016) Local history as a scientific academic discipline in the light of modern problems. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2 (64). pp. 156-158.
9. Porokhovskaya, T.I. (2012) Professional'naya etika kak sposob institutsionalizatsii sotsial'noy otvetstvennosti [Professional ethics as a way of institutionalizing social responsibility]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya*. 24 (65):1-2. pp. 323-331.
10. Search Movement of Russia. (n.d.) *Svod moral'no-eticheskikh pravil uchastnikov Obshcherossiyskogo obshchestvennogo dvizheniya po uvekovecheniyu pamyati pogibshikh zashchitnikov Otechestva "Poiskovoe dvizhenie*

Rossii" [Code of ethics of participants in the All-Russian public movement to perpetuate the memory of the dead defenders of the Fatherland "Search Movement of Russia"]. [Online] Available from: <http://xn----ptbgoeelt.xn--p1ai/page/180/>. (Accessed: 12.08.2019).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Московчук, Л. С. Этнос краеведения: этические основания и моральные императивы [Электронный ресурс] / Л. С. Московчук // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 29–35. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.002

Full bibliographic reference to the article:

Moskovchuk, L. S. (2019) The Ethos of Local History: The Ethical Foundation and Moral Imperatives. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 29–35. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.002

ДЕМЕНТЬЕВ Илья Олегович

кандидат исторических наук, доцент института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета имени И. Канта
Калининград, Российская Федерация

Ilya O. DEMENTEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation

IDementev@kantiana.ru

УДК 908-053.81(470.26)
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.003

**Молодежные краеведческие
инициативы: региональные
практики (на примере
Калининградской области)**

**Youth Initiatives
in the Field of Local History:
Regional Practices
(The Kaliningrad Region)**

В статье проанализирован опыт реализации молодежных краеведческих инициатив в Калининградской области. В советское время в регионе, как и везде в стране, действовала единая государственная система организации краеведческого воспитания: молодежь воспринималась почти исключительно в качестве объекта педагогического воздействия, а краеведческая проблематика была вписана в контекст военно-патриотического воспитания. Период Перестройки был отмечен ростом спонтанной молодежной активности относительно охраны культурного наследия и изучения новых тем по истории края, особенно Восточной Пруссии. После 1991 г. во многом сохранилась инерция работы государственной системы краеведческого образования, но в условиях трансформации социально-экономических институтов выдвинулись новые субъекты – некоммерческие организации. С одной стороны, молодежь и сегодня нередко рассматривается с позиций прежнего субъект-объектного подхода. С другой – в условиях глобализации приобретение молодежью субъектности несет новые вызовы, для ответа на которые нужно изучать региональный опыт реализации молодежных краеведческих инициатив.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Калининградская область, постсоветский период, советский период, краеведение, коммеморация, молодежь, добровольчество, социальные гранты.

Введение. Калининградская область возникла на территории северной части бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия, переданной Советскому Союзу по итогам Вто-

рой мировой войны. С 1946 г. начался процесс восстановления нового региона силами переселенцев из РСФСР и других республик. Наряду с реанимацией экономики одной из важ-

нейших задач для властей стало обеспечение социокультурной адаптации жителей. Советским гражданам предстояло осваиваться в чужом историко-культурном и природном ландшафте, самоопределяться по отношению к культурному наследию, вырабатывать стратегии приспособления к существующей инфраструктуре. Противоречия в процессе социокультурной адаптации советских переселенцев уже освещались в литературе [6; 9]. Естественный интерес к истории края приобретал различную окраску на разных этапах развития Калининградской области. Опыт краеведческой работы нескольких поколений молодых калининградцев редко становился объектом исследовательского внимания. В настоящей статье будет предложен краткий анализ этих инициатив в их историческом развитии.

Советский период: границы государственной монополии. В советский период молодежные краеведческие инициативы в Калининградской области, как и в других регионах, подлежали государственному контролю. Специфика политики памяти в западном советском форпосте, закрытом для иностранцев в период «холодной войны», заключалась в акценте на коммеморации героизма воинов Красной армии — участников Восточно-Прусской операции и штурма Кёнигсберга в 1945 г. Довоенное прошлое края, которое своими материальными свидетельствами в виде зданий, элементов городского ландшафта, отдельных памятников присутствовало в поле зрения калининградцев, не подлежало ни изучению, ни популяризации.

Функции осуществления государственной политики в отношении молодежи принадлежали прежде всего комсомольским и пионерским организациям. Это была типичная для всего СССР ситуация, но в Калининградской области она приобрела особую актуальность в связи с упомянутым основным вектором политики памяти. Формы краеведческой работы в рамках системы образования включали шефство над братскими могилами и памятниками, походы и экспедиции по местам боев и маршрутам армий, экскурсии в музеи боевой славы. В информационной записке обкома комсомола (1970 г.) приводились стати-

стические данные, позволяющие судить об охвате молодого поколения: ежегодно в походах участвовало около 160 тыс. человек, на основе собранных ими материалов работало более 400 музеев и уголков славы, ленинских комнат. В работу «красных следопытов», на постоянной основе занятых восстановлением имен соотечественников, павших во время войны на территории области, было вовлечено свыше 35 тыс. человек [20, с. 456] (все вышеприведенные показатели, возможно, несколько завышены, но в целом отражают масштаб охвата молодежи). Школьники поддерживали коммуникацию с родственниками захороненных в области воинов Красной армии — вели переписку, встречались лично (в ходе этих встреч в школьные музеи нередко передавались подлинники фронтовых писем, другие экспонаты). Вся эта деятельность была нацелена на формирование у молодежи чувства причастности к национальной истории.

Школьные музеи добились значительного успеха в вовлечении большого числа учащихся в историко-краеведческую работу. Тематика экспозиций была, как правило, ограничена военным и послевоенным временем. Обращение школьных музеев к довоенной истории нередко вызывало обвинения в «немецчине» — так было, например, с музеем Ульяновской школы Неманского района, открытым в 1981 г. и включившим в экспозицию раздел, посвященный немецкой истории поселка [17, с. 12].

Сегодня трудно установить степень инициативности молодых людей, которые были вовлечены в эти мероприятия. Очевидно, что государство стремилось обеспечить контроль над этим участком идеологического фронта: краеведческие кружки в школах работали под руководством педагогов, экскурсионные программы составлялись музейными работниками. Во внеурочной работе педагоги пользовались определенной свободой в выборе форм преподнесения краеведческого материала. Творческие педагоги экспериментировали: например, в Гурьевской школе школьники изучали карты, другие материалы по военной истории и потом соревновались в знании прошлого во время викторины Клуба веселых и находчивых (1967 г.) [7].

Официальный дискурс отличался противоречивостью в отношении субъектности молодежи в краеведческой деятельности. С одной стороны, акцентировалось внимание на том, что эффективное коммунистическое воспитание предполагает активную роль детей, когда школьный музей становится «делом рук самих учащихся», формирующих совет музея и участвующих в планировании его работы [1]. С другой — неизменно подчеркивалась *руководящая и направляющая роль педагогов* и привлекаемых к занятиям ветеранов войны [11, с. 131-132]. Дети воспринимались как объекты воспитательной работы. Вот как описывался в партийной газете приезд в поселок Добровольск в 1967 г. В. И. Тазаевой, вдовы Героя Советского Союза, погибшего в этих местах. Формально она была приглашена «красными следопытами». На митинге, организованном у братской могилы, выступили председатель сельсовета и другие официальные лица; вдова героя рассказала пионерам о детских годах своего мужа [12]. Детская аудитория в этой ситуации предстает как пассивная масса слушателей — объектов разнообразных коммеморативных практик.

Дефицит субъектности, впрочем, относился также к ответственности за недостатки: в отчете о работе Совета Калининградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) за 1966-1967 гг. констатировалось, что некоторые школы относятся к работе следопытов формально. В случае школы № 8 областного центра ответственность перекладывалась на администрацию: «Ребята бросили свой поиск. Стоит на улице Герцена безымянная, неухоженная могила. Это и неудивительно, если директор школы т. Кикоть считает, что работа следопытов ненужное дело, отнимающее лишь много времени у ребят» [5, оп. 1., д. 9., л. 17]. Мнение самих следопытов по этому поводу проследить трудно, все решения зависели только от руководства школы.

Однако внимательное изучение источников позволяет выявить границы дозволенного в деятельности школьников. Один из лейтмотивов публикаций прессы советского времени о краеведческих движениях — удовлетворение райисполкомами ходатайств

учащихся о переименовании улиц в память о павших героях войны. Юные краеведы также выдвигали инициативы по установке памятников героям войны, иногда даже принимая на себя функции по ресурсному обеспечению этих проектов (например, школьники Зеленоградска в 1970 г. решили передать средства от сбора макулатуры и металлолома на возведение памятника в поселке Русское) [22]. Возможно, в данной деятельности допускалась определенная степень самостоятельности, хотя едва ли в конечном счете эти действия не координировались «сверху».

Иногда коммеморативные инициативы молодежи действительно носили спонтанный характер: даже будучи вписанными в официальные идеологические рамки, они уже в силу своей креативности, чуждой всяким формальностям, неизбежно должны были вызывать подозрения. В 1959 г. пионеры дружины школы № 1 Черняховска придумали необычный способ отмечать день памяти советского военачальника И. Д. Черняховского — факельным шествием. Одобрения были получены последовательно от комитета комсомола, дирекции, парторга школы. Однако «идею не поддержали в горкоме партии: решили, что это отголоски фашизма...» [8, с. 52], а для Калининградской области этот контекст был вдвойне двусмысленным. Благодаря содействию горкома комсомола факельные шествия, тем не менее, вошли в традицию — до Перестройки.

Школы, наряду с другими организациями, с 1950-х гг. были привлечены к охране памятников истории и культуры, причем не только мемориалов времени Великой Отечественной войны, но и могил профессоров Кёнигсбергского университета. Так, средняя школа № 23 Калининграда отвечала за сохранность могил Ф. Неймана и Р. Каспари (обязательства зарегистрированы в 1956 г.) [5, оп. 2, д. 20, л. 12-14], а мореходное училище — могилы И. Канта, которую следовало оберегать от разрушения и расхищения [Там же, л. 16]. По всей видимости, это продолжалось недолго, тем более что немецкое наследие в принципе было практически табуированной темой для системы образования. Тематика работы юных краеведов касалась прежде всего событий 1944-1945 гг.

на территории области. Некоторые организаторы краеведческой работы стимулировали обращение к другим темам: например, В. Г. Бирковский (школа № 11 Советска) вместе со школьниками занимался изучением маршрутов газеты «Искра» через Восточную Пруссию, а А. М. Иванов (школа № 3 Гусева) — событий Первой мировой войны в этом регионе. Однако эти темы были идеологически наименее опасными, поскольку касались или немецких революционных традиций, или русской военной истории. Интерес к прошлому края, который не вписывался в идеологически заданные рамки, реализовать легально было очень сложно.

Трудно судить о том, существовали ли какие-то независимые молодежные краеведческие инициативы. Они сразу получили бы нелегальный статус в советской системе, в которую были встроены и формально общественные организации. К последним относилось, к примеру, областное отделение ВООПИК, образованное в октябре 1965 г. Его актив был молодым: уже в 1970 г. почти половину членов общества (16 219 чел., или 48%) составляли школьники в возрасте до 16 лет [5, оп. 1, д. 29, л. 8]. Хотя трудно предполагать, что детские коллективы пользовались какой-то автономией, в документах иногда проскальзывают намеки на некоторую долю самостоятельности юных краеведов, выступавших даже с международными инициативами. Так, в отчете ВООПИК о работе за 1970 г. речь шла о том, что краеведы школы № 3 Советска вступили в переписку с Берлинским музеем немецкой истории и получили сведения о месте проживания немецкого социал-демократа Ф. Мертинаса (Мертинса, годы жизни: 1864–1943. — *И. Д.*) в Тильзите (довоенное название Советска) [Там же, л. 12].

В позднесоветский период рост интереса к истории области становился все очевиднее. В 1980 г. открылся «народный университет краеведческих знаний» на базе областного историко-художественного музея. Его основной аудиторией были студенты и школьники, а организаторы определяли цели так: «...воспитание уважения к культурному наследию, знакомство с памятниками и работа по сохранению и рациональному использованию их»

[13]. Мощный потенциал региональной ответственности, который десятилетиями оставался зажатым в тесных рамках официальной политики памяти, ждал своего часа.

Пути развития молодежных инициатив на рубеже веков. Перестройка, в ходе которой была высвобождена энергия ответственности, спровоцировала рост спонтанной молодежной активности. Комсомольская многотиражка в 1988 г. рассказала об инициативе молодых людей (прежде всего студентов и рабочих) «создать нечто вроде историко-культурной заповедной зоны» на улице Коперника в Калининграде [2]. Добровольцы проводили субботники, пропагандировали среди местных жителей идею сохранения наследия. Студенты-историки, входившие в это сообщество, готовили исторические справки, основываясь на тех скудных сведениях, которые были доступны в советское время. Партийные инстанции первоначально настороженно восприняли появление неформалов («неофициальных», «непризнанных», «аполитичных») на поле охраны наследия, но затем выразили поддержку, потому что увидели в тех, кто ратует за восстановление памятников, позитивную альтернативу металлистам и рокерам [2]. В письмах, которые читатели газеты направляли в редакцию, звучало горячее одобрение молодежных инициатив, сопряженное с критикой недееспособности регионального отделения ВООПИК. Добровольческие акции были направлены на благоустройство различных памятников, причем преимущественно довоенного периода.

Период Перестройки сыграл неоднозначную роль в переориентации молодежного краеведческого движения. С одной стороны, идеологически обусловленная интерпретация восточнопрусского прошлого, которое ассоциировалось исключительно с германским милитаризмом, вызывала отторжение, вследствие чего стремительно возрос интерес к немецкому наследию, прежде всего к культурному. С другой — снижался интерес к истории войны и становления новой советской области, хотя эти темы в не меньшей мере нуждались в освобождении от идеологем. По некоторым данным, до Перестройки в Калининградской области действовало 104 музея боевой сла-

вы, к 1996 г. их осталось 24 [17, с. 11]. Только к началу XXI в. интерес широкой молодежной аудитории стал приобретать сбалансированный характер, распределяясь между темами по истории Восточной Пруссии, Второй мировой войны и советской Калининградской области. В ряде школ началось возрождение музеев, которое происходило, как правило, в контексте общей реанимации системы военно-патриотического воспитания.

Начиная с 1991 г. молодежные краеведческие инициативы приобрели разнообразие, обусловленное как деидеологизацией общественной жизни, так и социально-экономическими переменами, которые предопределили разнообразие организационно-правовых форм и видов хозяйствующих субъектов. Сведения об этой работе в 1990-2000-х гг. были обобщены в двух справочных публикациях, на которых преимущественно основано дальнейшее изложение [17; 18].

Государственная система образования сохранила краеведческий компонент в форме школьных музеев. Помимо них также действовали кружки в муниципальных музеях, библиотеках и Домах культуры, объединения при подростковых клубах. За детскими коллективами нередко по инерции сохранялись функции по уходу за братскими могилами Второй мировой войны. Под влиянием времени некоторые школьные музеи (народный музей школы № 6 Балтийска, музей школы пос. Неманское Краснознаменского района и др.) пытались интегрировать традиционную тематику войны и довоенного прошлого городов и поселков, вступали в контакт с бывшими жителями Восточной Пруссии, стремясь удовлетворить интерес к разным этапам истории своей малой родины. Среди старейших коллективов — историко-краеведческое общество «Белый ворон», созданное в 1999 г. на базе Привольненской школы Черняховского района. Общество вот уже два десятилетия организует поисковые экспедиции, экскурсии и фестивали, объединяет детей и молодежь в работе, нацеленной на изучение прошлого и репрезентацию этого прошлого в современных формах.

С ликвидацией многих сельских школ и библиотек в Калининградской области,

к сожалению, часть коллективов распалась. Нередки были и случаи утраты ценных экспонатов — не всегда удавалось организовать их передачу в муниципальные музеи. Характерный пример — музей школы пос. Чехово, который был открыт в 2003 г. и стал первым школьным музеем в Багратионовском районе. В нем за короткий срок был собран большой массив материалов по истории школы (с 1947 г., в том числе архив клуба «красных следопытов» за 1965-1985 гг.), данные о воинах, захороненных в братской могиле в поселке (музей взял на себя шефство над захоронением), сведения по истории населенного пункта (прежнее название — Удерванген) с середины XVI в. [17, с. 138]. В рамках «оптимизации» сети учреждений образования в 2007 г. школа была закрыта как малокомплектная, здание подверглось разграблению.

Сфера дополнительного образования всегда была в большей степени свободна в обращении с тематикой прошлого, чем средняя школа. Государственное учреждение «Калининградский областной детско-юношеский центр экологии, краеведения и туризма» (неоднократно менял название) сохранил функции методического центра по организации краеведческой работы школьников. Методист В. А. Миловский много лет разрабатывал экскурсионные маршруты, осуществлял интернет-проекты по истории края, редактировал «Краеведческий альманах» школьников, готовил авторские методические публикации (см., напр.: [14]). В муниципальных детско-юношеских центрах работали краеведческие кружки, свободные в определении программ своей деятельности от ограничений, характерных для системы общего образования. В некоторых случаях из этих кружков вырастали муниципальные краеведческие музеи (например, в Гвардейске). Кроме того, в отдельных случаях музеи функционируют также в некоторых детских домах, детских садах, музыкальных школах. Можно констатировать практически тотальный охват детской аудитории государственными и муниципальными структурами краеведческого профиля — при всех издержках, связанных с последствиями реструктуризации сетей учреждений образования и культуры.

Демонополизация краеведческой работы после 1991 г. привела к появлению наряду с государственными общественными детскими и молодежными объединениями и иных некоммерческих организаций (НКО), работающих с юношеской аудиторией. Независимые НКО получили возможность работать с прошлым, расширяя традиционную проблематику. Новые темы и формы деятельности (как правило, проектной) заметно изменили региональный краеведческий ландшафт. Табуированные или недостаточно популярные ранее сюжеты получили развитие прежде всего в рамках деятельности институтов гражданского общества.

К таким темам относятся следующие.

1. *Древнейшая история края*, которая прежде была объектом исключительно профессионального внимания археологов. Региональная молодежная общественная организация «Центр „Молодежь за свободу слова“» ежегодно в 1998-2013 гг. организовывала (совместно со специалистами Института археологии РАН) силами школьников и студентов Молодежную археологическую экспедицию — спасательные раскопки поздненеолитического поселения Прибрежное. Дети и молодежь систематически участвуют в раскопках в рамках фестиваля исторической реконструкции, который проводит Центр исторической реконструкции «Кауп» (действует с 2003 г.). Военно-исторический клуб «Ватага», действующий при этом центре, занимается воссозданием реалий эпохи викингов (IX-XI вв.). Специалисты центра ведут занятия с детьми в рамках образовательного проекта «Живая история» на базе Зеленоградской средней школы. Экзотичность эпох, от которых не осталось письменных свидетельств, неизменно вызывает интерес молодежной аудитории.

2. *Довоенная история края* (от экспансии Тевтонского ордена в XIII в. до Второй мировой войны). В 1990-2000-х гг. приобрели заметную популярность клубы исторической реконструкции, специализирующиеся на разных периодах истории края. Прежде всего это эпоха Тевтонского ордена, которая привлекает всех любителей Средневековья. Старейший в области спортивно-исторический клуб «Западная башня» (работает с 1997 г.) организует

международный фестиваль исторических боевых искусств и средневековой культуры «Уш-куй». Фестивали проходили в Калининграде, Черняховске, Советске и других городах. Еще один популярный период — Наполеоновские войны (Багратионовский военно-исторический клуб при Багратионовском музее истории края, с 2003 г.). В последние годы возрос интерес к реконструкции Семилетней войны, Первой мировой войны, эпизодов штурма Кёнигсберга. И участники реконструкторских клубов, и их аудитория — это преимущественно молодые люди, для которых зрелищные события зачастую становятся основной формой постижения прошлого. В этом отношении Калининградская область не отличается от других российских регионов, в которых активно развивается реконструкторское движение (процесс носит транснациональный характер, и географическая близость Янтарного края к странам Европейского союза предопределяет более тесное сотрудничество реконструкторов из разных стран).

3. *Повседневность первых советских переселенцев*. Получив импульс от университетского проекта, реализованного на рубеже 1980-х — 1990-х гг., молодежные НКО включились в работу по сбору интервью с первыми переселенцами (см. [10]). В 2002-2005 гг. было реализовано несколько проектов центра «Молодежь за свободу слова» на тему жизни калининградцев на селе в первые послевоенные годы [17, с. 16-17]; в результате увидела свет публикация [15]. В 2004-2005 гг. детско-молодежная общественная организация «Юная лидерская армия» провела среди школьников региональный конкурс сочинений, написанных на основе интервью с родственниками. Итогом этой работы стал сборник ученических работ, представляющих историю войны и послевоенного восстановления области [21]. В этой работе удачно комбинируются выстраивание межпоколенческого диалога и осмысление разных — как позитивных, так и негативных — страниц отечественной и, в частности, региональной истории.

Если в советский период основным поставщиком средств для реализации краеведческих инициатив выступало государство, то после 1991 г. пришло время диверсифика-

ции источников ресурсов. Сохраняет свое значение поддержка со стороны органов государственной власти и местного самоуправления (различные ведомства в администрации, позже правительстве Калининградской области, администрациях муниципальных образований), организующих грантовые конкурсы для молодежных и детских общественных объединений. За последние двадцать лет это также были негосударственные фонды и программы (фонд «Точка опоры», международный конкурс «Православная инициатива» под эгидой РПЦ Московского патриархата и др.). В 1990-х — первой половине 2000-х гг. активную роль играли иностранные правительственные программы (МИДа Дании, посольства Королевства Нидерландов и др.) и благотворительные фонды, а во многих проектах участвовали зарубежные партнеры калининградских организаций (прежде всего польские и немецкие). Международное сотрудничество выступало фактором стимулирования краеведческих инициатив и облегчало их ресурсное обеспечение (не только в финансировании, но и в предоставлении доступа к дефицитной информации по истории края).

Местный бизнес поддерживал молодежные инициативы редко, однако и здесь есть позитивные примеры. В частности, компания «ЛУКОЙЛ» с 2008 г. проводит конкурсы социальных и культурных проектов. Иногда донор предлагал помимо постоянных разовые номинации исторического характера: в 2010 г. — «65 лет Великой Победы», в 2012 г. — «История края: из Восточной Пруссии в Калининградскую область», в 2015 г. — «70 лет Победы». Однако из 12 грантополучателей в этих номинациях было лишь 2 НКО (НП «Фонд местного развития Краснознаменского района» и НФ «Исток») и по 5 государственных и муниципальных учреждений [16]. Среди последних можно выделить МОУ СОШ № 28 Калининграда, чей проект «Развитие волонтерского движения школьников по сохранению памятников и мемориалов Великой Отечественной войны» был удостоен гранта в 2010 г.

Важный пример социального партнерства в интересах краеведения — волонтерское движение, организованное холдингом «GS Group» (Технополис GS в городе Гусеве)

в 2013 г. В фокусе внимания добровольцев, в число которых входят и сотрудники корпорации, и другие жители области, — восстановление и благоустройство воинских захоронений Первой мировой войны. Участники выездов находят различные артефакты, которые пополняют фонды Гусевского историко-краеведческого музея [3].

Начиная с 2017 г. основным источником ресурсов для поддержки общественных инициатив в России стал Фонд президентских грантов. Если проанализировать статистику, отражающую поддержку калининградских организаций этим фондом в 2017-2019 гг. (номинация «Сохранение исторической памяти») [24], то можно установить, что лишь три проекта молодежных по своему статусу организаций получили федеральное финансирование. Характерно, что все они интерпретируют сохранение памяти в контексте военно-патриотического воспитания. Это два проекта КРМ-ПОО «Поисковое движение Калининградской области», в ходе которых организованы поисковые работы по обнаружению неизвестных воинских захоронений и без вести пропавших защитников Отечества («Они не вернулись из боя», 2017-2018; «Погибли — „Да“, забыты — „Нет“», 2018-2019), и проект КРМО «Держава Петра» (летний патриотический лагерь «Юнги Балтики», 2019). В проектах такого рода, несмотря на их несомненное воспитательное значение, молодежь все же зачастую воспринимается традиционно — как объект педагогического воздействия.

Авторы двух других проектов сделали акцент на добровольческой работе молодежи по иной тематике. КРОО Агентство поддержки культурных инициатив «Транзит» совместно с МАОУ СОШ № 28 Калининграда в проекте «Болотовский фестиваль» поставили целью сохранение исторической памяти о русском ученом и писателе А. Т. Болотове через популяризацию его культурного и научного наследия в молодежной среде посредством проведения исторических викторин и велоквестов, краеведческой экспедиции школьников (2018) [19]. Фонд «Дом-Замок» (Черняховск) получил поддержку на реализацию проекта «Общественный исторический парк» (2019-2020). Фонд — это сообщество единомышлен-

ников, выросшее из волонтерской молодежной инициативы вокруг руин замка Инстербург во второй половине 1990-х гг. В проекте подчеркивается, что детям и молодежи будет дана роль организаторов различных мероприятий в рамках создания публичного пространства нового качества.

В совокупности эти пять проектов, ориентированных на вовлечение молодежи в различные краеведческие инициативы, получили поддержку в размере 6,6 млн. руб. Еще 10 проектов, профинансированных Фондом президентских грантов в 2017-2019 гг. (совокупный бюджет — 17,5 млн. руб.), упоминали молодежь в обосновании. Их задачи — популяризация российской военной истории (военно-историческая реконструкция сражений русской армии на территории края, увековечение памяти М. Б. Барклая де Толли); архивирование повседневной истории Калининградской области советского времени; развитие туристического потенциала (в том числе путем создания видеофильмов о культурном наследии, консервации памятников и т. п.). Тематика русского присутствия в довоенной истории края приобретает в проектах калининградских НКО два интерпретационных вектора: «алармистский» (защита национальной идентичности в условиях нарастающей внешней информационной экспансии) и «диалогический» (содействие социокультурной адаптации через презентацию культурной самобытности в контексте межкультурного диалога), и в обоих случаях целевой группой определяется в первую очередь молодежь. Однако, насколько можно судить, степень вовлеченности самой молодежи в процессы планирования мероприятий и оценки их результативности остается достаточно низкой. Ситуация с развитием молодежных краеведческих инициатив изменилась по сравнению с советским периодом в части ресурсного обеспечения и правового оформления, но едва ли можно сказать, что молодежь как категория общества приобрела значительно большую субъектность в реализации своих интересов. В случаях оформленных инициатив инерция советских практик остается сильной — молодежь зачастую по-прежнему воспринимается как малоспособный к самоорганизации объект

воздействия со стороны старших. Волна спонтанной активности периода Перестройки оказалась слишком кратковременной и не получила закрепления в постперестроечной структуре общественных связей. Степень автономности молодежных коллективов коррелирует с уровнем зрелости гражданского общества в целом (оставим в стороне вопрос об уместности использования этого понятия, которое, в свою очередь, может служить идеологемой в некоторых контекстах): в условиях сжатия независимых институтов во «взрослом» социуме трудно требовать от молодежи больших успехов в самоорганизации.

Заключение. Многообразие субъектов краеведческой работы, которое стало фактом общественной жизни региона в 1990-2000-х гг., обусловило разнообразие форм реализации интереса детей и молодежи к истории родного края. Некоторые из них носили традиционный характер, будучи унаследованы от советского времени; иные возникли в ходе продвижения детских и молодежных инициатив. В 2010-х гг. в этой сфере сложилось несколько тенденций, которые конспективно обозначены ниже.

1. Снижение активности независимого сектора вследствие общего перераспределения полномочий между государством и гражданским обществом и усиления роли государства в работе с детьми и молодежью в последние годы. Выжить в условиях деформации «третьего сектора» НКО смогли либо перейдя на преимущественно бюджетное финансирование своих проектов, либо вписавшись в рыночную экономику. Успешные примеры последнего — фестивали исторической реконструкции как явления событийного туризма в области, деятельность регионального общественного учреждения «Виштынецкий эколого-исторический музей» в пос. Красное и т. д. Активность организаций такого рода остается сегодня полем взаимодействия с зарубежными партнерами, которое в целом заметно ослабло в связи с охлаждением отношений между Россией и Евросоюзом во второй половине 2010-х гг.

2. Рост популярности историко-краеведческой работы, связанной с памятью о двух мировых войнах, — отчасти в рамках государ-

ственной политики памяти, ориентированной на «юбилейные» мероприятия (70-летие Победы, столетие начала Первой мировой войны и т. д.), отчасти — вследствие объективной привлекательности военно-исторической тематики для большей части молодежи. Полевой работой по теме Второй мировой войны продолжают заниматься поисковые отряды. В работе с наследием Первой мировой войны активную роль играют не столько светские детские и молодежные НКО, сколько аффилированные с Русской православной церковью организации. Так, с 2004 г. действует региональная детская общественная организация юных разведчиков-скаутов «Ятвягия» при храме Святого Духа (город Нестеров), которая организует палаточные скаутские слеты, ведет работу по поиску заброшенных захоронений Первой мировой войны, издательскую деятельность.

3. В системе образования наблюдается обновление форм работы образовательных организаций на всех уровнях (от начального до высшего образования) в духе новых стандартов через внедрение интерактивных методов, предполагающих повышение активности молодежи в процессе усвоения знаний и навыков (тренинги, квесты, игры по краеведческому ориентированию в городской среде, экскурсии на иностранных языках и т. п.). Еще одна любопытная тенденция новейшего времени — расширение возрастных границ краеведческой работы с детьми. После принятия Федерального государственного образовательного стандарта для дошкольного образования (2013 г.) программы по формированию основ «краеведческой культуры» начали внедрять даже детские сады. ФГОС предполагает, что на этапе завершения дошкольного образования ребенок «проявляет инициативу и самостоятельность в разных видах деятельности», «обладает начальными знаниями... о природном и социальном мире, в котором он живет; ...обладает элементарными представлениями из... истории» [23]. Молодежные краеведческие инициативы, таким образом, должны опираться на сформированные на стадии раннего детства предпосылки. Этот методический опыт еще нуждается в анализе.

4. Особо следует отметить изменение форм и содержания работы под влиянием

информационно-коммуникационной революции. Вследствие распространения Интернета и новых форм коммуникации (главным образом, современными технологиями охвачена как раз молодежь) происходит активное использование социальных медиа для формирования сообществ и поддержания новых идентичностей (паблики с краеведческим контентом в социальных сетях, чаты в мессенджерах), появляются возможности для дистанционной работы с базами данных (поисковые отряды изучают электронные ресурсы Министерства обороны РФ и архивов). Школьники вовлекаются в проекты, в рамках которых разрабатываются приложения для мобильных телефонов и т. п.

Опыт Калининградской области показывает, что вовлечение детей и молодежи в краеведческую работу существенно влияет на *качество* гражданского общества. Во-первых, изучение истории края в ее тематической полноте — это по-прежнему важный ресурс для воспитания толерантности и готовности к межкультурному диалогу. Во-вторых, краеведческое движение — это лаборатория развития гражданской активности и ответственности. В-третьих, работа в краеведческих проектах позволяет и укрепить национальную идентичность, и придать социально приемлемые формы региональному самосознанию, и апробировать разные способы социокультурной адаптации.

Проблема соотношения интересов гражданского общества и задач государства по патриотическому воспитанию молодых граждан вызвала ранее дискуссии [4, с. 102-104], но сегодня она редко становится предметом публичной рефлексии или академического исследования. Сохраняют актуальность вопросы, обсуждение которых требует изучения богатого опыта краеведческих движений. Является ли патриотическое воспитание базовой предпосылкой любой гражданской активности или последняя проявляется в разных формах, включая патриотические движения? Где границы вмешательства профессионалов или государственных институтов в процесс реализации спонтанного интереса молодежи к истории края? Какие стратегии приемлемы в публичном обсуждении

тем, которые по-прежнему остаются табуированными? Совместим ли критический подход к прошлому с задачей по укреплению национальной идентичности? Как ответственно действующие субъекты общественной жизни могут уберечь молодежь от манипуляций в ходе реализации ее естественного интереса к прошлому в условиях очевидного дефицита компетентности?..

С одной стороны, как констатировалось выше, степень автономности молодежи в краеведческих инициативах традиционного формата не сильно изменилась с советского времени. Молодежь все еще рассматривается как объект педагогического воздействия, временами — как бесплатная рабочая сила. Распространенное явление — апелляция к молодежи как части общества, которая в силу неопытности подвержена разнообразным угрозам. Аргументация такого рода порождает другие риски: недооценка субъектности молодежи, неумение, а порой и нежелание создавать ситуации, в которых молодые люди получали бы опыт реального самоуправления, в том числе управления ресурсами, приводит к консервации инфантильных жизненных установок, потребительского и вообще безответственного поведения. Таким образом, мнимая забота о защите молодежи от вредных влияний дефакто снижает иммунитет молодого поколения по отношению к угрозам.

С другой стороны, виртуализация коммуникации и стремительное развитие новых форм самопрезентации и самоорганизации в Интернете открывают новые перспективы перед теми молодыми людьми, которые интересуются прошлым родного края. В «Инстаграме» публикаций с хэштегом #восточнаяпруссия — более 12 тыс., #историякалининграда — более 1000, #историякенигсбер-

га — более 500 (просто #кенигсберг — более 200 тыс.) (данные на 01.07.2019). Детские и молодежные общественные организации ведут свои страницы в социальных сетях (прежде всего это «ВКонтакте» и «Инстаграм»), где размещают новости о деятельности и фотоотчеты, обсуждают свои инициативы, делятся впечатлениями.

Во Всемирной сети степень автономности кажется большей, чем в реальной жизни, но там возникают новые угрозы: быстрое и эффективное распространение стереотипов восприятия информации о прошлом, мощное воздействие мультимедийных ресурсов на это восприятие, подмена реальной общественно полезной деятельности виртуальной активностью. Это вызов и для тех, кто работает с молодежью, и для самой молодежи.

Внимательное отношение к прошлому, трезвый взгляд на ошибки и перекося в его интерпретации, уважение к достижениям предков и земляков, сохранение благодарной памяти о павших защитниках Отечества, межкультурный диалог — тот опыт реализации молодежных краеведческих инициатив в Калининградской области, который достоин осмысления и исследования. Его адекватная оценка может рассматриваться как предпосылка и гармонизации общественных отношений, и повышения ответственности государства в охране наследия, и даже роста экономической эффективности субъектов рынка. Но в первую очередь усилия нескольких поколений молодых людей, которых объединял бескорыстный интерес к истории края, заслуживают признания как опыт, который обеспечил социокультурную адаптацию жителей нового советского региона на основе уважения к противоречивому прошлому ради более гармоничного будущего.

Илья О. DEMENTEV

Youth Initiatives in the Field of Local History: Regional Practices (The Kaliningrad Region)

Abstract. The article presents the experience of the implementation of youth local history initiatives in the Kaliningrad Region (the former German province of East Prussia). During the Soviet time, the region, as everywhere in the Soviet Union, had a unified state system of organizing local history education: young people were perceived almost exclusively as an object of pedagogical influence, and local history issues were integrated into the context of military-patriotic education. Museums of mili-

tary glory and detachments of “red pathfinders” worked on the basis of schools that studied the history of the Second World War battles in East Prussia. The issues of the pre-war history of the region were de facto banned. At the same time, schoolchildren had certain opportunities to implement their initiatives, although the latter were limited by the dominant ideology. The period of the Perestroika was marked by the growth of spontaneous youth activity in the protection of heritage and the study of new topics on the history of the region, especially the province of East Prussia. It was the period of shaping of informal groups that became the prototypes of future civil society institutions. After 1991, the inertia of the work of the state system of local history education was largely preserved. At first, the system of military-patriotic education experienced decline, but at the beginning of the 21st century it was reanimated, setting a new framework for discussions on regional history. At the same time, in the conditions of the transformation of socio-economic institutions, new entities came forward — non-governmental non-profit organizations. In contrast to the Soviet era, when the state was the only source of resources for local history initiatives, new sources have emerged these days. Among them are state and municipal budgets, business, charitable foundations. Some NGOs have become independent players in the market. Volunteer initiatives of youth in the field of commemoration of world wars retain their significance. Various examples of NGOs’ activities in the first two decades of the 21st century are represented. The author argues that, on the one hand, young people are still considered in terms of the former subject-object approach. For some organizations, a persistent appeal to the needs of the youth hides a basic distrust of their ability to act independently and responsibly. On the other hand, in the conditions of globalization, the formation of the youth as the subject brings new challenges, the respond to which requires studying the experience of implementing youth initiatives in the field of local and regional history.

Keywords: East Prussia, Kaliningrad Region, post-Soviet time, Soviet time, local history, commemoration, youth, volunteering, social grants.

Использованная литература:

1. Бирковский В. Г. Создание и организация школьного музея боевой славы // Внеклассная работа по истории (краеведение): пособие для учителей. М.: Просвещение, 1975. С. 91–99.
2. Васильев С. Кто поможет «Звездочёту»? // Калининградский комсомолец. 1988. 3 января. С. 8.
3. Восстановление воинских захоронений времен Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Technopolis GS. URL: <https://technopolis.gs/creative-space/cultural-heritage/vosstanovlenie-voinskih-zakhoroneniyy-vremen-pervoy-mirovoy-voyny/> (дата обращения 01.07.19).
4. Роль краеведения в гражданском воспитании молодежи / Б. С. Гладарев и др. // Краеведение и гражданское общество. СПб.: Звезда, 2004. С. 9–104.
5. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615.
6. Дементьев И. О. «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х – 1980-е годы) // Люди и тексты: ист. альманах. «Заказ» на историю? Актуализация информационного пространства истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 175–218.
7. Жакина В. Пусть знают все о родном крае // Калининградская правда. 1967. 5 февраля. № 31. С. 3.
8. Костина М. А. Так рождались традиции... // Иван Данилович Черняховский. 1906–1945. Крат-

References:

1. Birkovskiy, V.G. (1975) Sozdanie i organizatsiya shkol'nogo muzeya boevoy slavy [Creation and organization of a school museum of military glory]. In: Katsyuba, D.V. *Vneklassnaya rabota po istorii (kraevedenie)* [Extracurricular work on history (local history)]. Moscow: Prosvetshchenie.
2. Vasil'ev, S. (1988) Kto pomozhet “Zvezdochetu”? [Who will help “Zvezdochyt”?]. *Kaliningradskiy komsomolets*. 3 January. p. 8.
3. Technopolis GS. (n.d.) *Vosstanovlenie voinskih zakhoroneniyy vremen Pervoy mirovoy voyny* [The restoration of military graves of the First World War]. [Online] Available from: <https://technopolis.gs/creative-space/cultural-heritage/vosstanovlenie-voinskih-zakhoroneniyy-vremen-pervoy-mirovoy-voyny/>. (Accessed: 01.07.2019).
4. Gladarev, B.S. et al. (2004) Rol' kraevedeniya v grazhdanskom vospitanii molodezhi [The role of local history in the civic education of youth]. In: Gladarev, B. & Leykind, O. (eds) *Kraevedenie i grazhdanskoe obshchestvo* [Local history and civil society]. St. Petersburg: Zvezda.
5. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. (In Russian).
6. Dement'ev, I.O. (2014) “Chto ya mogu znat'?”: formirovaniye diskursov o proshlom Kaliningradskoy oblasti v sovetskiy period (konets 1940-kh – 1980-e gody) [“What can I know?": The formation of discourses on the past of Kaliningrad Oblast in the Soviet period (late 1940s–1980s)]. In: Bobkova, M.S. (ed.) *Lyudi i teksty: ist. al'manakh. “Zakaz” na*

- кая биографическая хроника. Черняховск: б. и., 2005. С. 51–52.
9. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Калининград: Терра Балтика, 2009.
10. Костяшов Ю. В. Традиции устной истории в Калининградской области // Калининградские архивы. Калининград: Изд-во Балт. фед. ун-та им. И. Канта, 2018. Вып. 15. С. 178–184.
11. Кретинин Г. В. Об особенностях сохранения памяти о Великой Отечественной войне у населения Калининградской области // Калининградские архивы. Калининград: Изд-во Балт. фед. ун-та им. И. Канта, 2011. Вып. 9. С. 127–135.
12. Куликов В. В гости к «красным следопытам» // Калининградская правда. 1967. 8 декабря. № 286. С. 4.
13. Левчук Г. Университет в музее // Калининградская правда. 1980. 23 октября. № 243. С. 4.
14. Миловский В. А. Краеведческие маршруты Гумбинненского поля. Калининград: Смартбукс, 2013.
15. Односельчане: народная повесть / сост. Л. В. Сыроватко. Калининград: Изд-во Балт. фед. ун-та им. И. Канта, 2006.
16. ООО «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть»: Конкурс социальных и культурных проектов [Электронный ресурс] // ООО «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть». URL: <http://kmn.lukoil.ru/ru/Responsibility/SocialProject> (дата обращения 01.07.19).
17. От прошлого к будущему. Справочник для тех, кто занимается краеведческой работой с детьми и молодежью. Калининград: Изд-во Калининград. гос. ун-та, 2004.
18. От прошлого к будущему. Справочник для тех, кто занимается краеведческой работой с детьми и молодежью. 2-е изд. Калининград: ИП Шувалов А. В., 2008.
19. Проблемы актуализации творческого наследия А. Т. Болотова в контексте краеведческой работы с детьми и молодежью. Калининград: Смартбукс, 2018.
20. Самая Западная: Калининградская область в документах и материалах за 1962–1985 гг. Кн. 2: Общество. Калининград: Янтарный сказ, 2001.
21. Связь поколений. Живые голоса истории. Калининград: Калининград. регионал. детско-молодежн. обществ. орг. «Юная лидерская армия», 2005.
22. Скоков В. Медаль – красным следопытам // Калининградская правда. 1970. 27 октября. № 352. С. 4.
23. ФГОС дошкольного образования (2013 г.) [Электронный ресурс] // Федеральные государственные образовательные стандарты. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения 01.07.19).
24. Фонд президентских грантов [Электронный ресурс]. URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения 01.07.19).
- istoriyu? Aktualizatsiya informatsionnogo prostranstva istorii* [People and texts: historical almanac. “Order” for history? Updating the information space of history]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.
7. Zhakina, V. (1967) Pust’ znayut vse o rodnom krae [Let them know everything about their native land]. *Kaliningradskaya pravda*. 5 February. 31. p. 3.
8. Kostina, M.A. (2005) Tak rozhdalis’ traditsii... [Thus traditions were born . . .]. In: Erofeev, I.V. *Ivan Danilovich Chernyakhovskiy. 1906–1945. Kratkaya biograficheskaya khronika* [Ivan Danilovich Chernyakhovsky. 1906–45. A brief biographical chronicle]. Chernyakhovsk: [s.n.]. pp. 51–52.
9. Kostyashov, Yu.V. (2009) *Sekretnaya istoriya Kaliningradskoy oblasti* [The secret history of the Kaliningrad Region]. Kaliningrad: Terra Baltika.
10. Kostyashov, Yu.V. (2018) Traditsii ustnoy istorii v Kaliningradskoy oblasti [Traditions of oral history in Kaliningrad Oblast]. In: *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives]. Is. 15. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 178–184.
11. Kretinin, G.V. (2011) Ob osobennostyakh sokhraneniya pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne u naseleniya Kaliningradskoy oblasti [On the features of preserving the memory of the Great Patriotic War among the population of the Kaliningrad Region]. In: *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives]. Is. 9. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 127–135.
12. Kulikov, V. (1967) V gosti k “krasnym sledopytam” [On a visit to the “red pathfinders”]. *Kaliningradskaya pravda*. 8 December. 286. p. 4.
13. Levchuk, G. (1980) Universitet v muzee [University in the museum]. *Kaliningradskaya pravda*. 23 October. 243. p. 4.
14. Milovskiy, V.A. (2013) *Kraevedcheskie marshruty Gumbinnenskogo polya* [Local history routes of the Gumbinnen field]. Kaliningrad: Smartbuks.
15. Syrovatko, L.V. (2006) *Odnosel’chane: narodnaya povest’* [Fellow villagers: A folk story]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University.
16. ООО “ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть”. (n.d.) *Konkurs sotsial’nykh i kul’turnykh projektov* [Competition for social and cultural projects]. [Online] Available from: <http://kmn.lukoil.ru/ru/Responsibility/SocialProject>. (Accessed: 01.07.2019).
17. Dement’ev, I.O. (ed.) (2004) *Ot proshlogo k budushchemu. Spravochnik dlya tekhn, kto zanimaetsya kraevedcheskoy rabotoy s det’mi i molodezh’yu* [From the past to the future. A guide for those involved in local history work with children and youth]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
18. Dement’ev, I.O. (ed.) (2008) *Ot proshlogo k budushchemu. Spravochnik dlya tekhn, kto zanimaetsya kraevedcheskoy rabotoy s det’mi i molodezh’yu* [From the past to the future. A guide for those involved in local history work with children and youth]. 2nd ed. Kaliningrad: IP Shuvalov A.V.
19. Smartbuks. (2018) *Problemy aktualizatsii tvorcheskogo naslediya A. T. Bolotova v kontekste kraevedcheskoy raboty s det’mi i molodezh’yu* [Problems of updating the creative heritage of A.T. Bolotov in the context of local history work with children and youth]. Kaliningrad: Smartbuks.
20. Yantarnyy skaz (2001) *Samaya Zapadnaya: Kaliningradskaya oblast’ v dokumentakh i materialakh za*

1962–1985 гг. [The most Western: Kaliningrad Oblast in documents and materials for 1962–85]. Book 2. Kaliningrad: Yantarnyy skaz.

21. Young Leader Army. (2005) *Svyaz' pokoleniy. Zhivye golosa istorii* [The connection of generations. The living voices of history]. Kaliningrad: Kaliningrad. regional. detsko-molodezhn. obshchestv. org. "Yunaya liderskaya armiya".

22. Skokov, V. (1970) Medal' – krasnym sledopytam [Medal to the red pathfinders]. *Kaliningradskaya pravda*. 27 October. 352. p. 4.

23. Federal State Educational Standards. (2013) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart doshkol'nogo obrazovaniya (2013 g.)* [Federal state educational standard for preschool education (2013)]. [Online] Available from: <https://fgos.ru/>. (Accessed: 01.07.2019).

24. *President Grants Foundation*. [Online] Available from: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/>. (Accessed: 01.07.2019). (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дементьев, И. О. Молодежные краеведческие инициативы: региональные практики (Калининградская область) [Электронный ресурс] / И. О. Дементьев // *Наследие веков*. – 2019. – № 3. – С. 36–48. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.003

Full bibliographic reference to the article:

Dementev, I. O. (2019) Youth Initiatives in the Field of Local History: Regional Practices (The Kaliningrad Region). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 36–48. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.003

ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация

Alexander A. GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher,
Department for Heritage Studies and Expert Activities, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation
gutsalov_alex@mail.ru

УДК [908+374.32]:[94(470)+ 303.094.5]
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.004

**Молодежь и краеведение:
исторический опыт
и точки роста**

**Youth and Local History:
Historical Experience
and Growth Points**

В статье предпринята попытка осмыслить исторический опыт краеведческой деятельности и вовлечения в нее молодежи. Основной акцент сделан на исследование практики регионов Юга России. В XVIII–XIX вв. в нашей стране началось формирование понятийного аппарата краеведения, которое тогда обозначалось различными терминами: местнография, отчизноведение, отечествоведение, родиноведение. Особое значение имела деятельность краеведческих организаций в провинции. Южнороссийские краеведческие объединения представляли собой крупнейшие региональные центры распространения научных знаний, формирующие пространство коммуникации интеллигенции. Опыт развития краеведения в дореволюционной России оказался востребованным в дальнейшем. В 1920-х гг. («золотое десятилетие краеведения») на Юге, как и в других регионах, возникли специализированные государственные институты; наряду с ними продолжалась деятельность общественных организаций. В постсоветский период активизация краеведческого движения происходила на фоне обострения межэтнических отношений и ослабления роли государства. Краеведческие исследования, проводимые вне контекста общероссийской истории, провоцировали мифологизацию образов прошлого, рост сепаратистских настроений в обществе, особенно в молодежной среде. Сформированный в последние годы положительный опыт сочетает разумное участие в краеведческой деятельности государства и его учреждений с развитием общественных инициатив.

Ключевые слова: краеведение, родиноведение, исторический опыт, локальные практики, молодежь, Юг России, исследовательские инициативы.

Краеведение — это всестороннее познание определенной территории страны, трансляция и использование полученных знаний в социальной жизни. Всестороннее познание является результатом меж- и полидисциплинарного исследования. Объектами исследования в краеведении являются история, население, культура и быт, хозяйство, природа, географические, физические, экологические и иные особенности местности. Определяя понятие «краеведение», некоторые ученые подчеркивают в качестве его сущностной характеристики определяющую значимость участия именно местных жителей в познании родного края. Такое ограничение, думается, является неправомерным. К краеведению мы относим все исследования, а также использование полученных знаний, связанных с изучаемой территорией и народами, проживавшими и проживающими на ней.

Краеведение прошло эволюцию, обусловленную специфическими задачами своего времени. И определения дисциплины, призванной комплексно изучать различные регионы страны, менялись в зависимости от актуальных целей и задач.

Указы Петра I о поиске и собирании «диких» археологических, природных, исторических «редкостей», создание Академии наук преследовали цель всестороннего изучения богатств России с целью их эффективного использования.

М. В. Ломоносов заложил основы научного подхода к сбору сведений и составлению тщательных описаний объектов культуры, истории, природы. Именно ему принадлежит идея «запросов» — анкетирования с множеством вопросов по истории, экономике, географии и культуре. Они были разосланы вместе с особыми январским и декабрьским императорскими указами 1760 г. в разные регионы страны. Эти указы опирались на «доношение канцелярии Академии наук» и требовали от «Правительствующего Сената» принять меры к предоставлению «верных географических известий» «из всех губерний и провинций Российского государства» «для сочинительства нового исправнейшего Российского Атласа» [8, с. 17-18]. «Запросы» состояли из 30 вопросов в двух редакциях (Академии наук

и Кадетского корпуса) [7, с. 22-32]. Фактически они стали первой программой изучения России.

В этой связи Академией наук были организованы экспедиции по изучению природы, топографии местностей, описанию памятников истории и культуры. Результаты этой работы были использованы в издании 1771-1774 гг. «Топографических известий...», вышедших под редакцией инспектора гимназии Академии наук Л. И. Бакмейстера [1]. В 1778 г. последовало издание Императорской Академии наук «Начертание общего топографического и физического описания Российской Империи...» [10]. Позже стали выходить схожие труды, посвященные отдельным территориям [19; 12], а также описания путешествий (например, по Кавказу, Закавказью — И. А. Гильденштедта — 1787, 1791; Ю. Клапрота — 1812, 1814).

Таким образом, мы видим, что в условиях недостатка сведений о достоянии страны именно государство предпринимало усилия для решения этой проблемы, создавало научные кадры и организовывало экспедиции.

Новое знание рассматривалось компетентными современниками как педагогический и образовательный ресурс. Уже в 1780-х гг. было выпущено учебное пособие для народных училищ «Начертание естественной истории...» в двух частях (1786, 1789). Его автор Василий Федорович Зуев (1752-1794) призывал учителей обратиться к изучению и использованию находящихся в непосредственно окружающей природе растений и животных, рекомендовал проводить экскурсии с учащимися в горы, поля, леса. По мнению Василия Федоровича, это было необходимо для того, чтобы, во-первых, лучше узнать, что же мы имеем в нашей отчизне, а во-вторых, найти возможность «заменения» веществ «чужестранных» на отечественные: «А чтобы польза сего учения еще явственнее была в своей подробности, то каждое в наместничестве народное училище наипервое да примется за познание собственных своих произведений, которые, следовательно, наипервые и должны быть собраны, и, познавая соседственные, узнает, как у себя и чужие заводить, и свои размножать, удобрять и распространять должно» [4, с. 4].

И Ломоносов, и Зуев обращали внимание на важность привлечения к исследованиям местного населения, в частности, молодежи. Их идеи, опережающие свое время, воплотились значительно позже.

Одна из первых попыток понятийно оформить развивающуюся дисциплину была предпринята в публикации Евгения Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (1800), где для обозначения самостоятельной отрасли истории предлагается термин «местнография».

Министерство внутренних дел в начале XIX века актуализировало необходимость «немедленного сбора по повелению императора следующих сведений по всем губерниям: в каких городах есть остатки древних замков и крепостей или других зданий, древности и в каком они положении ныне находятся» [17, с. 30]. В 1804 г. было создано «Общество истории и древностей Российских». За ним последовали и другие. Подробная их характеристика дана в монографии Дж. Брэдли [2].

Большое значение в области изучения и охраны культурного наследия имела деятельность возникших соответственно в 1834 и в 1884 гг. губернских / областных статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий. Кроме подготовки различной статистической информации, организации переписей и пр. статистические комитеты занимались экспедиционным изучением регионов, изданием сборников. 26 декабря 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ. Тогда же чиновники и специалисты столкнулись с другой серьезной проблемой — научности и достоверности предоставляемых данных с мест. Объективно возникло несоответствие между все увеличивающимся потоком информации, потребностями ее систематизации и весьма ограниченным кругом лиц, имеющих право заниматься наукой: «... собственно наукой в этих обществах (Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Русское географическое общество) занимался очень узкий круг лиц. Ни в Санкт-Петербурге, ни в Москве не было организации, куда запросто могли бы войти

любители, чтобы напрямую заняться научными опытами» [2, с. 236].

Стремительный рост общественной инициативы, наблюдавшийся с середины XIX в., был связан с либерализацией сфер науки и образования. Снятие ряда ограничений при поступлении в университеты открыло доступ к высшему образованию более широких слоев населения. Стали массово создаваться научные общества (подробнее об этом [2, с. 237-252]). Очевидно, в те годы был найден удачный баланс между государством и обществом, способствовавший формированию гражданского общества, ставший благотворной основой для расширения научного изучения страны.

В 1860-х гг. понятийное оформление краеведения было продолжено. Николай Христианович Вессель (1837-1906) опубликовал в 1862 г. в нескольких номерах журнала «Учитель» ставшую знаковой статью «Местный элемент в обучении», в которой в обоснование использования местного материала в обучении школьников даже предлагал ввести особый предмет — «отчизноведение». Именно этот предмет, согласно его мнению, должен был стать базовым для всего образования.

Константин Дмитриевич Ушинский (1823-1870) в серии статей под общим названием «Педагогическая поездка по Швейцарии» в «Журнале Министерства народного просвещения» (1862-1863) описал систему элементарного, секундарного и высшего образования в Швейцарии того времени. В «Письме четвертом» (1863) он обратил особое внимание на предмет Heimats-Kunde (букв. родиноведение) в элементарной школе Фрелиха, который он, однако, перевёл как отечествоведение [22, с. 161, 164, 168-174]. Этот же предмет в секундарной школе был разделен на два: Vaterlands- и Welt-Kunde (букв. отечествоведение и мироведение) [22, с. 174]. Он писал: «Я давно мечтал о таком предмете, и потому очень обрадовался, встретив его здесь» [22, с. 175]. В статье он предложил разработать подобный предмет («отчествоведение») для начальной и средней школы в России, введя в него дополнительно кроме географии, истории и естествознания ещё и изучение родного языка, речи. Тогда же прозвучала идея, что

изучение учащимися своего края является важным средством патриотического воспитания молодежи. Как справедливо заметил Г. Н. Ишук, «Ушинского можно назвать теоретиком национальной школы, которую он считал частью духовной культуры народа» [5, с. 52].

Под влиянием этих обсуждаемых в обществе идей последователь учения Ушинского Дмитрий Дмитриевич Семенов (1835-1903) издал в 1860 г. первый в России выпуск «Уроков географии», а Порфирий Николаевич Белоха (ок. 1810-1890) — полноценный «Учебник всеобщей географии» (1862). Третье его издание (1867) было дополнено «Программой для изучения места жительства или родины». В 1864 г. Семенов также издал «Педагогические заметки для учителей», являвшиеся, по сути, методикой преподавания географии, в которой прямо утверждался краеведческий принцип: «Единственным руководством для учеников должна быть книга для чтения с местным характером, где бы были подобраны статьи, касающиеся известной местности, на которой живут дети» [15, с. 252].

Характерно, что Семенов использовал в этой работе оба понятия — и «отчизноведение», и «отечествоведение». К первому он относил всё то, что ныне вкладывается в понятие «краеведение» (знание о малой родине), а ко второму — то, что мы понимаем под историей, культурой, природным и иным достоянием всей страны (большой родины). Он связывал эти предметы. Предшествующим в изучении отечествоведения выступало именно отчизноведение. Более того, отчизноведение понималось в качестве «начала естественных наук и истории» [15, с. 252].

Семенов, будучи в 1873-1883 гг. директором Кубанской и Закавказской учительских семинарий, вел большую педагогическую и научно-просветительскую работу на Юге России. В 1864-1887 гг. вышел фундаментальный шеститомный труд (сост. Д. Д. Семенов) «Отечествоведение», охватывающий описания Северного края и Финляндии (1864, том 1), Южного края — Малороссии, Новороссии, Крыма и земель Черноморского и Донского войск (1866, том 2), Кавказа и Урала (1871, том 3), Востока и Запада (1879, том 4), Великорус-

ского края (1879, том 5), Туркестанского края (1887, том 6). Книги эти не раз переиздавались. Таким образом, в то время краеведение было осознано как базис образования и постижения наук. Отношение между отчизноведением как учением о малой родине и отечествоведением как учением о великой родине было очень удачно сохранено и подчеркнуто в понятии «родиноведение», которое с конца XIX в. стало активно использоваться в научной и популярной литературе.

В. Ф. Зуев, как мы отметили выше, еще в 80-х гг. XVIII в. предлагал ввести экскурсии, составление гербариев, различных коллекций из собранных предметов в процесс обучения. Практически эта работа начала активно внедряться в процесс образования лишь спустя столетие. Во второй половине XIX века Александр Яковлевич Герд (1841-1888) ввел в школьную программу демонстрационные опыты, экскурсионную работу. А один из основателей «Русского общества любителей мироведения», популяризатор родной русской природы профессор Дмитрий Никифорович Кайгородов (1846-1924) подготовил учебный курс «Краткий обзор растительного царства по климатическим поясам» (1885), комплексную программу по естествознанию (1901) для первых трех классов средней школы и хрестоматию для чтения в народной школе и семье «Из родной природы» (1902, 1912). Особенностью курса по естествознанию явилось деление учебных дисциплин не по предметам естественных наук, а по принципу «общежития природы» (лес, сад, река, поле, луг, парк и т. д.). Изучение природы предлагалось проводить на прогулках и экскурсиях. Хотя эта программа, принятая в 1901 г., была раскритикована педагогической общественностью и затем пересмотрена и переработана Министерством просвещения, она содействовала развитию методики преподавания с опорой на местный материал.

Со временем путешествия, ведение путевых заметок, собирание сведений и коллекций становились всё более популярными. И в эту работу все более активно вовлекались молодые люди. В 1896 г. были изданы «Программы и наставления для наблюдений и собирания коллекций по естественной истории», выдер-

жавшие позже еще три издания (в 1908, 1913, 1915 гг.) [13], а в 1905 г. — первое объемное, в 774 страницы, справочное пособие для путешественников [11].

Исследования южнороссийского региона входили в сферу деятельности академических и других научных учреждений, например, Общества любителей Кавказской археологии (основано в 1873 г., его покровителем стал великий князь Михаил Николаевич), отделения этнографии Императорского Русского Географического Общества. Значительную работу по сбору и публикации документов по истории, этнографии и культуре народов Юга России проводила Кавказская Археографическая комиссия.

На рубеже XIX-XX вв. на Юге появились общественные организации краеведческой направленности — Общество любителей изучения Кубанской области (1897), Кавказское горное общество (1902), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (1910), Терское общество защиты и сохранения памятников старины (1915) и др. Общества различались по уровню профессиональной подготовки их членов, но были объединены общим интересом. В отсутствие высших учебных заведений на Юге они являлись главными интеллектуальными центрами, ставившими перед собой задачу распространения научных знаний. Формировались общества вокруг незаурядных личностей, нередко сосланных из крупных городов по причине политической неблагонадежности [3, с. 14].

Информационное обеспечение краеведческой деятельности на Юге России осуществлялось посредством научных и справочных изданий. С 1845 г. (вплоть до 1916 г.) в Тифлисе выходил «Кавказский календарь», включавший с первого своего номера отдельные сведения и по Северному Кавказу. С 1883 г. стал выходить «Кубанский сборник», содержащий информацию по географическим, климатическим, природным, экономическим, археологическим, этнографическим, историческим вопросам. С 1899 г. Дагестанским областным статистическим комитетом публиковались сведения о народах Дагестана. Терский статкомитет во Владикавказе издавал Статистические таблицы населенных мест Терской об-

ласти (1890-1891), Обзоры Терской области (с 1885 г.), Терский календарь (1891), Списки населенных мест Терской области (1878) и др. С 1868 г. печатались Сборники сведений о кавказских горцах.

Очевидна характерная взаимосвязь между увеличением объема знаний и сведений и развитием науки и, следом, образования. В этом процессе познание собственной местности, его истории и достояния могло бы стать фундаментальным в изучении наук. Однако, судя по всему, краеведение так и не стало отдельным предметом в учебных программах дореволюционной России, вопреки появлению многих учебных пособий краеведческой направленности, методических разработок, рекомендаций специалистов.

Общественная активность в отношении базирования образования именно на краеведении показывает, что последнее призвано к тому, чтобы обеспечить взаимосвязь между государственным управлением имуществом страны, наукой, широким доступом населения к истории и культуре, природе. Собственно, это и есть одна из форм реализации идеи гражданского общества. Понимание этой взаимосвязи вдохновляло многих ученых и педагогов начала XX в. разрабатывать практические методы преподавания различных дисциплин с опорой на сведения о местных природных, исторических и культурных объектах (методические разработки В. В. Половцева, Б. Е. Райкова, Л. Н. Никонова, К. П. Ягодовского, работы Э. Ю. Петри, С. П. Аржанова, А. А. Соколова).

В 1915 г. в Москве на I Всероссийском съезде учителей географии краеведение (родиноведение) было признано необходимым методическим средством преподавания. В 1916 г. в академическом издании очередного тома Словаря русского языка (1891-1930) появилась статья «краеведение», в которой оно определялось как «изучение данного края, страны». Причем ссылка на прежнее упоминание этого термина делалась на газетную статью 1914 г. под названием «Польское общество краеведения» [16, с. 2581]. Поэтому можно оспорить приписывание первого употребления термина «краеведение» историку В. Я. Уланову в его работе «Опыт методики истории в начальной школе» (1914).

Методическая разработанность краеведческих исследований в дореволюционной России стала предпосылкой ее успешного развития в дальнейшем. Советская власть с первых лет своего существования осознала огромный потенциал краеведения и не жалела средств на его организацию. Разрушив прежние устои, она хотела как бы заново открыть наследие России, но уже под иным углом зрения.

В 1922 г. в Петрограде при Академии наук было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) и его региональные филиалы. Просуществовало оно до 1937 г. Председателем Бюро с 1922 по 1927 г. был знаменитый индолог академик С. Ф. Ольденбург. В 1924 г. ЦБК отделилось от Академии наук и стала самостоятельным органом. В 1930-1932 гг. ЦБК было переведено в Москву. Активность краеведческого движения в 1920-е гг. впечатляла. Количество краеведческих обществ и кружков в стране в 1927 г. увеличилось, по сравнению с дореволюционным периодом, с 61 до 1112 (то есть более чем в 18 раз), музеев — с 94 до 576 (более чем в 6 раз) [18, с. 301]. Даже если включить в число краеведческих организаций до революции ученые архивные комиссии, церковно-археологические комитеты, все региональные научные общества, то количество их не превысит 300. В 1923 г. в стране насчитывалось 516 краеведческих обществ, в 1929 году — уже более полутора тысяч [21].

Еще до учреждения Бюро, в 1921 г., был проведен Первый Всероссийский краеведческий съезд. Три последующих съезда (1924, 1927, 1930) именовались Всесоюзными. В регионах проводились краевые, областные, уездные съезды (до 1927 г. свыше 100). В сентябре 1924 г. в Махачкале прошел учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации, количество членов которой постоянно росло. В список, составленный Л. М. Ямпольским в 1927 г. вошло 96 краеведческих организаций на Юге России [23]. Некоторые из них были созданы еще в дореволюционное время и продолжали свою активную работу после революции (Общество любителей изучения Кубанской области).

В послереволюционное время были созданы Осетинское историко-филологическое общество (1919), Ассоциация кавказоведов

(1922), Кабардино-Балкарское общество изучения старины, этнографии и естественных богатств местного края (1922), Общество изучения Адыгейской автономной области (1924), Ингушское литературное общество (1924), Северо-Кавказское краевое бюро краеведения (1926) и др.

Создавались и научно-исследовательские учреждения. В 1920 г. во Владикавказе был открыт Северо-Кавказский институт краеведения, в 1924 г. в Дагестане — Институт национальной культуры (с 1938 г. Институт истории, языка и литератур). Были образованы Осетинский (1925), Кабардино-Балкарский (1926), Ингушский (1926), Адыгский (1929), Чеченский (1931), Черкесский (1932), Карачаевский (1932) научно-исследовательские институты краеведения. Координаторами этих институтов на Юге России выступали Северо-Кавказский институт краеведения во Владикавказе и сменивший его в этой роли Северо-Кавказский горский НИИ краеведения в Ростове-на-Дону (1927).

Выходили специальные издания по краеведению — «Краеведение» (1923-1929), «Известия Центрального бюро краеведения» (1925-1929), «Советское краеведение» (1930-1936). Более 150 краеведческих организаций в России имели свои периодические издания. На Юге России выходили «Известия» и «Бюллетени» Общества любителей изучения Кубанской области (всего 9 выпусков в 1899-1916 гг. и 3 — в 1922-1925 гг.), «Вопросы краеведения Адыгейско-Черкесской автономной области», «Бюллетень Северо-Кавказского Краевого Бюро Краеведения» и др.

В южнороссийских краеведческих изданиях значительное место отводилось молодежной проблематике. Например, А. Д. Князев в «Бюллетене Северо-Кавказского бюро краеведения» писал: «К краеведческой работе должны быть привлечены все ВУЗы, техникумы и Рабфаки. <...> Чрезвычайно удачное соединение краеведческой работы с общественной деятельностью, с работой среди масс, приближает студенчество еще ближе к нуждам и запросам населения и, наоборот, приближает массы к ВУЗам, Рабфакам и техникумам...» [7, с. 23]. Автор полагал, что вовлечение учащейся молодежи в краеведческую

работу приводит к повышению статуса образования, науки, создает платформу для коллективной работы над претворением в жизнь революционной идеи создания нового мира в Советской России. Если освободить это положение от идеологического ограничения, то оно и сейчас может быть использовано в решении задач построения гармоничного общества.

Наработанные в советские годы теоретические предложения и практическая работа по организации краеведческого движения среди молодежи могут и должны быть, по мнению А. Д. Князева, активно использованы. Это наполнение учебных планов краеведческим материалом, организация краеведческой работы во время каникул и на практике, кружковая и курсовые работы, активизация участия в экскурсионной, музейной, архивной работе, в различных институтах, секциях и подсекциях краеведческих организаций, в разработке планов исследовательской работы по краю и т. д. [7, с. 24].

Еще один автор «Бюллетеня Северо-Кавказского бюро краеведения» Д. И. Ястребов подчеркивал роль школьного краеведения, дискутируя с теми, кто настаивал на принципиальном разведении его с краеведением научным. По мнению Ястребова, вовлечение школьников в краеведческую работу является приобщением к науке, к постижению научных открытий и, по мере возможности, к исследовательской работе [24, с. 9-13].

Развитие краеведения в 1920-х гг. обусловило проникновение краеведческой тематики в школьные программы. Школьники не только потребляли готовые тексты, но и непосредственно вовлекались в исследовательский процесс. Активно проходили просветительские мероприятия и лекции, создавались школьные музеи, краеведческие кружки.

Однако последующий курс на тотальную идеологическую и культурную унификацию привел, в том числе, к репрессиям краеведов, закрытию краеведческих организаций, например, упомянутых выше Общества любителей изучения Кубанской области, Центрального Бюро краеведения со всеми его региональными филиалами, включая и Северо-Кавказское Бюро.

В конце 1940-х гг. краеведение стало постепенно «реабилитироваться». На государственном уровне поощрялся познавательный туризм. Выходили справочные туристические издания [20]. В работах ученых-географов А. С. Баркова (1873-1953), А. А. Половинкина (1887-1955), Н. Н. Баранского (1881-1963) и др. придавалось большое значение краеведению как основе и началу географического образования.

Новый виток развития краеведения относится к 1960-1980-м годам. В этот период появилось огромное количество высокопрофессиональных краеведческих работ, в том числе на Юге России. Можно назвать, например, труды осетинских краеведов Г. И. Кусова, Б. М. Бероева, Ю. В. Левковского, К. П. Попова, С. Ф. и В. С. Григоровичей и др. Краеведение было введено в школьные программы. К краеведческой деятельности широко привлекались школьники и молодежь. Формировались школьные музеи, пополняемые сведениями, собранными учениками. На Юге России создавались туристические маршруты местного и общесоюзного значения.

В постсоветский период активизация краеведческого движения происходила на фоне обострения на Юге России межэтнических отношений, «войн памяти». Краеведческие исследования играли важную роль в формировании национальной и локальной идентичности, особенно среди молодежи.

Задача этой статьи — не просто выявить точки роста (и спада) краеведческого движения в прошлом и настоящем, но и извлечь уроки, использовать наработанный опыт, чтобы в дальнейшем не повторять ошибок. Мы видим, что интерес (тем более стимулируемый государством) к познанию окружающего мира, истории людей, среди которых живешь, ведет к значительному повышению активности граждан, к их желанию получить образование, большей осознанности и, как следствие, к увеличению внутренней свободы. И здесь важно соблюсти баланс между государственным контролем и свободой граждан в познании окружающего мира. Государство должно выступать в роли координатора, доброго наставника, помощника в познавательных усилиях граждан, мягко корректирующего возможные

недочеты и отклонения. При нарушении этого баланса (в сторону бесконтрольности или, наоборот, тотального контроля) развитие краеведения неизбежно оказывается под влиянием разнообразных искусственных идеологических построений.

В настоящее время государством созданы условия для свободного познания, для реализации своего краеведческого интереса всеми желающими. Никто не препятствует этой работе, не ограничивает образование, а краеведение уже не первый год входит в учебные планы средних и высших школ. Тем не менее краеведение, понятое ограниченно — как познание своей и только своей территории (региона, края, области, республики), — может заключать в себе и деструктивные смыслы для общего единства страны. В краеведении сейчас преобладает регионализм, стремление замкнуться на истории, культуре, природе лишь своего региона. Это зачастую приводит к мифотворчеству, использованию исторических сведений ради утверждения большей значимости своего народа с принижением роли других народов, а также с упорной заикленностью на своей этнической, религиозной или территориальной культуре без всяких соотношений с другими культурами.

Как преодолеть подобные тенденции, которые выявляются при актуальном анализе любого региона Юга России?

Ключ к решению данной проблемы мы находим в подходах ученых второй половины XIX в., когда понятия малой родины (отчизноведение) и великой родины (отечествоведение) органично объединялись как ступени единого образовательного и воспитательного процесса в понятии «родиноведение». Думается, современное краеведение должно быть переосмыслено с этой точки зрения. Историю и культуру какой-либо местности или народа в принципе невозможно понять и объективно воспринять вне общего историко-культурного контекста. Ресурс краеведения может и должен использоваться именно как точка входа в историю мировой цивилизации, в которой обретет свое достойное место и данный регион.

Кроме того, в новейший период развития краеведения следует отказаться от прак-

тики оценочно-негативного отношения к своему прошлому, чтобы не повторять ошибок, сделанных в 1920-1930-х и в 1990-х гг., приведших к разрушению культурной сферы и уничтожению исторической и родовой памяти людей. Любой опыт прошлого, вне зависимости от того, позитивным он был или негативным, крайне важен для настоящего.

Новейшее время дало очередной толчок развитию краеведения. И мы пришли к пониманию того, что изучение достояния регионов и страны в целом не может ограничиваться лишь ответами на вопросы «Кто?», «Как?», «Когда?» и «Где?». Сегодня исследователи задаются вопросами «Зачем нам все это знать?» и «Как использовать это знание в повседневной жизни?» и пытаются ответить на них.

Современное краеведческое движение многогранно. Помимо всего прочего оно играет немаловажную роль в патриотическом воспитании молодежи. «Глубокие знания о „своей“ территории, ее специфике, людях, знаковых событиях в истории края и малой родины позволяют эффективно решать задачу формирования патриотичного поколения школьников, которые любят свою Родину и разделяют современную систему ценностей», — справедливо полагает О. А. Кирьяш [6, с. 96-97].

Наше внимание привлекло историко-географическое общество «Друрдзуки» в Ингушетии [14]. Созданное группой единомышленников в 2015 г., оно за несколько лет успело провести внушительную работу (экспедиции в разные уголки Ингушетии, издание и презентация научно-популярной литературы, лекции, встречи, создание тематических видеороликов).

Основные участники проекта — молодые люди. На страничке этого общества в социальной сети «ВКонтакте» читаем: «Цель Общества состоит в консолидации сил и стремлений ингушской молодежи и широкой общественности в деле изучения и популяризации истории, культуры, проблем экологии и природных богатств Республики Ингушетия для сохранения национальной памяти и благотворных традиций, развития уникального этнокультурного своеобразия, рекреационных возможностей и формирования позитивного образа Республики Ингушетия».

Собрать команду единомышленников удалось историку по образованию, бывшему научному сотруднику Ингушского НИИ гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева (в 2009-2011 гг.), ныне заместителю председателя Совета местного самоуправления Назрановского муниципального района (с 2015 г.) Анзору Дударову.

Основные направления работы — научное, поисково-экспедиционное, экологическое, работа с молодежью. Общество реализует следующие проекты: «Орнамент — символ жизни», «Мудрость прошлого — Зиракий тIехъле», «Сады поколений», «Я познаю свой край», «Родники Ингушетии», «Спаси свою землю».

Проект «Орнамент — символ жизни» возник в связи с потребностью сохранить образцы уникальной ингушской орнаменталистики. Для этого были проведены десятки экспедиций в горы, исследовано более 60 архитектурных сооружений, собрано более 500 ковровых орнаментов, около 400 древних изображений на камнях архитектурных сооружений, более 100 барельефных изображений на стенах. Общество проводит курсы, обучающие искусству рукоделия, с целью сохранения культурных традиций и передачи их молодому поколению. Ведётся исследовательская работа в музеях всех регионов Северного Кавказа и Закавказья.

Проект «Мудрость прошлого» собрал людей, заинтересованных в сохранении воспоминаний пожилых людей о минувших днях и различных преданий, известных им с раннего возраста. Все эти материалы сразу становятся доступны на канале общества в «Youtube» и после необходимого оформления сдаются в Государственный архив Республики Ингушетия.

В рамках проекта «Сады поколений» в каждом населенном пункте республики открываются новые парковые зоны, осуществляется укрепление берегов рек посредством высадки вдоль них деревьев. В эту работу вовлекаются преимущественно молодые люди. Счет высаженным деревьям пошел уже на тысячи (к примеру, в с. п. Плиево, Троицкое, Кантышево, в г. Магас).

Проект «Родники Ингушетии» включает в свои планы облагораживание всех имеющихся родников региона.

Проект «Спаси свою землю» направлен на сбор использованных батареек в общеобразовательных организациях республики.

Кроме общественных инициатив в Малгобекском районе и в городе Нальчике созданы две бюджетные краеведческие учебные организации, одной из которых является Центр детско-юношеского туризма и краеведения под эгидой Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения при Министерстве культуры РФ. Подобные центры и станции функционируют и в Республике Северной Осетии — Алании (1), в Астраханской области (1), в Дагестане (9), в Чеченской Республике (14). Сочетание бюджетных, общественных и коммерческих форм организаций делает реализацию краеведческого потенциала более эффективной.

Группой краснодарских ученых было предпринято исследование вовлеченности молодежи в краеведческое движение с целью выявления основных проблем, точек роста, тем и направлений, которые на данном этапе являются наиболее значимыми. Были организованы встречи в разных регионах Юга России — Астраханской области, Дагестане, Северной Осетии — Алании, Ингушетии и Чечне — с молодыми людьми, студентами разных учебных заведений, с преподавателями и заинтересованными гражданами. Эти встречи помогли подтвердить актуальность выбранных для апробации направлений развития современного краеведения. Предложенные темы по литературному, театральному, историческому, малоизвестному пока научно-техническому наследию регионов получили живой отклик у молодежи и специалистов.

Апробация новых подходов к представлению природного и культурного наследия в общем информационном поле также оказалась в зоне повышенного внимания. Слушателям предложили поучаствовать в поиске образов, которые могут лечь в основу брендинга их родного края. И не было ни одного города, в котором бы молодежь не откликнулась на это предложение. Политика территориального брендинга является новой и удачной формой активизации молодежного участия в краеведческой работе, в которой кроме общественных, бюджетных организа-

ций могут быть задействованы и коммерческие структуры.

Д. С. Лихачев отмечал: «Краеведение как явление культуры замечательно тем, что оно теснейшим образом позволяет связать культуру со строительством музеев, собраний, архивов, педагогической деятельностью, объединением молодежи в кружки и общества, развитием туризма, созданием хоров и кустарных артелей» [9, с. 173]. Исторический анализ развития краеведения подтверждает справедливость этого высказывания.

На основе представленного анализа можно сделать несколько выводов, касающихся развития и поддержки краеведческого движения, основной движущей силой которых должна выступать молодежь. Государство играет основную роль в организации краеведческого процесса. Именно оно создает образовательные, научно-исследовательские структуры, музеи, архивы, координирующие работу общественных краеведческих организаций. Результатом становится активизация населения в деле изучения локальной культуры и природы. Но, как показывает опыт, это имеет и определённую опасность — излишнего государственного контроля с одной стороны и бесконтрольности — с другой.

Выход мы видим в формировании системного подхода к планированию региональной культурной политики, который включал бы ряд факторов:

- сбалансированность государственной культурной политики, сочетающей контроль с максимальной открытостью и разумной свободой;

- повышение роли научного и экспертного сообществ в системе государственного контроля краеведческой деятельности;

- выстраивание многоярусной взаимосвязанной системы краеведческого движения в регионах: координирующие органы го-

сударства, научные и образовательные организации, бюджетные специализированные учебные центры краеведения (причем открытые для обучения всех желающих, а не только детей определенного возраста, как сейчас), общественные организации, объединенные между собой в ассоциации, коммерческие туристические структуры и волонтеры;

- принципиальное расширение смысла краеведения, при котором оно перестанет ограничивать себя интересом изучения только «своей» территории, а осознает последнюю точкой входа в историю отечественной и мировой культур;

- углубление смысла краеведения с целью постижения его скрытых значений, важных для повседневной жизни граждан;

- объективное отношение к прошлому, преодоление крайностей в его оценках, принятие всего исторического опыта как неотъемлемой части исторической судьбы своего народа;

- возвращение из небытия забытых событий, имен и принятие всего комплекса наследия без купюр;

- активное развитие общегражданского самосознания, неотъемлемой частью которого является самосознание локальное (этническое, религиозное, территориальное);

- использование новых форм организации работы, новых средств популяризации культурных и природных объектов (технологии культурного брендинга территории).

Краеведение во всех своих организационных формах, с новыми творческими подходами призвано вовлекать молодежь в познание своей родины (малой и великой), развивать гражданское сознание, способствовать построению оптимальных, гармоничных отношений между народами, регионами, а также между государством и населением страны.

Alexander A. GUTSALOV

Youth and Local History: Historical Experience and Growth Points

Abstract. The article comprehends the historical experience of local history and young people's involvement in local history activities in order to identify the prospects of its development and growth

points. The main emphasis is made on the study of the practice of Southern Russia's regions. Local history was conceptually designed in Russia in the 18th–19th centuries. It was designated by various terms: local studies, fatherland studies, national science, motherland studies. The leading actors of local history studies were academic institutions and public research organizations that were massively being established in the 19th century. Their initiatives objectively contributed to the development of traveling, to the engagement of representatives of various professional groups and youth in research, to the introduction of local history subjects into curricula. Public associations were the cells of the civil society formed in the Russian Empire and contributed to the formation of the all-Russia's and local identities. The activities of local history organizations in provinces were of particular importance. Southern Russia's associations such as the Society for the Study of the Kuban Region, the Caucasus Mountain Society, the Stavropol Society for the Study of the North-Caucasian Region, the Terek Society for the Protection and Preservation of Monuments were major regional distribution centers for the scientific knowledge that formed the communication space for the intelligentsia. Experience in the development of local history in pre-revolutionary Russia was in demand later. Specialized state institutions in the South and in other regions were established in the 1920s, the so-called "golden decade of local history". Along with them, the activities of public organizations continued. The multi-ethnic nature of the territory led to the creation of national research institutions, associations and societies. Specialized regional editions (*Byulleten' Severo-Kavkazskogo byuro kraevedeniya* [Bulletin of the North Caucasian Local History Bureau], etc.) paid special attention to involving youth and students in local history activities. The conflict between the diversity of local history topics and interpretations and the ideological strategy of the state to unify the life of society manifested itself in the 1920s. The dissolution of amateur local history associations in the early 1930s marked the total subordination of local history initiatives to the state. The activation of the local history movement in the post-Soviet period took place against the background of the aggravation of interethnic relations and the weakening of the role of the state. Local history studies, which were conducted outside the context of Russian history, provoked the mythologization of images of the past, the growth of separatist sentiments in society, especially among young people. The positive experience of local history, which was formed in recent years, combines the reasonable participation of the state and its institutions with the development of public initiatives. As an example, the article discusses the activity of the historical and geographical society Dzurdzuki (Republic of Ingushetia). The urgent tasks of identifying forgotten names and artifacts, issues related to the return to the modern cultural discourse of the memory of the events of national history make the development of literary, scientific, technical, archaeological, historical, ethno-cultural local history relevant. Local history as an important component of patriotic education of young people is directly connected with the solution of topical socioeconomic and cultural problems, with the development of domestic tourism, with the protection of historical and cultural monuments, as well as with cultural branding of territories.

Keywords: local history, homeland studies, historical experience, local practices, youth, South of Russia, research initiatives.

Использованная литература:

1. Бакмейстер Л. И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской Империи. т. 1, ч. 1-4, СПб.: Имп. Акад. наук, 1771-1774.
2. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый Хронограф, 2012.
3. Еремеева А. Н. Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX в.: очерки истории. Краснодар: Кубанькино, 2006.

References:

1. Bakmeyster, L.I. (1771–1774a) *Topograficheskie izvestiya, sluzhashchie dlya polnogo geograficheskogo opisaniya Rossiyskoy Imperii* [Topographic news for a complete geographical description of the Russian Empire]. Vol. 1. Parts 1–4. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.
2. Bradley, J. (2012) *Obshchestvennyye organizatsii v tsarskoy Rossii. Nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society]. Translated from English. Moscow: Novyy Khronograf.

4. Зуев В. Ф. Предисловие // Зуев В. Ф. Начертание естественной истории: изданное для народных училищ Российской империи по Высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй: Ч. 1. СПб.: б. и., 1786.
5. Ищук Г. Н. Место краеведческой деятельности в школьном образовании // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2012. № 4. С. 48-62
6. Кирьяш О. А. Родиноведение – краеведение – региональная история как структурные элементы патриотического воспитания в школе // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. № 3. 2017. С. 94-97.
7. Князев А. Д. Роль студенчества в краеведческом движении // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1926. №1-2. С. 22-24.
8. Копия с Указа, какой послан из правительствующего Сената во все губернии, с приобщенными при нем Академией наук запросами // Бакмейстер Л. И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской Империи. т. 1, ч. 1-4, СПб.: Имп. Акад. наук, 1771-1774. С. 17-32.
9. Лихачев Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 159-173.
10. Начертание общего топографического и физического описания Российской Империи, предпринятого Императорскою Санкт-Петербургскою Академией наук, СПб.: б.и., 1778.
11. Палибин И., Шмидт П. Ю., Шокальский Ю. М. Справочная книжка для путешественников. Санкт-Петербург: Изд. картографич. заведения А. Ильина, 1905.
12. Паллас П. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области: Спб.: Имп. тип., 1795.
13. Программы и наставления для наблюдений и собирания коллекций по Естественной Истории. СПб.: Изд. Имп. С-петерб. об-ва естествоиспытателей. Тип. М. Стасюлевича, 1896.
14. Сайт Историко-географического общества «Дзурдзуки». URL: <http://dzurdzuki.com/> (дата обращения: 17.08.19).
15. Семенов Д. Д. Педагогические заметки для учителей // Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953. С. 239–264.
16. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. том 4. Вып. 9. Петроград.: Тип. Имп. Акад. наук, 1916
17. Смирнова О. В., Федосеев Т. В. Научно-географические основы становления понятия «природное и культурное наследие» в географическом образовании // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 28-37.
18. Соболев В. С. Нести священное бремя прошлого...: Российская Академия Наук. Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012
19. Соймонов П. А. Топографическое описание Калужского наместничества. СПб.: Имп. Акад. наук, 1785.
20. Справочник путешественника и краеведа / Под ред. С. В. Обручева, М.: Гос. изд-во географ. лит., 1949.
3. Ereemeeva, A.N. (2006) *Nauchnaya zhizn' i nauchnoe soobshchestvo Kubani v XX v.: ocherki istorii* [Scientific life and the scientific community of the Kuban in the 20th century: essays on history]. Krasnodar: Kuban'kino.
4. Zuev, V.F. (1786) *Predislovie* [Foreword]. In: *Nachertanie estestvennoy istorii: izdannoe dlya narodnykh uchilishch Rossiyskoy imperii po Vysochayshemu povelению tsarstvuyushchey imperatritsy Ekateriny Vtoroy* [The outline of natural history: published for public schools of the Russian Empire according to the Highest command of reigning Empress Catherine the Second]. Pt. 1. St. Petersburg: [s.n.].
5. Ishchuk, G.N. (2012) *Mesto kraevedcheskoy deyatel'nosti v shkol'nom obrazovanii* [The place of local history activities in school education]. *Vestnik Akademii detsko-yunosheskogo turizma i kraevedeniya*. 4. pp. 48–62.
6. Kir'yash, O.A. (2017) *Studying Motherland: main approaches and problems of implementation*. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*. 3. pp. 94–97. (In Russian).
7. Knyazev, A.D. (1926) *Rol' studenchestva v kraevedcheskom dvizhenii* [The role of students in the local history movement]. *Byulleten' Severo-Kavkazskogo byuro kraevedeniya*. 1–2. pp. 22–24.
8. Bakmeyster, L.I. (1771–1774b) *Topograficheskie izvestiya, sluzhashchie dlya polnogo geograficheskogo opisaniya Rossiyskoy Imperii* [Topographic news for a complete geographical description of the Russian Empire]. Vol. 1. Parts 1–4. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk. pp. 17–32.
9. Likhachev, D.S. (2000) *Russkaya kul'tura* [Russian culture]. Moscow: Iskusstvo. pp. 159–173.
10. St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. (1778) *Nachertanie obshchego topograficheskogo i fizicheskogo opisaniya Rossiyskoy Imperii, predprinyatogo Imperatorskoyu Sankt-Peterburgskoyu Akademiyey nauk* [The outline of the general topographic and physical description of the Russian Empire undertaken by the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences]. St. Petersburg: [s.n.].
11. Palibin, I., Shmidt, P. Yu. & Shokal'skiy, Yu.M. (1905) *Spravochnaya knizhka dlya puteshestvennikov* [A reference book for travelers]. St. Petersburg: Izd. kartografich. zavedeniya A. Il'ina.
12. Pallas, P. (1795) *Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoy oblasti* [A brief physical and topographical description of Tauride Oblast]. St. Petersburg: Imp. tip.
13. Imperial St. Petersburg Society of Naturalists. (1896) *Programmy i nastavleniya dlya nablyudeniya i sobiraniya kollektiy po Estestvennoy Istorii* [Programs and guidelines for observing and collecting natural history collections]. St. Petersburg: Izd. Imp. S-peterb. ob-va estestvoispytateley. Tip. M. Stasyulevicha.
14. *Website of Dzurdzuki Historical and Geographical Society*. [Online] Available from: <http://dzurdzuki.com/>. (Accessed: 17.08.2019). (In Russian).
15. Semenov, D.D. (1953) *Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical essays]. Moscow: Izd-vo APN RSFSR. pp. 239–264.
16. Second Division of the Imperial Academy of Sciences. (1916) *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennoy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of the Russian language, compiled by the Second Division of

21. Шмидт С. О. Краеведение [Электронный ресурс] // Энциклопедия Всемирная история. URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/kraieviedeniie> (дата обращения 05.09.19).

22. Ушинский К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии («Журнал Министерства народного просвещения», 1862 г., № 12; 1863 г. №№ 1, 3, 4, 6) // Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 3. М.-Л.: АПН РСФСР, 1948. С. 87–254.

23. Ямпольский М. Л. Краеведческие учреждения на Северном Кавказе. Ростов-н/Д.: Сев.-Кавказск. краевое бюро краеведения, 1927.

24. Ястребов П. И. Школьное краеведение и общекраеведческая работа // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1926. №3-4. С. 9-13.

the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 4. Is. 9. Petrograd.: Tip. Imp. Akad. Nauk.

17. Smirnova, O.V. & Fedoseenko, T.V. (2015) Scientific and geographical bases of formation of the notion of natural and cultural heritage in geographic education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 4. pp. 28–37. (In Russian).

18. Sobolev, V.S. (2012) *Nesti svyashchennoe bremya proshedshego...: Rossiyskaya Akademiya Nauk. Natsional'noe kul'turnoe i nauchnoe nasledie. 1880–1930 gg.* [To bear the sacred burden of the past . . . : Russian Academy of Sciences. National cultural and scientific heritage. 1880–1930]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

19. Soymonov, P.A. (1785) *Topograficheskoe opisaniye Kaluzhskogo namestnichestva* [Topographic description of Kaluga governorate]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk.

20. Obruchev, V. (1949) *Spravochnik puteshestvennika i kraevedy* [Handbook of a traveler and a local historian]. Moscow: Gos. izd-vo geograf. lit.

21. Shmidt, S.O. (n.d.) *Kraevedeniye* [Local history]. [Online] Available from: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/kraieviedeniie>. (Accessed: 05.09.2019).

22. Ushinskiy, K.D. (1948) *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected works: in 11 vols]. Moscow-Leningrad: APN RSFSR. Vol. 3. pp. 87–254.

23. Yampol'skiy, M.L. (1927) *Kraevedcheskie uchrezhdeniya na Severnom Kavkaze* [Local history institutions in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: Sev.-Kavkazsk. kraevoye byuro kraevedeniya.

24. Yastrebov, P.I. (1926) *Shkol'noye kraevedeniye i obshchekraevedcheskaya rabota* [Local history at school and general local history]. *Byulleten' Severo-Kavkazskogo byuro kraevedeniya*. 3–4. pp. 9–13.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гуцалов, А. А. Молодежь и краеведение: исторический опыт и точки роста [Электронный ресурс] / А. А. Гуцалов // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 49–61. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.004

Full bibliographic reference to the article:

Gutsalov, A. A. (2019) Youth and Local History: Historical Experience and Growth Points. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 49–61. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.004

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

САЛАМЗАДЕ Эртегин Абдулвагаб оглы

член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана,
доктор искусствоведения, профессор, директор Института
архитектуры и искусства Национальной Академии Наук
Азербайджана,
Баку, Республика Азербайджан,

Artegin A. SALAMZADE

Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director,
Institute of Architecture and Art,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan
ertegin.salamzade@mail.ru

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы

доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом
эстетики и информационной культуры Института архитектуры
и искусства Национальной Академии Наук Азербайджана,
Баку, Республика Азербайджан

Rena H. ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head,
Department of Aesthetics and Information Culture,
Institute of Architecture and Art,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan
cult_rena@yahoo.com

УДК [008+304.42]:[323.1:316.7](479.24)
ГРНТИ 13.15.51
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.005

**Мультикультурализм –
действенная модель
культурной политики
Азербайджана**

**Multiculturalism
as an Effective Model
of Cultural Policy
of Azerbaijan**

В статье мультикультурализм рассматривается как традиционное явление в истории Азербайджана, обусловленное этническим и конфессиональным разнообразием в регионе, толерантным отношением к представителям иных культур. Подчеркивается, что в период независимости Азербайджана мультикультурализм был поднят на уровень государственной культурной политики. В выступлениях и деятельности Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева он представлен как действенный фактор не только внутренней, но и внешней политики страны. Для продвижения политики мультикультурализма в 2008 г. был запущен так называемый «Бакинский процесс». Одновременно Баку стал местом проведения множества международных мероприятий самого высокого уровня. Интересным явлением последнего десятилетия является совпадение оценок феномена мультикультурализма экспертами Азербайджана и России.

Ключевые слова: мультикультурализм, государственная культурная политика, национальная идея, Бакинский процесс, Президент Ильхам Алиев, общенациональные культурные стандарты, интеграция и диверсификация культурных сообществ.

Основу всякой культурной политики всегда составляет определенная идея. Нередко вокруг такой идеи строится не только культуротворческая деятельность, но и сама социальная ткань общества, его институты. Такая идея может приводить в движение и социальные лифты государства. Иногда в этом качестве выступает национальная идея, которая одновременно организует и социальную, и культурную сферы. Некоторые из подобных концептов хорошо известны – «американская мечта», «русская национальная идея» и др. Другие имеют наднациональный характер, как, например, пантюркизм. Третьи вообще строятся не на национальной, а на географической основе. В этом случае уместно вспомнить, что культурная политика современного Китая (по крайней мере внешняя) основана на идее ментальной реставрации Великого Шелкового Пути и в сегодняшней редакции определяется формулой «One belt, one road». На рубеже XX-XXI столетий во многих странах мира столь же широко обсуждаются идеи мультикультурализма и пути их претворения на уровне государственной политики.

При рассмотрении какого-то нового явления в науке принято определяться

с терминологией и методологией, с помощью которой данный феномен исследуется. В буквальном переводе с английского «multiculturalism» означает «многокультурность». Думается, можно использовать и более привычное словосочетание «культурное многообразие». Методология исследования феномена мультикультурализма на сегодняшний день разработана крайне неудовлетворительно. В этой сфере работы отечественных авторов исчисляются единицами. И только в одной из них предлагается обоснованный, на наш взгляд, подход к объяснению данного явления. С опорой на известную теорию К. Леви-Стросса о «теплых» и «холодных» культурах здесь предлагается рассматривать азербайджанскую модель мультикультурализма в качестве «посуды для салата» [8, с. 160]. Метафору из области кулинарии ни в коем случае не следует воспринимать как средство для «снижения пафоса» рассматриваемой проблемы. Она содержательна.

Речь идет о том, что в условиях «теплых» культур этническое многообразие стирается, нивелируется. Подобно пищевым ингредиентам в котле, культуры этнических меньшинств со временем растворяются в культуре титульной нации.

В Азербайджане на протяжении веков, напротив, представители всех народностей и конфессий живут в условиях симбиоза. То есть мультикультурализм не сиюминутное, а традиционное явление в реалиях этой страны.

Становление политики мультикультурализма в независимом Азербайджане можно проследить по публичным выступлениям Президента страны Ильхама Алиева. Интересно, что еще в середине 2011 г. Президент И. Алиев употребляет в своих выступлениях другой термин, говоря, что «Азербайджанское общество является многокультурным, многоэтническим» [5, с. 243]. Но уже во второй половине 2011 г. термин «мультикультурализм» прочно войдет в лексикон программных выступлений господина Президента. Показательно в этом отношении его выступление на церемонии ифтар по случаю священного месяца Рамазана 12 августа 2011 г. Президент отметил, что «мультикультурализм – это относительно новое понятие. По сути, это означает сосуществование людей, принадлежащих к различным культурам и религиям... Это не просто лозунг... Это наш образ жизни. Это наше мировоззрение. Мы так живем и, живя так, доказываем себе, региону и миру, что мультикультурализм существует» [5, с. 246].

Президент на этой церемонии не случайно говорил о том, что Азербайджан доказывает всем, что мультикультурализм существует. Уже в те годы некоторые западные политики объявили о крахе мультикультурализма в Европе. Впоследствии Президент И. Алиев не раз обращался к этой теме, выступая перед самыми разными аудиториями. «Есть ли альтернатива мультикультурализму? Если его хоронят, значит, должна быть альтернатива. А какая это альтернатива?.. Это очень опасный путь... если рассуждать логически, то значит самоизоляция. Значит депортация, отторжение представителей различных религий, народов, которые общественно-

стью не воспринимаются. Это путь в никуда» [5, с. 254].

Однако политика – это не только публичные выступления и теоретические рассуждения. Политика – это искусство возможного. Политика – это конкретные действия, изменяющие общество, мир. Президент И. Алиев виртуозно владеет искусством возможного. Для продвижения политики мультикультурализма он запустил так называемый «Бакинский процесс». Этот процесс по инициативе Азербайджана начался в 2008 г. на заседании министров культуры Совета Европы. На это мероприятие были приглашены министры культуры Организации Исламского Сотрудничества. «Впервые в истории представители двух важных международных организаций собрались в Баку. На следующий год, в 2009 г., мы сделали наоборот – пригласили министров культуры Совета Европы на проводимое в Баку мероприятие Организации Исламского Сотрудничества. Словом, мультикультурализм является одним из преимуществ, большим достоянием. В период нашего председательства мы однозначно будем уделять внимание этому вопросу» [5, с. 279-280], – сказал Президент И. Алиев на сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы 24 июня 2014 г. Таким образом, спустя всего шесть лет после начала «Бакинского процесса» он стал реальным действенным фактором внешней политики Азербайджана, одним из факторов политики мировой.

Одновременно Баку стал местом проведения множества международных мероприятий самого высокого уровня. В 2009 г. Баку был объявлен столицей исламской культуры, в 2015-м здесь прошли первые Европейские игры, в 2016 г. – проведён VII Глобальный форум Альянса цивилизаций ООН. Кроме этого за последнее десятилетие здесь прошли: Бакинский гуманитарный форум, Форум по межкультурному диалогу, музыкальный конкурс «Еврови-

дение-2012», международный фестиваль «Мир мугама» и многие другие гуманитарные, культурные, спортивные мероприятия. 2016 год Указом Президента страны был объявлен в Азербайджане годом мультикультурализма, а 2017-й – годом исламской солидарности. Все это дало возможность Президенту И. Алиеву заявить, что «Азербайджан еще раз утвердил себя как гуманитарный центр мира» [5, с. 277].

Толерантность и мультикультурализм – понятия, характеризующие социальные отношения, исторически сложившиеся в Азербайджане. Во многом этому способствовало географическое положение Азербайджана, находящегося на перекрестке кросскультурных взаимных влияний Евразии. В истории и культуре Азербайджана оставили свой след все мировые религии. И сегодня на территории Азербайджана совместно проживают представители основных религиозных конфессий – мусульмане, христиане, иудеи.

В годы независимости в Азербайджане возводится множество мечетей, реставрируются и реконструируются православные церкви, строятся синагога и даже один католический храм. Кроме того, восстанавливается один из храмов Албанской Апостольской церкви. Традиции толерантности отражаются в процессах развития современной архитектуры. В начале XXI века, когда стал очевиден крах политики мультикультурализма в Европе, в Азербайджане принципы мультикультурализма поднялись на уровень государственной идеологии.

Наиболее интересные архитектурные решения в области культового строительства сосредоточены в Баку и прилегающих к столице поселках Апшерона. Самым масштабным по объему является строительство мечети Биби-Эйбат.

Проект был осуществлен на месте старой мечети Биби-Эйбат, разрушенной в годы советской власти. Линейная ком-

позиция новой Биби-Эйбатской мечети (арх. С. Оруджев) состоит из трех объемов, каждый из которых перекрыт куполом. Центральный объем имеет форму восьмигранной призмы, один из боковых объемов решен в форме куба, другой – в форме параллелепипеда. Мечеть расположена недалеко от берега моря.

Знаменательным событием и в духовной, и в архитектурной жизни стало строительство в одном из центральных кварталов Баку синагоги европейских и горских евреев. Синагога «запроектирована в восемь уровней, два из которых находятся под уровнем земли и шесть – над землей. Архитектор нашел выразительное и крупномасштабное решение, так что здание снаружи выглядит трехэтажным» [7, с. 355]. Автор проекта Александр Гарбер (род. в 1955) обладает колоссальным проектным опытом. Однако в области храмовой архитектуры ему работать еще не приходилось. Создается впечатление, что к работе над проектом синагоги в Баку А. Гарбер подходит словно «с чистого листа», изучая и выясняя для себя все догматические и формообразовательные факторы, которые в конечном итоге определяют облик сооружения.

Удивительным можно назвать творческий опыт, полученный за последние полтора десятилетия архитектором Эльчином Алиевым (род. в 1967). В 2003 г. по его проекту была отреставрирована православная церковь Святых Жен Мироносиц, а в 2008 г. он стал одним из авторов проекта здания католической церкви Непорочного зачатия Св. Девы Марии. Выступая на церемонии открытия храма, Президент И. Алиев, в частности, сказал: «В Азербайджане построена католическая церковь. Это еще одно свидетельство высокого уровня религиозной терпимости, религиозной толерантности в республике. Это – наше большое достояние. Представители всех народов, религий живут в Азербайджане единой семьей, в обста-

новке дружбы и братства, и это усиливает нашу страну» [5, с. 216].

В 1920 г. была закрыта православная церковь с 200-летней историей. В советский период она не использовалась по назначению. Почти разрушенный храм вернули Русской Православной церкви только в 1991 г. Десять лет спустя, в 2001 г., во время своего визита в Баку Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, освятив храм, присвоил ему статус Кафедрального собора Прикаспийского и Кавказского регионов. Во время реставрации этой церкви по проекту Э. Алиева местные резчики по камню создали уникальный иконостас. Как отмечают специалисты, «национальная принадлежность архитектора и мастеров определенным образом сказалась на результатах работы – получился русский иконостас с восточными византийскими элементами, а в интерьере церкви ненавязчиво и тактично зазвучали азербайджанские мотивы» [6]. Творческий вклад Э. Алиева в дело восстановления храма был высоко оценен Русской Православной Церковью. Он был награжден медалью Преподобного Сергия Радонежского I степени. Это еще один пример жизнеспособности мультикультурных ценностей в современном азербайджанском обществе.

Ключевой вопрос, по которому отечественная культурология должна выработать обоснованную позицию, – это вопрос о соотношении мультикультурализма и государственной политики Азербайджана. Культурная политика в принципе – это «совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры» [2]. По определению Ф. Мамедова, мультикультурализм – это «гуманистическое мировоззрение и соответствующая ему политика, признающая права культуры представителей разных народов, живу-

щих в одной стране... это не ассимиляция, а равноправное объединение и развитие людей разных этносов и культур на принципах интеграции в общенациональную культуру титульной нации» [3, с. 261-262]. Таким образом, мультикультурализм – неотъемлемая часть государственной культурной политики, причем та ее часть, которая несет интегрирующее начало, поскольку «сама культура оказывает активное обратное воздействие на государство и политику» [1, с. 374].

Мультикультурализм является мощным фактором не только внутренней, но и внешней политики Азербайджана. Однако в современном мире культура характеризуется процессами не только интеграции, но и диверсификации, то есть «возрастанием многообразия культурных сообществ». И «проблема субкультур превращается из сугубо академической в практическую и политическую, в том числе и в ключевом аспекте культурной политики» [4]. Феномен мультикультурализма получил распространение в европейских странах именно на фоне этих взаимодополняющих глобальных тенденций.

Самое интересное, что экспертные оценки феномена мультикультурализма российскими и азербайджанскими специалистами полностью совпадают. «Мультикультурализм и интеркультурализм для нас – проблемы традиционные, в то время как западная Европа их для себя только открывает в процессе объединения и усиления миграционных потоков» [4], – пишут К. Разлогов, Э. Орлова и Е. Кузьмин.

Российские и азербайджанские культурологи сходятся также во мнении, что «в этих условиях культурная политика государства должна способствовать созданию в его границах единого культурного пространства и устанавливать „правила игры“ для взаимодействия субкультур» [4]. Эта формулировка принадлежит Кириллу Разлогову и его коллегам. В этом же духе высказывается Фуад Мамедов: «Необходимо

и дальше формировать, совершенствовать и распространять общенациональные культурные стандарты универсального характера, адекватные требованиям времени» [3, с. 267].

Совпадение позиций экспертов Азербайджана и России по поводу места мультикультурализма в истории наших стран, а также по вопросам формирования единого культурного пространства внутри каждого из государств создает хорошую платформу для плодотворного сотрудничества в области разработки различных моделей культурного развития. Особенно перспективным это сотрудничество видится на региональном уровне и, прежде всего, на юге России, с его этническим и конфессиональным разнообразием.

Культура – одна из управляющих систем в структуре этноса и общества в целом. Тот факт, что большинство этниче-

ских и суперэтнических целостностей в XX столетии находится на поздних стадиях развития, и обусловил появление новой науки – культурологии, а также сопутствующей ей тенденции рассматривать все процессы и явления в контексте культуры. Очевидно, что появление культурологии и методологический бум второй половины XX – начала XXI в. напрямую связаны с попытками преодоления энтропии. В рамках культурологии и с помощью методов, к которым предъявляются все более строгие требования, идет поиск необходимой для борьбы с энтропией информации и отработываются наиболее общие приемы управления информационными потоками. В такой оптике мультикультурализм предстает действенной моделью государственной культурной политики, эффективно противостоящей энтропийным процессам глобального мира.

Artegin A. SALAMZADE & Rana H. ABDULLAYEVA

Multiculturalism as an Effective Model of Cultural Policy of Azerbaijan

Abstract. The basis of any cultural policy is always a certain idea. Sometimes a national idea is used in this capacity. Some ideas are supranational, some are built on a geographical basis rather than on a national one. At the turn of the 21st century, many countries of the world widely discuss the ideas of multiculturalism and the ways of their implementation at the level of public policy. In the article, multiculturalism is considered as a traditional phenomenon in the history of Azerbaijan, due to the ethnic and religious diversity in the region and a tolerant attitude towards representatives of other cultures. It is emphasized that during the period of independence of Azerbaijan, multiculturalism was raised to the level of a state cultural policy. During the years of independence, many mosques have been erected in Azerbaijan, Orthodox churches are being restored and reconstructed, a synagogue and even a Catholic church are being built. In addition, one of the temples of the Albanian Apostolic Church is being restored. The traditions of tolerance are still reflected in the development of not only modern architecture, but also culture and society as a whole. In the speeches and activities of President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev, multiculturalism is presented as an effective factor in both domestic and foreign policies of the country. In 2008, to launch the policy of multiculturalism, he launched the so-called “Baku Process”. At the same time, Baku is becoming a venue for many international events of the highest level. Over the past decade, the Baku Humanitarian Forum, the Forum on Intercultural Dialogue, the Eurovision 2012 music contest, the international festival Mugham World have been held here. In 2009 Baku was declared the capital of Islamic culture; in 2015 it hosted the first European Games; in 2016 the VII Global Forum of the UN Alliance of Civilizations and many other humanitarian, cultural and sports events. In the Decree of the President of the country, 2016 was declared the year of multiculturalism in Azerbaijan, and 2017 the year of Islamic solidarity. All this made it possible for President Aliyev to declare that “Azerbaijan has once again established itself as the humanitarian center of the world.” An

interesting phenomenon of the past decade is the coincidence of assessments of the phenomenon of multiculturalism by experts from Azerbaijan and Russia. This unanimity is seen as particularly promising at the regional level and, above all, in the south of Russia, with its ethnic and religious diversity.

Keywords: multiculturalism, state cultural policy, national idea, Baku Process, President Ilham Aliyev, national cultural standards, integration and diversification of cultural communities.

Использованная литература:

1. Балакшин А. С. Сущность и содержание понятия "культурная политика" [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского государственного университета им. Лобачевского. 2004. № 1(3). С. 374-379. URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/43.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2004_1(3)/43.pdf) (дата обращения 01.07.19).

2. Государственная культурная политика в России [Электронный ресурс] // Википедия: всемирная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственная_культурная_политика_в_России (дата обращения 01.07.19).

3. Мамедов Ф. Т. Культурология, культура, цивилизация. Баку: Апостроф, 2015.

4. Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации [Электронный ресурс] // 6. Архив номеров журнала «Отечественные записки» 2001-2014 годов. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/rossiyskaya-kulturnaya-politika-v-kontekste-globalizatsii> (дата обращения 01.07.19).

5. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев об азербайджанской модели мультикультурализма. Баку: BBMM, 2017.

6. Шугаев Г. Многоконфессиональный Баку [Электронный ресурс] // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2005. № 2 (39). С. 18-23. URL: [http://www.archjournal.ru/rus/02\(39\)%202005/mnogokonfbaku.htm](http://www.archjournal.ru/rus/02(39)%202005/mnogokonfbaku.htm) (дата обращения 01.07.19).

7. Эфендизаде Р. М. Архитектура Азербайджана. Конец XIX – начало XXI века. Баку: Шерг-Герб, 2012.

8. Sofiyev X. Multikulturalizm üzrə metodoloji qeydlər [Методологические заметки о мультикультурализме] // Multikulturalizm prosesləri qloballaşma şəraitində. Beynəlxalq konfransın materialları [Процессы мультикультурализма в условиях глобализации. Материалы международной конференции]. Bakı: Təhsil, 2014.

References:

1. Balakshin, A.S. (2004) Sushchnost' i sodержanie ponyatiya "kul'turnaya politika" [The essence and content of the concept "cultural policy"]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 1(3). pp. 374-379. [Online] Available from: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/43.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2004_1(3)/43.pdf). (Accessed: 01.07.2019).

2. Wikipedia: The world encyclopedia. (2019) *Gosudarstvennaya kul'turnaya politika v Rossii* [State cultural policy in Russia]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Gosudarstvennaya_kul'turnaya_politika_v_Rossii. (Accessed: 01.07.2019).

3. Mamedov, F.T. (2015) *Kul'turologiya, kul'tura, tsivilizatsiya* [Cultural studies, culture, civilization]. Baku: Apostrof.

4. Razlogov, K., Orlova, E. & Kuz'min, E. (2005) *Rossiyskaya kul'turnaya politika v kontekste globalizatsii* [Russian cultural policy in the context of globalization]. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/rossiyskaya-kulturnaya-politika-v-kontekste-globalizatsii>. (Accessed: 01.07.2019).

5. Mehdiyev, R. (2017) *Prezident Azerbaydzhanskoy Respubliki Il'ham Aliyev ob azerbaydzhanskoy modeli mul'tikul'turalizma* [President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev on the Azerbaijani model of multiculturalism]. Baku: BBMM.

6. Shugaev, G. (2005) *Mnogokonfessional'nyy Baku* [The Multiconfessional Baku]. *Arkhitektura. Stroitel'stvo. Dizayn*. 2 (39). pp. 18–23. [Online] Available from: [http://www.archjournal.ru/rus/02\(39\)%202005/mnogokonfbaku.htm](http://www.archjournal.ru/rus/02(39)%202005/mnogokonfbaku.htm). (Accessed: 01.07.2019).

7. Efendizade, R.M. (2012) *Arkhitektura Azerbaydzhana. Konets XIX – nachalo XXI veka* [Architecture of Azerbaijan. Late 19th – early 21st centuries]. Baku: Sherg-Gerb.

8. Sofiyev, X. (2014) [Methodological notes on multiculturalism]. *Multikulturalizm prosesləri qloballaşma şəraitində* [Processes of multiculturalism in the context of globalization]. Proceedings of the International Conference. Bakı: Təhsil. (In Azerbaijani).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Саламзаде, Э. А. Мультикультурализм – действенная модель культурной политики Азербайджана [Электронный ресурс] / Э. А. Саламзаде, Р. Г. Абдуллаева // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 62–68. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.005

Full bibliographic reference to the article:

Salamzade, E. A. & Abdullaeva, R. G. (2019) Multiculturalism as an Effective Model of Cultural Policy of Azerbaijan. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 62–68. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.005

ВЕРТИЕВЕЦ Оксана Анатольевна
старший преподаватель кафедры экономики и информационных технологий Краснодарского государственного института культуры
Краснодар, Российская Федерация
Oksana A. VERTIYEVETS
Senior Lecturer, Department of Economics
and Information Technologies, Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russian Federation
magda76@mail.ru

УДК [008+001.102]:316.772.5
ГРНТИ 13.01.29
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.006

Социально-информационное конструирование и информационная культура современного российского общества

Social Information Design and Information Culture of Modern Russian Society

Социальное конструирование в информационно-коммуникативной сфере является важнейшим элементом современного информационно-коммуникативного пространства. Лавинообразное увеличение объемов информации и коммуникативных взаимодействий сформировало информационно-коммуникативные потоки, захлестнувшие человека. Это расширило рамки используемых им социокультурных паттернов. Включенность в потоковые информационно-коммуникативные структуры значительно сократило возможности рефлексивного осмысления и переработки получаемой информации, внедрив в современные информационно-коммуникативные практики пассивно-созерцательные схемы восприятия. В статье раскрываются и анализируются модели социального конструирования в информационно-коммуникативном поле – стратегии и технологии мифологизации и симулякризации информации, направленной на управляющее ментальное воздействие в сфере индивидуального сознания отдельных людей, образующих целевые аудитории, и на общественное сознание выделенных сообществ со сходными идентификационными признаками целевых групп.

Ключевые слова: повседневность, протоколы социальных действий, алгоритмы социальных действий, предписанты, фреймы, социально-коммуникативное пространство, информационная культура.

Современный человек воспринимает окружающий мир не только и не столько на основании личного опыта, который в условиях профессиональной специализации и детализации алгоритмов профессиональной деятельности в условиях распространения массовых однотипных операций свелся к достаточно узкой по возможностям когнитивной составляющей в повседневности, ретранслируемой сквозь фильтры средств массовых коммуникаций — от телевизионных и радиопередач до социальных сетей. Проживая повседневность в ситуации всеобщего распространения протоколов и алгоритмов, современные потребители информации оказались включенными в социально-коммуникативное пространство, направленное на формирование общего консенсуса [1, с. 30]. Это социально-коммуникативное пространство основано на отборе фактов, их трансформации при интерпретации и формировании интегрирующей и консолидирующей целевую аудиторию системой предписанных суждений и оценок.

Ускорение темпоритмов протекания социальных процессов, лавинообразное увеличение потоков информации, многообразие каналов коммуникации, к которым «подключен» человек, привели к укоренению фреймов моментальной реакции на происходящие в окружающей среде события, превратив выбор социальных действий в мгновенную реакцию, основанную на практически подсознательном выборе той или иной модели действия, укорененной в индивидуальном и коллективном бессознательном.

Такая ситуация актуализировала значение общего для данного социума социально-коммуникативного пространства, снизив порог проверки репрезентативности и релевантности получаемой людьми информации, ускорив обмен информацией внутри социально-сетевых групп и став средством санкционирования предписываемых соответствующей моделью ситуации и ее распознаванием действий акторов социально-коммуникативных процессов. При этом чем большее коммуникативное подкрепление получает такая информация («общественный резонанс»), тем активнее действуют люди и социальные институты.

В условиях асимметрии распределения и интерпретации информации в обществе происходит гомогенизация смыслов, которые формируются под влиянием неполноты информационно-картинной картины происходящих событий на основе явления, называемого когнитивным диссонансом. Известное, обыденное, во многом превратившееся в рутину и утратившее свою привлекательность, активно вытесняется эмоционально окрашенными аллюзиями и метафорами, содержащимися в сообщениях, созданных в рамках процессов социального конструирования событий, подвергшихся мифологизации с целью их упрощения для восприятия массовой аудиторией и в соответствии с ее информационно-коммуникативными предпочтениями, выраженными в доступной форме, или «простыми словами».

В мифологизированной информации отношения в описываемых событиях отождествляются с унифицированными, символически означенными образами, задающими рамки санкционированных отношений и норм, представлений и их последствий. При этом событийные сценарии, которые имеют предписанные для целевой аудитории означивания, с одной стороны, характеризуются устойчивой, обусловленной инерционностью культуры структурой и определенным исторически сложившимися в данном обществе стереотипами вектором развития сюжетных линий, а с другой стороны, содержат фрагменты инновационности, призванные адаптировать эволюцию закрепленного в сознании мифологически релевантного к новым социально-культурным условиям и исторически проявившимся новым тенденциям социального развития, новым социально-культурным практикам, которые представлены в виде гиперреального Ж. Бодрийяра. Инновационное, не до конца оформленное и не полностью осмысленное, выступает в форме незавершенного проекта наступающего будущего, которое представляет собой некий «синтетический продукт, излучаемый комбинаторными моделями в безвоздушное гиперпространство» [5, с. 11].

Все приобретенное человеком посредством включенности в повседневные межлич-

ностные взаимодействия в современном информатизирующемся обществе вытесняется вербально-визуальным наблюдением за смоделированными «жизненными» ситуациями и проблемами, представляемыми коммуникативной реальностью. Под коммуникативной реальностью условимся понимать визуально иллюстрированное описание событий и жизненных коллизий в средствах массовой информации, порождающих медиареальность, и социальных сетях в интернет-пространстве, в которых распространены социально-ролевые повествования, основанные как на субъективно описанных и трансформированных в расчете на ознакомление с ними широкой аудитории реальных событиях, так и на сконструированных из элементов реальности и заимствованных из различных источников информации контамированных описаний событий, напоминающих реальность, обладающих большинством признаков реальных событий, но не являющихся реальными событиями [4, с. 653-655].

Симулякры призваны интегрировать социально-информационное поведение целевых аудиторий, выделив в индивидуальной информационной культуре представителей целевой аудитории гомогенные оценки в восприятии нацеленных на нее средств массовой коммуникации и вызвав явление резонанса, в процессе которого каждый актер социально-коммуникативного процесса, участвующий в получении, интерпретации и распространении нацеленной на него информации, участвует и в создании синергетического эффекта воздействия, многократно усиливая эмоциональную окраску сконструированного события. В результате создается социально-коммуникативное поле с высоким эмоциональным напряжением, которое продуцирует эмоциональное эхо в общественном мнении целевой группы — эмоциональный резонанс, основанный, с одной стороны, на усреднении общественного мнения, а с другой — на многократном усилении эмоционального воздействия и эмпатии к воспринятой в качестве нормативно приемлемой интерпретации социально-коммуникативного конструкта. При этом создаваемый в процессе когнитивной и рефлексивной переработки конкретным человеком информации,

которую несет социально-коммуникативный конструкт, индивид корректирует свои ментальные оценки с доминантными оценками предписантов — авторитетных публичных персон, экспертов в области деятельности, которую затрагивает симулякр.

В процессе отбора информации в информационных потоках в условиях априорного доверия к определенным источникам информации происходит процесс «навязывания повестки дня», то есть ранжирования информации по важности на основе конструктивистских планов ее создателей. В рамках этого процесса происходит структуризация когнитивной деятельности целевых аудиторий и корректировка их когнитивных возможностей. В результате информация, противоречащая навязываемой интерпретации, отвергается как ложная и несущественная и означенная таким образом исключается из социально-коммуникативного дискурса. Способность к самостоятельному определению репрезентативности и валидности информации является частью информационных компетенций человека и, шире, частью его информационной культуры.

Информационная культура в дискурсе культурологической парадигмы рассматривается как значимый системный элемент духовной культуры современного российского общества [3]. Современная информационная культура российского общества характеризуется мозаичностью и фрагментированностью уровня развития в различных регионах в силу асимметричности распределения человеческих, технологических и финансовых ресурсов. Поэтому в целях преодоления ощущения энклазивности и аутсайдерства в сфере формирования элементов информационного общества с распространением доступных мобильных коммуникативных устройств во многих социально-демографических группах, прежде всего среди молодежи, распространились виртуализация и симулякризация восприятия событий в окружающем мире, особенно в области медиакультуры и сетевых социально-коммуникативных практик [2].

Следовательно, современное восприятие реальности в информационно-коммуникативном поле людьми построено на адапти-

рующих к коллективному усредненному общественному мнению схемах, частично конструирующих и дополняющих картину окружающего мира с учетом личного опыта человека и условий его укорененности в сообществе, к которому он принадлежит. А это, в свою очередь, во многом предопределяет не только его отношение к окружающей внешней среде, но и мотивы и установки его социального поведения в настоящем и будущем, а также оценки им прошлого.

Отсутствие персонального опыта проживания различных социокультурных практик формирует в различных социально-демографических группах потребность в присоединении к доминирующему в данной возрастной группе описанию окружающей действительности в соответствии с эффектом присоединения Веблена, подкрепленную информационно-коммуникативными потоками, с мейнстримом которых идентифицирует себя данное сообщество.

Oksana A. VERTIYEVETS

Social Information Design and Information Culture of Modern Russian Society

Abstract. Modern people, immersed in intensive information and communication flows, do not perceive the surrounding world on the basis of personal experience, subordinated to the algorithmized authorized requirements of the normative value system of the society. They perceive it through these flows' determination by protocols and algorithms of everyday sociocultural practices and mental schemes – frames, focused on maintaining social consensus. The actualization of the mental algorithms and schemes, sanctioned in the community and integrated in the common information and communication field in the context of information redundancy, has led to the predominance of subconscious immediate reactions to what is happening in the environment of the event; thus, the choice of social actions becomes an instant reaction based on the choice of a particular model of social action, and this choice is actually “prescribed” by the collective unconscious. Under these conditions, the more communicative support in the form of repetitions, judgments of various experts and analysts such information receives (“public response”), the more active people and social institutions act in the given vector of social activity. The preservation and deepening of the asymmetry of distribution and interpretation of information in society results in the homogenization of meanings. The perception of the outside world based on personal experience is replaced by a visually illustrated description of events and life conflicts in the media that generate mediareality, including in social networks in the Internet space. Social role-playing narratives are common there. The result is a socio-communicative field with high emotional stress, which produces an emotional echo in the public opinion of the target group – emotional response based, on the one hand, on the averaging of public opinion and, on the other hand, on the multiple strengthening of emotional impact and empathy to the interpretation, perceived as normative and acceptable, of a social and communicative construct that is designed to integrate the target audience of the information and communicative impact. Therefore, people's modern perception of reality in the information and communication field is constructed on the schemes that adapt people to a collective average public opinion and partially design and supplement the image of the world around with the use of factoids taking into account people's personal experience and conditions of their rootedness in community to which they belong, according to the Veblen effect.

Keywords: everyday life, protocols of social actions, algorithms of social actions, prescribed, frames, social and communicative space, information culture.

Использованная литература:

1. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002.

References:

1. Bourdieu, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Translated from French. Moscow:

2. Воронкова О. А. Массовое сознание в новых информационных условиях: возможности манипуляции и ресурсы противодействия // Дискуссионные проблемы социальной психологии: коллективная монография / Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра. 2018. С. 47-60.

3. Забокритская Л. Д. Информационная культура современной молодежи: Угрозы и вызовы современного виртуального пространства // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. №4. С.114-123.

4. Сиразетдинова М. Ф. Симулякр как средство манипуляции сознанием [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. №2. С.653-655. URL: <https://moluch.ru/archive/82/14902/> (дата обращения: 18.06.19).

5. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*. New York: Basic books, 1976.

Pragmatika kul'tury.

2. Voronkova, O.A. (2018) *Massovoe soznanie v novykh informatsionnykh usloviyakh: vozmozhnosti manipulyatsii i resursy protivodeystviya* [Mass consciousness in new informational conditions: possibilities of manipulation and resources for counteraction]. In: Nagornova, A.Yu. (ed.) *Diskussionnye problemy sotsial'noy psikhologii* [Discussion problems of social psychology]. Ul'yanovsk: Zebra.

3. Zabokritskaya, L.D. (2017) Information culture of modern youth: Threats and challenges of modern virtual space. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 4. pp. 114–123. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.10

4. Sirazetdinova, M.F. (2015) Simulyakr kak sredstvo manipulyatsii soznaniem [Simulacrum as a means of manipulating consciousness]. *Molodoy uchenyy*. 2. pp. 653–655. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/82/14902/>. (Accessed: 18.06.2019).

5. Bell, D. (1976) *The Coming of Post-Industrial Society*. New York: Basic books.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Вертивец, О. А. Социально-информационное конструирование и информационная культура современного российского общества [Электронный ресурс] / О. А. Вертивец // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 69-73. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.006

Full bibliographic reference to the article:

Vertievets, O. A. (2019) Social Information Design and Information Culture of Modern Russian Society. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 69-73. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.006

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

ИППОЛИТОВ Сергей Сергеевич

кандидат исторических наук, проректор по развитию,
декан факультета государственной культурной политики
Московского государственного института культуры;
ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела
Российского научно-исследовательского института природного
и культурного наследия имени Д. С. Лихачева,
Москва, Российская Федерация

Sergey S. IPPOLITOV

Cand. Sci. (National History), Vice-Rector for Development, Dean,
Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture;
Leading Researcher, Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation

nivestnik@yandex.ru

УДК [94(470)''1917/1923'':930]:36
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.007

Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны (1917-1921 гг.): проблемы изучения

Russian Humanitarian Activity During the Civil War (1917-21): Problems of Studying

Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, является крайне малоизученной областью отечественной исторической науки. Заполнению этой лакуны и посвящена настоящая статья. В отечественной историографии до сих пор отсутствует специальный труд на указанную тему. Отдельные исследователи, обращавшие на неё внимание в своих публикациях, часто делали это фрагментарно, попутно с решением других научных задач. Наиболее исследованной она оказалась в изысканиях уральских и сибирских учёных, занимавшихся научной работой в региональных архивах, в которых сохранился значительный массив необходимых источников. Другой источниковой базой для изучения российской гуманитарной деятельности стал Государственный архив Российской Федерации, располагающий корпусом документов из состава

«Пражского архива» — документальной коллекции Русского заграничного исторического архива в Праге, переданного нашей стране в 1945 г. Внимательное рассмотрение вопроса показало, что в условиях деградации государственных и муниципальных институтов, развала политической жизни, острого гражданского конфликта, экономического кризиса, охватившего всю территорию бывшей Российской Империи, дефицита предметов первой необходимости и продуктов питания российская гуманитарная деятельность не только не была свернута, но и пережила на коротком отрезке времени расцвет, поэтому формирование историографической основы дальнейших исследований является для нас сегодня актуальной задачей.

Ключевые слова: Российская гуманитарная деятельность, Гражданская война, благотворительность, Российское общество Красного Креста, Американская администрация помощи, Сибирь, Белое движение, историография Гражданской войны.

Исследования, ставившие перед собой задачу изучения и обобщения массива научных публикаций по проблемам, в той или иной степени имеющим отношение к российской гуманитарной деятельности, представляют собой явление довольно редкое. Под гуманитарной деятельностью понимается безвозмездная помощь нуждающимся группам людей, находящимся в состоянии гуманитарного кризиса вследствие военных действий, природных катаклизмов или гражданского противостояния. Она направлена на обеспечение условий их физического выживания, беспрепятственного доступа к жилью, питанию, медицинской помощи, образованию и культуре.

Минувшее столетие оставило в отечественной историографии Гражданской войны противоречивый след. Идеологические шаблоны тех лет вынуждали авторов следовать заранее заданным стереотипам в изучении острых и болезненных страниц истории. Попечение о наиболее уязвимых членах общества, сохранение культурного наследия, образование и иные проявления понятия «гуманитарная деятельность» на территориях белых режимов находились вне поля зрения советской историографии Гражданской войны.

Смена парадигмы произошла в начале 1990-х гг. Это в значительной степени было обусловлено не только исчезновением государственного идеологического диктата над процессом исторического познания, но и раскочерчиванием огромного массива архивных источников, особенно хранящихся в Государ-

ственном архиве Российской Федерации в составе так называемого «Пражского архива».

Между тем говорить о полном отсутствии в советский и ранний постсоветский историографический период работ, затрагивающих гуманитарные аспекты Гражданской войны, было бы неправильно. Так, А. Е. Кидяров изучил историографию повседневности Костромской и Ярославской губерний этого периода [5] и выяснил, что первые исследования на эту тему появились в нашей стране в 1920-х гг. Автор отмечает монографию А. Конокотина [8], вышедшую в свет в 1927 г. и посвященную гуманитарным проблемам костромских деревень.

Малоизученной странице российской гуманитарной деятельности посвящена статья В. И. Косых [9]. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война стали причиной массового исхода из центральной России церковнослужителей (вынужденных бежать целыми семьями) и монахов. В. И. Косых на основе коллекции Государственного архива Читинской области исследовал помощь, которую оказывало забайкальское духовенство прибывающим беженцам. Так, в сентябре 1919 г. на собрании представителей учебных духовных учреждений был создан Забайкальский епархиальный комитет по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства [9, с. 86]. В задачи созданной гуманитарной организации входило обеспечение их работой, питанием, жильем, устройство в действующие монастыри.

Довольно редким исследованием, посвященным гуманитарной деятельности периода Гражданской войны, стала статья Н. М. Дмитриенко и Э. И. Черняк [4]. На материалах Государственного архива Томской области и ГА РФ авторы изучали благотворительную деятельность в Томске, когда город и его окрестности находились под властью Временного сибирского правительства. В условиях деградации государственных и муниципальных институтов, развала политической жизни и острого гражданского конфликта задачу поддержания общественной жизни, сохранения культуры и образования в значительной степени взяло на себя гражданское общество. В городе поддерживалась работа богаделен и сиротских приютов, организовывались благотворительные спектакли, был осуществлен целый ряд гуманитарных проектов, возникновение которых в реалиях гражданской войны казалось абсолютно невозможным.

Типичным образцом поверхностного и предвзятого отношения западной историографии к событиям, происходившим в нашей стране, стала монография Франсуа Бюньона, директора Управления международного права и информации Международного Комитета Красного Креста. Уже само название его книги, вышедшей в свет в 1998 г. — «Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917-1991)» [1], — заставляет усомниться в компетентности автора как историка. Определение временных границ существования СССР, берущего начало, по мнению французского исследователя, в 1917 г., позволяет относиться со значительной долей скепсиса и к содержательной части его труда.

Тематические разделы исследования посвящены изучению взаимоотношений МККК с советской властью, репатриации русских военнопленных после Первой мировой войны. Уже на первых страницах книги автор задается сомнительным с моральной точки зрения вопросом. Он пишет, что МККК было трудно сразу определить линию поведения по отношению к советскому режиму. Следовало ли отказаться от любых контактов с новой властью? Или нужно было установить с ней отношения, чтобы иметь возможность оказать помощь военнопленным и жертвам столкно-

ваний Гражданской войны? У МККК, по мнению автора, «были веские основания для колебаний» [1, с. 5]. Автора ничуть не смущает тот факт, что в период «колебаний», которые испытывал МККК, на территории бывшей Российской империи гибли от военных действий, голода, болезней сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

Монография Франсуа Бюньона не содержит ни единой ссылки на документы, хранящиеся в российских государственных архивах и к моменту ее написания уже рассекреченные (например, фонд Временного главного управления РОКК в Омске [2], находящийся в Государственном архиве Российской Федерации). Автор лишь вскользь отмечает, что «как и вся империя, Красный Крест развалился на куски», но не предпринимает попыток установить, что же стало в итоге с этими «кусками» [1, с. 14].

Значительное место в исследовании Бюньона отведено фигуре швейцарского гражданина Эдуарда Фрика, жившего в России с 1914 г. и «на добровольных началах» сотрудничавшего с Российским обществом Красного Креста. Этому достаточно случайному человеку в 1918 г. было доверено представление интересов МККК в России. По признанию Ф. Бюньона, деятельность Э. Фрика на этом посту нельзя было назвать успешной. Автор исследования повествует о многочисленных неудачных попытках Фрика выполнить поручения МККК в Москве, но это не мешает ему сделать парадоксальный вывод о том, что именно Э. Фрику принадлежит почетная роль человека, чьи усилия привели к появлению на свет Декрета Совнаркома «О признании всех международных конвенций о Красном Кресте» [3, с. 112].

Однако подобные публикации по исследуемой проблеме не определяют общее историографическое полотно российской гуманитарной деятельности. Примером скрупулёзного подхода к исторической науке служат, например, статьи доктора исторических наук А. С. Ковалева [6]. На материалах государственных архивов Алтайского края и Новосибирской области автор изучает гуманитарную деятельность антибольшевистских режимов в Сибири и на Дальнем Востоке по призыву

инвалидов и престарелых. Распад системы государственного управления в сфере социальной политики имел для населения катастрофические последствия. Автор сравнивает продовольственный паек обитателей домов престарелых в Советской России и в Белой Сибири, делая вывод о том, что антибольшевистские власти заботились о призреваемых значительно лучше их политических оппонентов [7].

Статья сибирского историка В. А. Шаламова [13] из Иркутского государственного университета построена на материалах Государственного архива Иркутской области. Исследователь анализирует малоизвестные факты о деятельности Мариинской общины сестер милосердия Красного Креста, созданной в Иркутске в 1868 г. В период Гражданской войны на долю сестер милосердия выпала миссия по организации ухода за больными и ранеными воинами в условиях глубокого экономического и гуманитарного кризиса, охватившего всю территорию Белой Сибири. Автору удалось обнаружить свидетельства того, что сестры милосердия не всегда строго следовали гуманитарным принципам Российского общества Красного Креста, требовавшего неукоснительного соблюдения нейтралитета в ходе военных действий.

Заметное место в массиве отечественной историографии российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны занимает статья Э. И. Черняк и Н. М. Дмитриенко [12]. Авторы осуществили почти невозможное — провели анализ ситуации с сохранением культурных памятников в Томске и окрестностях в условиях частой смены власти. Он показал, что сохранение национального культурного достояния в те годы было не столько функцией государства, сколько инициативой неравнодушных граждан, вкладывавших в это свои средства, время и силы. Причём, поочередно приходя к власти, и красные, и белые предпринимали действия по сохранению культурного наследия. Сам факт этих последовательных действий представителей власти, находившихся в остром противостоянии друг другу, свидетельствует о глубоко укоренённой гуманитарной традиции, которой следовали образованные представители враждую-

щих гражданских лагерей. Так, с конца 1917 по май-июнь 1918 г. (с установлением советской власти) начался процесс формирования государственных органов по сохранению культурного наследия. Авторы использовали солидную источниковую базу Государственного архива Томской области и комплекс источников местной прессы.

Тезис о том, что иностранная гуманитарная деятельность в период Гражданской войны в России имела, помимо заявленных, ещё и иные цели, находит подтверждение в исследованиях молодого историка А. А. Русина [10; 11]. Автор поставил перед собой нетривиальную задачу — на основе анализа англоязычной прессы 1920-х гг. исследовать мотивы американской помощи Советской России через призму средств массовой информации. А. А. Русин использовал в своем исследовании периодические издания широкого политического спектра. Так, в редакционной статье «New-York Tribune» заявлялось, что «... на данный момент только один или два процента русского народа поддерживают большевиков. Быть может, русские народные массы, если их жизнь станет менее тяжелой, смогут набраться сил для того, чтобы сбросить угнетающую их тиранию» [10, с. 71]. Эту точку зрения разделяла «The Washington Herald», совмещая в одной фразе понятия «благотворительность» и «победа над большевизмом». «Evening Star» предлагала вместе с едой передавать голодным россиянам «полезные идеи», а газеты социалистической и коммунистической направленности не скрывали, что гуманитарная помощь России носила, главным образом, пропагандистский и антисоветский характер. В итоге автор пришел к обоснованному выводу: общим для американской прессы было убеждение, что помощь Соединенных Штатов ставила перед собой одну единственную цель — нанесение урона большевистским властям.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на значительное количество профессиональных трудов по истории российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны, проблема остается малоизученной; в отечественной историографии отсутствуют монографические исследования этого важней-

шего явления общественной жизни; имеющиеся труды носят в основном фрагментарный характер. Исходя из всего вышеперечислен-

ного, заключим, что существует объективная необходимость дальнейших историографических исследований.

Sergey S. IPPOLITOV

Russian Humanitarian Activity During the Civil War (1917–21): Problems of Studying

Abstract. Russian humanitarian activity during the Civil War in the territories controlled by the anti-Bolshevik regimes is an extremely poorly studied area of Russian historical science. The article is devoted to the study of historiography of this problem and aims to outline the main directions in which scientific thought has been moving in the study of this little-known area. At the same time, publications containing significant factual distortions of the events that took place in Russia appeared in foreign historiography, either “not noticing” the processes of self-organization of Russian civil society in the humanitarian field, or reducing all Russian humanitarian activities during the Civil War to the policy of Western powers. As for the national historiography, there is still no special work on this topic. Individual researchers who drew attention to the problem of humanitarian activities in their publications often did so in fragments, along with solving other scientific problems. The most studied area of public life during the Civil War was described by the Ural and Siberian scholars who did research in local regional archives which preserved a significant array of sources on this problem. Russian scholars working in regional archives managed to recreate the dramatic history of the civil society’s participation in the rescue and preservation of the tangible and intangible cultural heritage, which was exposed to the risk of an irreparable loss in the conditions of civil confrontation. Another source base for the study of Russian humanitarian activities is the State Archive of the Russian Federation, which stores a body of documents from the Prague Archive, a documentary collection of Russian foreign historical archive in Prague, transferred to our country in 1945. In the conditions of the degradation of state and municipal institutions, the collapse of the political life and the acute civil conflict, the tasks of maintaining public life, providing assistance to the needy, preserving culture and education were largely assumed by civil society. In the context of the economic crisis that engulfed the entire territory of the former Russian Empire, the shortage of the most necessary funds, basic necessities and food, the Russian humanitarian activity was not curtailed, but flourished for a short period of time. Therefore, the formation of the historiographic basis for further research is an urgent task: at the moment, there is no generalizing research work that systematizes the literature on these issues in the domestic historiography.

Keywords: Russian humanitarian activity, Civil War, charity, Russian Society of the Red Cross, American Relief Administration, Siberia, White Movement, historiography of Civil War.

Использованная литература:

1. Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и Советский Союз, (1917-1991). М.: Междунар. Ком. Красного Креста, 1998.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1845. Оп. 1.
3. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1959. С. 112.
4. Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И. Благотворительность в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917-1919) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 222-228.

References:

1. Bugnion, F. (1998) *Mezhdunarodnyy komitet Krasnogo Kresta i Sovetskiy Soyuz, (1917–1991)* [International Committee of the Red Cross and the Soviet Union, (1917–91)]. Moscow: Mezhdunar. Kom. Krasnogo Kresta.
2. State Archive of the Russian Federation. Fund 1845. List 1. (In Russian).
3. Soviet Union. (1959) *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Vol. II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. Moscow: Gos. izdat-vo politicheskoy literatury.
4. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2018) Charity in Tomsk during the Revolution and Civil war (1917–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University*

5. Кидяров А. Е. Повседневная жизнь Костромской и Ярославской губерний в годы Гражданской войны в историографии // Вестник Котромск. гос. ун-та. 2014. №6. С. 97–100.
6. Ковалев А. С. Социальная помощь нетрудоспособному населению в антибольшевистской Сибири в 1918-1919 гг. // Манускрипт. 2018. №11. Ч. 2 (97). С. 208. С. 205–210.
7. Ковалев А. С. Социальное обеспечение нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в Сибири в 1920-1930-х гг. // Пространство и Время. 2013. №4 (14). С. 127–135.
8. Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. - Кострома.: Истпартод. Костром. губкома ВКП(б), 1927
9. Косых, В. И. Деятельность Забайкальского епархиального Комитета по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства в 1919-1920 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. №1. С. 85–91.
10. Русинов А. А. «Еда как оружие»: предположения и суждения американской прессы о политических целях американской администрации помощи в советской России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. №6-1. С. 69–74.
11. Русинов А. А. Конкуренция между американскими благотворительными организациями в контексте международной помощи голодающим в Советской России (1921-1923 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №5. С. 34–40.
12. Черняк Э. И., Дмитриенко, Н.М. Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске в 1917-1920 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 422. С. 181–190.
13. Шаламов В. А. Иркутская Мариинская община сестер милосердия в революционные годы и Гражданскую войну (1917–1920 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. С. 70–75.
- Journal of Cultural Studies and Art History*. 30. pp. 222–228. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/30/25
5. Kidyarov, A.E. (2014) *Povsednevnyaya zhizn' Kostromskoy i Yaroslavskoy guberniy v gody Grazhdanskoj vojny v istoriografii* [Everyday life of Kostroma and Yaroslavl Provinces during the Civil War in historiography]. *Vestnik Kotromsk. gos. un-ta – Vestnik of Kostroma State University*. 6. pp. 97–100.
6. Kovalev, A.S. (2018) Social assistance for dependent population in anti-Bolshevist Siberia in 1918–1919. *Manuskript – Manuscript*. 11. vol. 2 (97). pp. 205–210. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2018-11-2.7
7. Kovalev, A.S. (2013) Social welfare of disabled citizens in homes for the disabled in Siberia in 1920–1930s. *Prostranstvo i Vremya – Space and Time*. 4 (14). pp. 127–135. (In Russian).
8. Konokotin, A. (1927) *Ocherki po istorii grazhdanskoj bor'by v Kostromskoy gubernii* [Essays on the history of civil struggle in Kostroma Province]. Kostroma: Ispartotd. Kostrom. gubkoma VKP(b).
9. Kosykh, V.I. (2009) Zabaikalye diocesan council activity in assisting to the clergy fugitives in 1919–1920. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 1. pp. 85–91. (In Russian).
10. Rusinov, A.A. (2015) “Food as a weapon”: Assumptions and opinions of the American press on the political purposes of the American relief administration in Soviet Russia. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 6-1. pp. 69–74. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-69-74
11. Rusinov, A.A. (2015) Competition between American relief organizations in the context of fighting against Russian famine of 1921. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 5. pp. 34–40. (In Russian).
12. Chernyak, E.I. & Dmitrienko, N.M. (2017) From the history of the conservation of cultural heritage objects in Tomsk in 1917–1920s. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 181–190. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/422/26
13. Shalamov, V.A. (2017) Irkutsk Saint Mary Community of Sisters of Mercy during the Revolution and Civil War in Russia (1917–1920). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – Bulletin of Irkutsk State University”. Series “Political Science and Religion Studies”*. pp. 70–75. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ипполитов, С. С. Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны (1917–1921 гг.): проблемы изучения [Электронный ресурс] / С. С. Ипполитов // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 74–79. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.007

Full bibliographic reference to the article:

Ippolitov, S. S. (2019) Russian Humanitarian Activity During the Civil War (1917–21): Problems of Studying. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 74–79. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.007

ТАЖИДИНОВА Ирина Геннадьевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии
Кубанского государственного университета
Краснодар, Российская Федерация
Irina G. TAZHIDINOVA
Cand. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of Sociology,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation
tajidinova@yandex.ru

УДК 94(470)“1941/1945”+[070:355.012](470.620)
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.008

**Медиатизация темы
преступлений немецко-
фашистских захватчиков
и их пособников (на примере
Краснодарского процесса 1943 г.)¹**

**Mediatization of the Theme of Crimes
of the German-Fascist Invaders
and Their Accomplices
(On the Example
of the Krasnodar Trial in 1943)**

Статья посвящена процессам медиатизации, сопровождавшим первый открытый суд над пособниками немецко-фашистских захватчиков, состоявшийся в городе Краснодаре 14–17 июля 1943 г. и имевший огромный общественный резонанс. С него начался «Советский Нюрнберг» – ряд открытых судебных процессов, касающихся преступлений, совершенных гитлеровцами и их пособниками в СССР в период Великой Отечественной войны. Тем не менее до настоящего времени роль Краснодарского процесса 1943 г. не оценена в достаточной степени, что связано с проблемами источниковой базы (недоверие к официальным источникам, отсутствие неофициальных источников), влиянием идеологического фактора (мифологизация событий войны), исследовательскими предпочтениями в пользу тех трибуналов, в ходе которых были осуждены непосредственно немецко-фашистские захватчики. Данное исследование реконструирует подготовку Краснодарского трибунала и, прежде всего, ту работу, которую проделали в этом направлении советские печатные СМИ. Используя метод контент-анализа публикаций в советской печатной периодике (региональная газета «Большевик»; центральная газета «Известия») в первой половине 1943 г., мы раскрываем роль советских печатных СМИ в подготовке оснований для судебного преследования немецко-фашистских захватчиков и их пособников за преступления, совершенные в период Великой Отечественной войны. Эта роль заключалась в утверждении пропагандистских установок «политики возмездия», нагнетании ненависти

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943-1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации» № 16-21-08001a(м).

к врагу на эмоциональном уровне. Объективным основанием для такого ракурса выступала статистика и детализация зверств гитлеровцев на освобождаемых от оккупации территориях страны. Относительно презентации Краснодарского процесса в июле 1943 г. в советских СМИ можно заключить, что ее отличали масштабность, цельность и полное соответствие идеологическим стандартам. Центральным звеном этой презентации стала хроника судебных заседаний 14–17 июля. Вплоть до настоящего времени хроника остается основным источником сведений о ходе и особенностях первого открытого суда над военными преступниками. Эти материалы вызвали широкий общественный резонанс не только в СССР, но и в мире. При анализе характерных особенностей презентации Краснодарского трибунала мы уделили основное внимание авторским статьям видных советских журналистов. Суд в Краснодаре освещали мэтры советской журналистики Е. Кононенко и М. Мержанов. В своих очерках они специально сосредоточили внимание на пособниках врага, оказавшихся на скамье подсудимых. Журналисты настойчиво утверждали, что в скором времени суд ожидает главных преступников, то есть самих гитлеровцев. В целом можно заключить, что масштабное и последовательное освещение темы военных преступлений на территории СССР и наступающего возмездия за них в советских печатных СМИ позволяло эффективно решать актуальные внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., медиаполитика, советские газеты, журналисты, Краснодарский судебный процесс 1943 г., немецко-фашистские захватчики, коллаборационисты, преступления.

«В Краснодаре повесили 6 предателей, пособников гестапо, — раньше не вешали...» — сообщает запись из частного дневника жителя г. Сочи А. З. Дьякова [9, с. 66]. Она датирована 19 июля 1943 г., занесена в дневник сразу после прочтения свежей прессы. И хотя указанное в ней число казненных неверно, важную для советского человека новость, состоящую в том, что долгожданная месть врагу обретает реальные очертания, она фиксирует точно. Эта месть публична, вершится в правовом поле (к чему советские граждане в известном смысле привыкли ещё в 1930-х гг.), и информация о ней общедоступна (несколько дней подряд советские СМИ буквально «дышат» ею).

Что касается удивления сочинца, то оно объяснимо. Посыл власти, транслировавшийся населению и состоявший в том, чтобы «здесь и сейчас» назвать и показательно наказать виновных (причем из числа сограждан), предстояло еще усвоить. По сути, мирному населению СССР предлагалось отойти от тысячи раз в разных формах утвержденного концепта мести, которую несет и будет нести ненавистному врагу действующая Красная ар-

мия, и подключиться к новому концепту, где простым гражданам в условиях еще незавершенной войны отводилась отнюдь не созерцательная роль. В любом случае «отмашка» была дана, и рядовые советские люди, не всегда отдававшие себе отчет в векторе Краснодарского процесса 1943 г. (и тех, что последовали за ним), выступили зрителями, свидетелями, а по большому счету — вершителями Советского Нюрнберга. Без их непосредственного участия он был бы невозможен. Внимание исследователей к Краснодарскому процессу 1943 г. как к первому в СССР открытому трибуналу по делу о зверствах оккупантов и их пособников, нельзя назвать повышенным. Причина этого в недостатке и однообразии источников, а зачастую и в недоверии к ним [17, с. 50]. В свое время сдерживающее воздействие на советских историков оказывал идеологический фактор — невозможность обсуждать проблемы коллаборационизма всвешенно и гласно. Но и в последние десятилетия изыскания такого рода осложнены — временной дистанцией и известной мифологизацией событий периода Великой Отечественной войны, прочно вошедшей как в обществен-

ное сознание россиян, так и в академическую историографию.

Кроме того, открытые суды над нацистами и их пособниками, прошедшие на территории СССР, оказались в тени Нюрнбергского трибунала [1, с. 98]. Концентрируясь в первую очередь на нем, даже видные специалисты склонны недооценивать роль импульса, который исходил от Краснодарского процесса 1943 г. Так, автор монографии «Подготовка Нюрнбергского процесса» Н. С. Лебедева упоминает Краснодарский (14-17 июля) и Харьковский (15-18 декабря) процессы 1943 г. рядом, однако первый — вскользь, только как факт. Судебный процесс в Харькове притягивает внимание Лебедевой как «первый юридический прецедент наказания нацистских военных преступников» (на скамье подсудимых их было трое) и как «реализация деклараций союзников о наказании военных преступников». Трудно не согласиться с автором, что данный процесс «оказал своего рода давление на правительства союзников, делая невозможным отказ от проведения подобных процессов» [15, с. 30-31], однако, если отвлечься от рассмотрения преимущественно юридической стороны дела, то нельзя не отметить моральное и эмоциональное «давление» открытого суда в Краснодаре на международное сообщество. Знаковая «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые злодеяния» за подписями Рузвельта, Сталина и Черчилля была опубликована 2 ноября 1943 г. [11, с. 2], то есть за полтора месяца до суда в Харькове. Нет сомнений, что представление о конкретике зверств нацистов на советской земле сложилось к тому моменту во многом благодаря резонансному Краснодарскому процессу.

Для западных ученых советские суды над военными преступниками редко становятся предметом научного анализа, поскольку исследователи не испытывают доверия к официальным источникам, а шансы найти неофициальные рассматривают как близкие к нулю. Осознавая эти сложности, И. Буртман, тем не менее, настаивает на необходимости углубления в данную тему, поскольку анализ того, каким образом осуществлялись судебные процедуры по делам военных преступников в СССР, может не только внести ясность в ряд

«историй» (например, Второй мировой войны, Холокоста), но также пролить свет на саму советскую систему. Исследуя Краснодарский процесс 1943 г. как историческое событие, Буртман реконструирует роли его основных действующих лиц, оценивает его социальные последствия и, главное, стремится выяснить, какой была политическая и идеологическая мотивация власти к проведению подобных процессов (опираясь при этом и на материалы советских СМИ) [20]. Похожие задачи, но уже по поводу другого суда (Краснодарского процесса 1963 г.) и на основе других источников (советской кинодокументалистики), решает В. Вуазен. В своем труде исследователь проводит серьезный сравнительный анализ процессов медиатизации, сопровождавших разделенные двумя десятилетиями суды над военными преступниками в Краснодаре. [22].

Внастоящее время очевидно, что эти процессы, наряду с юридической стороной вопроса, требуют внимательнейшего изучения, поскольку позволяют прояснить многие аспекты медиаполитики советского правительства. Что же касается периодики — мощного средства государственной пропаганды, — то она привлекает внимание прежде всего тем, что всегда содержит дискурс первостепенного — того, что властям в данный конкретный момент представляется наиболее важным. Выявив такого рода «акценты», — важнейшие темы, так или иначе связанные с проблематикой зверств оккупантов и их сообщников на территории Советского Союза, — мы обретаем возможность уточнить факторы, которые сделали неизбежным проведение первого советского суда над военными преступниками уже летом 1943 года.

На самом деле, если бы современники суда и казни в Краснодаре в июле 1943 г. решились отследить некоторые тенденции срединного года войны в динамике по публикациям в советских газетах, они бы, наверняка, убедились в том, что траектория событий, действий и противодействий, которая привела к первому в истории процессу над пособниками немецко-фашистских захватчиков, вряд ли могла быть иной, и уж точно не была случайной. Нами уже публиковались результаты мониторинга ситуации 1943 г., кульминацией

которой стал открытый суд в Краснодаре [19]. Тогда в центре нашего внимания оказалось выявление медийных технологий «подачи» проблематики злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников широкой аудитории, которой потенциально являлось все население страны (и не только оно, но и узнавшая о процессе мировая общественность). В настоящей статье мы сосредоточимся непосредственно на презентации Краснодарского трибунала в советской печатной периодике.

Блжайший к началу процесса всплеск публикаций о зверствах немецко-фашистских захватчиков пришелся на первую половину мая. Если обратиться к ведущей кубанской региональной газете «Большевик» (печатному органу Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б)), то в ней вышло 9 публикаций, причем большинство из них были размещены в номере за 12 мая 1943 г., отметившем третий месяц со дня освобождения Краснодара. Эта дата заставила вновь вспомнить «рвы и ямы, заполненные изуродованными трупами стариков, женщин и детей <...> следы, которые тянутся по Кубани на Запад, куда уходят под ударами Красной Армии немецкие банды» [2, с. 1]. Именно здесь прозвучали слова, впоследствии ставшие лейтмотивом презентации советскими средствами массовой информации Краснодарского процесса 14-17 июля 1943 г.: «„Месть, беспощадная месть фашистским разбойникам!“ — таков приговор советского народа». О многом говорит уже само употребление в лозунговой части передовицы чисто юридического термина, означающего «важнейший процессуальный акт правосудия», хотя и ясно, что читатели, привыкшие воспринимать лозунги «в общем и целом», вряд ли его выделили.

Однократно далее, вплоть до конца июня 1943 г. в «Большевике» не найти материалов, которые бы настраивали кубанцев на то, что через считанные недели им предстоит участвовать в судебном разбирательстве. Такой своеобразный «режим тишины» (по крайней мере, в советской прессе) тем более удивляет, что именно в это время местные органы НКВД и прокуратуры были буквально завалены работой, связанной с расследованием дел тех жителей Кубани, которым вменялось в вину

сотрудничество с оккупантами (старост, полицейских, бургомистров и др.). С февраля по июнь 1943 г. было арестовано 14 965 человек, дела примерно по каждому пятому случаю попали в Военные Трибуналы, которые (по состоянию на 1 июня) приговорили к высшей мере наказания 763 человека, к различным срокам — 2994 [16, с. 298].

Только в конце июня, то есть буквально за две недели до процесса, на страницах «Большевика» начали появляться «предвестники» судебного разбирательства. Самый общий намек на то, что «немецких злодеев будут судить» содержала передовица номера от 26 июня, являвшаяся перепечаткой из газеты «Правда» [3, с. 1]. Через несколько номеров фокус внимания на правовой аспект закрепил пространственный материал о работе Краснодарской краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, из которого можно было узнать о ее составе, функциях, порядке подачи актов о грабежах и злодеяниях [4, с. 2].

Что касается непосредственно июля 1943 г., — месяца, когда в Краснодаре проходил первый в СССР открытый трибунал над военными преступниками, — то все усилия журналистов были направлены конкретно на освещение процесса. Его хроника масштабно прошла через четыре номера газеты (от 16, 17, 18 и 20 июля), будучи дополненной сопутствующими материалами (передовица и авторские статьи командированных из Москвы корреспондентов). Собственно, обратный отсчет времени, оставшегося до суда, начался еще 13 июля 1943 г., когда на первой странице № 145 «Большевика» появилось «Сообщение ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Краснодаре и Краснодарском крае». Данный документ суммировал основную информацию о зверствах оккупантов в крае, назвал имена непосредственных исполнителей преступлений (13 — из числа гитлеровцев, 5 — из числа советских людей, изменивших Родине). «ЧГК все поступившие к ней материалы о чудовищных зверствах немецко-фашистских захватчиков в Краснодаре и Краснодарском крае направила прокурору Союза СССР для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности», —

гласило заключение [5, с. 1]. И хотя в «Сообщении» было напечатано всего пять фамилий коллаборационистов, причем две из них — с ошибками, на скамье подсудимых через сутки окажется одиннадцать человек...

Исторические материалы Краснодарского процесса, проходившего с 14 по 17 июля, попали на страницы не только местных изданий, но и всех советских печатных СМИ. Стенограмма судебных заседаний, являвшаяся центральным звеном этих публикаций, вплоть до настоящего времени остается основным источником сведений о ходе и особенностях первого открытого советского суда над военными преступниками. Отсюда — и повышенное внимание к ней исследователей. Мы можем присоединиться к некоторым сделанным ими заключениям, в частности, к выводам И. Буртмана о распределении ролей на процессе, о слабой доказательной базе причастности большинства подсудимых к конкретным злодеяниям оккупантов [20, с. 250-252, 254-255]. С другой стороны, далеко не все особенности данного источника изучены. Поскольку текст обильно снабжен комментариями, задающими эмоциональное восприятие, диктующими однозначные выводы, у читателя остается слишком мало шансов на собственное мнение и отношение. Особенно это касается допроса обвиняемых прокурором Ячениным. Так, в комментариях к ответам подсудимого Тищенко мы читаем, что он «всячески пытается умалить свою роль», но «каждое слово изобличает его», а о душегубках он рассказывает «подробно, с явным знанием дела». Подсудимый Мисан, согласно комментариям, «производит отвратительное впечатление»; он говорит «невнятной скороговоркой», «пытается увертываться». Этими комментариями зачастую подменяются настоящие ответы на вопросы, которые давали обвиняемые, и, таким образом, читатель может ознакомиться с материалами процесса лишь выборочно. Сомнения в объективности комментариев возникают, например, когда подсудимый Ластовина якобы отвечает, что «с радостью согласился сопровождать грузовики с обреченными людьми [к месту казни]» [18, с. 12-15].

Примитивность пропагандистских приемов бросается в глаза современному историку,

но маловероятно, что она смущала большинство советских граждан в 1943 г. В любом случае материалы процесса потрясли не только Советский Союз, но и весь мир. Об этом, а также о том, что восприятие процесса не было лишено противоречий, пишет Александр Верт: «Это был первый открытый судебный процесс в СССР, на котором всему миру были показаны с массой подробностей зверства гестапо — а в то время о них еще почти ничего не было известно. По сравнению с дальнейшими открытиями, например, Майданеком и Освенцимом, разоблачения, сделанные на процессе в Краснодаре, представляются малозначительными, но они были первым конкретным примером зверств немцев и произвели глубокое впечатление как на военных, так и на население. Процесс подробно освещался в печати несколько дней в начале наступления Красной Армии на Орел. Как средство „воспитания ненависти“ процесс был первоклассным мероприятием, однако все эти подробности — о том, как плачущих детей запихивали в душегубки, — были настолько ужасны, что не только пресса за рубежом давала материал о краснодарском процессе приглушенно, но даже в самом СССР некоторые скептики думали про себя, не было ли все это немного преувеличено в пропагандистских целях; они же не знали, что краснодарское дело, связанное „всего“ с 7 тысячами жертв, — лишь незначительный эпизод в деяниях гестапо и СД по всей Европе» [8, с. 532].

Мы уже обращали внимание на то, что фотопрезентация советскими печатными СМИ Краснодарского процесса была сосредоточена на жертвах [21], а теперь остановимся на авторских статьях, которые, напротив, сфокусированы на «палачах». По нашему мнению, такая «конфигурация» как минимум выполнила функцию взаимодополнения, обрамляя центральное звено — представление самих материалов судебного процесса. Впечатляет завершенность получившейся в итоге «картины» исторического события первого в СССР открытого суда над военными преступниками, а что касается ее монохромности, то разве краски могли быть иными?

К освещению первого судебного процесса над пособниками врага были привлечены

журналисты-профессионалы, и наиболее интересной фигурой здесь представляется Елена Кононенко, специальный корреспондент газеты «Правда». О Кононенко известно, что она начала работу в советской печати в первые послереволюционные годы и впоследствии состоялась как известная советская журналистка и автор рассказов для детей, была членом Союза писателей СССР, за успешную работу награждена орденом Ленина и орденом Великой Отечественной войны 1-й степени [14, с. 3]. Ко времени командировки в Краснодар в июле 1943 г. Кононенко создала себе имя разноплановыми публикациями в центральной прессе, сфокусированными на человеке в экстремальных условиях войны. В контексте рассматриваемой темы особого внимания заслуживает ее очерк «Бессмертие» (1942 г.), написанный по следам командировки в г. Волоколамск. По странному стечению обстоятельств его содержание окажется связано с событиями, свидетелем и фиксатором которых Кононенко станет в июле 1943 г. в Краснодаре.

Можно предположить, что журналистка Кононенко была выбрана для освещения Краснодарского процесса не случайно (разумеется, случайностям в советской журналистике такого уровня места не было) и не напрасно. Редкая способность к сопереживанию к тому моменту уже нашла подтверждение в ее статьях и очерках, а опыт работы в советской печати исчислялся двумя десятками лет. Соответственно, ожидания, что потенциал журналистки по-новому раскроется в процессе работы с таким сложным (а главное — совершенно новым) материалом, как первый открытый суд над военными преступниками, имели под собой прочные основания. Это было тем более важно, что речь шла о пособниках врага, то есть советских людях, изменивших родине, народу, партии, и поэтому журналист, писавший на эту тему, был подобен саперу на минном поле. Предстояло соблюсти уже отработанные в советской печати «ритуалы», а также в обязательном порядке изобрести собственные способы презентации этой острой и болезненной темы.

Что касается журналистских приемов Кононенко, то она фактически приковала внимание читателей к «скамье подсудимых», на ко-

торой «сидели и ерзали одиннадцать карателей и шпионов из „Зондеркоманды СС-10А“, вдохновляемой германским полковником-палачом Кристманом». Глаза присутствовавших на процессе (юристов, журналистов, публики) стали глазами «всех советских граждан в тылу и на фронте, с волнением следящих за процессом» в Краснодаре. Их напряженное внимание, когда «от скамьи подсудимых невозможно отвести взгляд», было подчинено одной цели: «...узнать и понять: кто же они — эти чудовища? Как они могли продать врагу свою Родину, свой народ, душисть своих земляков, мыть руки в крови советских детей! Кто они?» [6, с. 1]. Отсюда и сосредоточенность на образах подсудимых. Если не считать опубликованных (как мы знаем, в усеченном и отфильтрованном виде) материалов судебного процесса, статьи Кононенко можно назвать едва ли не единственным свидетельством того, как выглядели и как вели себя эти одиннадцать человек, хотя особенности их поведения во время судебных заседаний, возможно, намеренно утрированы.

Тексты Кононенко выдают заведомую предвзятость к подсудимым, которая, как это ни парадоксально, всегда сходилась в советской журналистике за объективность. Ни одному из одиннадцати априори не дается шансов оправдаться какими-то личными обстоятельствами, загладить вину; в этом смысле все журналисты, описывавшие процесс, проявляли жесткость и непреклонность, равную той, которую демонстрировал советский суд. Однако, в отличие от юристов, журналисты могли использовать для обличения более богатый арсенал профессиональных приемов.

Так, в описании Елены Кононенко группа на скамье подсудимых предстает отчасти в карикатурном виде. Персональное внимание уделено практически каждому, и получившийся в итоге коллективный портрет призван вызвать не только ненависть, но и омерзение. Вероятно, решение Кононенко в пользу более объемного описания того или иного подсудимого складывалось под впечатлением от инкриминируемых ему преступлений и оглашенных на суде деталей его карьеры у немцев. Поэтому максимум внимания получил Тищенко, достаточно подробно представлены Пушкин и Речкалов. Однако на выбор журна-

листки влияли и другие факторы. Фигура Тучкова, к примеру, попала в зону повышенного внимания из-за «преступных наклонностей» всей его семьи. Сходная ситуация сложилась и с «седоватым кулаком» Ластовиной, нынешнюю вину которого практически заслонило кулацкое прошлое. Образы Мисана и Парамонова, судя по всему, оказались в статье из-за специфики их поведения во время судебных заседаний, а Котомцев фигурировал в ней просто как человек с хулиганским прошлым. Похоже, Кононенко не имела дополнительных данных о подсудимых и отталкивалась от информации, которая озвучивалась на самом процессе, а также от собственных визуальных и эмоциональных впечатлений. Ведь будь она более информированной и прозорливой, возможно, вместо «менее активных пособников» Тучкова и Парамонова (так они были квалифицированы по приговору суда, получив в наказание по 20 лет ссылки каждый), уделила бы внимание Кладову, впоследствии приговоренному к смертной казни. В итоге читателю известна конкретика преступлений лишь четырех подсудимых.

В выводах статьи «Зондер-банда» Кононенко настаивает на том, что подсудимые не только никогда не были «честными советскими гражданами», но что они и вовсе «не русские люди». Поэтому кажется оскорбительным, что они говорят по-русски и носят русские имена — Иван, Василий, Игнатий. Раздражающим фактором выступает даже то, что подсудимые одеты в типичную для советских граждан одежду — пиджаки, вышитые рубашки. Тем не менее далее Кононенко признает, что группа на скамье подсудимых — это «человеческий шлак антисоветски настроенных советских людей», который только и могли завербовать себе в помощники гитлеровцы. И здесь логично возникает второй, тенью следующий за первым, план данной статьи.

Действительно, в финале читателям предлагается разглядеть за спинами арестованных пособников, которым, кстати, пришлось бы «весьма к лицу» немецкие каски и мундиры, «тех, кого в зале нет, но кого советский народ тоже сегодня судит...». Таким образом, резюмирует автор, в Краснодаре сейчас идёт суд и «над всей фашисткой Германией»,

а рядом с фигурами одиннадцати подсудимых можно увидеть «...потный лоб со сбившейся прядью волос и безумную улыбку Гитлера, холодный глаз гитлеровского генерала Руофа, порезанную бритвой физиономию шефа краснодарского гестапо полковника Кристмана, паучьи руки доктора-палача Герца, уши Раббе...» [6, с. 1]. Этой сюрреалистичной картиной, которая, однако, несет в себе вполне реалистичную идею, завершается статья. В день ее публикации восемь из одиннадцати подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение.

Наверное, иенно здесь необходимо вспомнить о 37-страничном очерке Елены Кононенко, опубликованном отдельной книжкой в 1942 г. [12]. Называлось произведение «Бессмертие. Рассказ о восьми молодых советских людях, повешенных фашистско-немецкими злодеями в городе Волоколамске». Очерк повествовал о судьбе отряда из восьми юношей и девушек, заброшенных в тыл врага, попавших в плен и повешенных немцами. Как известно, после окончания судебного процесса 18 июля 1943 г. в 13 часов на одной из площадей Краснодара были повешены восемь пособников немецко-фашистских захватчиков. Собственно, для нас параллели очевидны, и остается лишь вопрос, насколько сама журналистка Елена Кононенко отдавала себе в них отчет. На казни она точно присутствовала, поскольку позднее появилась статья «Правосудие свершилось!», которая описывала качающиеся на виселицах трупы с табличками на груди «Казнен за измену Родине», а также потоки жителей, стекающихся из пригородов и станиц к месту казни [13, с. 41-43].

Линию на облчение виновных в злодеяниях на Кубани из числа самих немецко-фашистских захватчиков продолжил другой известный журналист — Мартын Иванович Мержанов. Он был военным корреспондентом «Правды», в 1941-1945 гг. находился преимущественно в частях действующей армии. В статье «Мечь народа», напечатанной в «Большевике» 18 июля 1943 г., Мержанов в буквальном смысле продублировал возникший в статье Кононенко днем раньше образ «невидимо вставших на скамье подсудимых не пойманных еще немецких злодеев» и, от-

толкнувшись от него, набросал характерные черты некоторых из них. «Точно под лучами прожектора стал виден шеф гестапо полковник Кристман, ариец, умевший насиловать женщину в своем кабинете, пытать советских граждан в подвалах, рассылать страшную машину-душегубку», — написал он об одном из главных обвиняемых. Фрагменты статьи, персонально посвященные гитлеровцам, ответственным за организацию террора в регионе, прицельно высвечивали доминанты их личностей. Так, в Кристмане была выделена ненасытность, которую тот не мог удовлетворить «ни пытками, ни насилуем, ни убийствами»; именно поэтому он стремился участвовать во всем «лично». В офицере гестапо Герце, «напялившем на себя благородный халат врача», подчеркивалось спокойствие; оно не покидало Герца и во время самых страшных «операций». Типично немецкой фигурой предстал капитан Раббе, достигший профессионализма в «искусстве истреблять людей». Наконец, «офицеры Босс, Сарго, Сальге, Винц и другие — каждый на своем посту, — у виселиц, у ям, у „душегубки“, в подвалах, — с немецкой аккуратностью вешали, расстреливали, душили, загоняли иголки под ногти, скальпировали, насиловали, издевались над русскими людьми» [7, с. 2]. Таким образом, в преступлениях оккупантов нашел извращенное подтверждение стереотип о педантизме немцев, проявляемом и в зверствах.

Вообще, пропагандистские статьи, которыми ряд советских газет сопровождал материалы Краснодарского процесса, помещались в традиционной рубрике «Из зала суда». В отличие от рассмотренных нами выше текстов Кононенко и Мержанова, эти статьи в меньшей степени детализировали вину конкретных подсудимых и не столь изошренно апеллировали к эмоциям читателей. Они ставили своей целью трансляцию как можно более цельного и четкого представления об акте правосудия, свершавшемся в Краснодаре. Среди основных идей, которые педалировались в авторских статьях специальных корреспондентов центральных печатных изданий, была мысль о том, что помимо сегодняшних ответчиков («немецких холопов и холуев», но при этом «не слепых орудий, а соучастников»)

на «свободной [пока] скамье подсудимых» непременно должны оказаться «руофы и кристманы». В статье спецкора «Известий» Б. Ильина даже дважды упоминалась Европа, подобно СССР страдающая от гитлеровских преступлений, в том числе «колесящих по ее дорогам душегубок» [10, с. 2]. Подобные параллели, как и общий контекст авторских выступлений в советской прессе в дни Краснодарского процесса, проясняют роль советских СМИ в реализации медиаполитики государства по вопросу возмездия немецко-фашистским оккупантам.

Краснодарский процесс над пособниками врага и их казнь следует рассматривать только как верхушку айсберга, предъявленную широкой общественности, в том числе международной, с определенными целями. В том же самом июле 1943 г. по населенным пунктам Краснодарского края прокатилась волна публичных казней коллаборационистов, не получивших никакой огласки в прессе. Что касается последствий Краснодарского процесса, то можно вести речь о его роли в преодолении нараставшего едва ли не с начала войны «внутреннего диссонанса». Максимум внимания, отведенный освещению темы коллаборационизма (на примере подсудимых на Краснодарском процессе), позволял теперь минимизировать ее в публичном дискурсе (где она и так возникала редко и бессистемно), чтобы далее не вносить сомнения в умы, не отвлекать население от решения текущих задач. В этом смысле показательно, что в публикациях «Большевика» с момента завершения процесса до конца 1943 г. (а это более 5 месяцев) пособничество на территории региона практически не упоминалось.

Итак, одной из квозных тем советской периодической печати в 1943 г. были в высшей степени позитивные новости об освобождении от временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками городов и сел Советского Союза. Однако зачастую им сопутствовала публикация крайне негативной информации — фактов чудовищных злодеяний армии противника на захваченных территориях. Такие факты в полной мере открывались не сразу; они восстанавливались на основе рассказов очевидцев, актов обследований конкретных населенных пунктов военными частями

и местными органами власти, медицинских экспертиз. Получение более-менее точной картины преступлений гитлеровцев против мирных советских граждан становилось реальным только после раскапывания ям и рвов, эксгумации трупов, тяжелейших процедур опознания тел родными и близкими. В результате потрясение от прочитанного в статьях и увиденного на фотографиях нарастало, место разрозненных сведений постепенно занимало обобщенное представление о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков (их методах, формах, масштабах). Благодаря газетным материалам о совершенном фашистами теперь знали не только жители определенного населенного пункта — об изощренных преступлениях против человечества узнала вся страна. В этом контексте понятно, что ожидание населением моральной компенсации за принесенные жертвы возрасало.

Данную тенденцию можно рассматривать как главный фактор того, что необходимость пригвоздить преступников к позорному столбу не только в печати, но и в суде ставилась в повестку дня. Созданная еще 2 ноября 1942 г. Чрезвычайная Государственная Комиссия собирала и публиковала документальные материалы о военных преступлениях, руководствуясь достаточно ясными целями. Благодаря первому открытому трибуналу над военными преступниками в Краснодаре, максимально широко и детально освещенному советскими средствами массовой информации, в мировой повестке с непреложностью утвердилась тема судебной ответственности нацистов. С другой стороны, после Краснодарского процесса власть получила право считать чрезвычайно неудобную тему коллаборационизма практически исчерпанной для публичного обсуждения.

Irina G. TAZHIDINOVA

Mediatization of the Theme of Crimes of the German-Fascist Invaders and Their Accomplices (On the Example of the Krasnodar Trial in 1943)

Abstract. The article analyzes the processes of mediaization, which accompanied the historical event of the first open trial of the accomplices of the German-Fascist invaders. It began with a “Soviet Nuremberg” – a series of open trials of crimes committed by the Nazis and their accomplices in the USSR during the Great Patriotic War. However, to date, the role of the Krasnodar Trial in 1943 has not been adequately assessed. This is due to the problems with the sources (mistrust of official sources, lack of unofficial ones), to the influence of the ideological factor (mythologization of the events of war), research preferences in favor of tribunals that convicted the German-Fascist invaders. This article reconstructs the preparation of the Krasnodar Trial and, above all, the work that the Soviet print media did in this respect. Using the method of content analysis of publications in the Soviet printed periodicals (regional newspaper *Bolshevik*; central newspaper *Izvestia*) in the first half of 1943, the author reveals the role of the Soviet printed media in the preparation of the grounds for prosecuting the Nazi invaders and their accomplices for crimes committed during the Great Patriotic War. This role consisted in asserting the propaganda attitudes of the “policy of retaliation”, forging up hatred towards the enemy on an emotional level. The objective basis for such an attitude was the statistics and detailing of the Nazis’ atrocities in the country’s liberated territories. The features of presentation of the Krasnodar Trial in July 1943 in the Soviet media were its scale, integrity and full compliance with ideological standards. The central element of the presentation was the chronicle of court sessions of 14–17 July. Until now, the chronicle remains the main source of information on the course and features of the first open trial of war criminals. These materials produced a strong effect not only in the USSR, but also in the world. When analyzing the characteristic features of the presentation, the author focused on articles by prominent Soviet journalists. The Krasnodar Trial was covered by the professionals of Soviet journalism E. Kononenko and M. Merzhanov. In their articles, they specifically focused on the accomplices of the enemy, caught up in the dock. The journalists insisted that soon a trial was to come of the main

criminals, i.e. the Nazis themselves. In general, it can be concluded that the large-scale and consistent coverage of the topic of war crimes on the territory of the USSR and the coming retribution for them in the Soviet print media made it possible to effectively solve current domestic political and foreign policy objectives.

Keywords: Great Patriotic War, media policy, Soviet newspaper, journalists, Krasnodar Trial in 1943, German-Fascist invaders, collaborationists, crimes.

Использованная литература:

1. Асташкин Д. Ю. Советский Нюрнберг. Как судили нацистских преступников в СССР // Родина. 2015. № 12. С. 98–102.
2. Большевик. 12 мая 1943. № 101. С. 1–2.
3. Большевик. 26 июня 1943. № 133. С. 1.
4. Большевик. 30 июня 1943. № 138. С. 2.
5. Большевик. 13 июля 1943. № 145. С. 1.
6. Большевик. 17 июля 1943. № 148. С. 1.
7. Большевик. 18 июля 1943. № 149. С. 2.
8. Верт А. Россия в войне 1941–1945 гг. М.: Прогресс, 1967.
9. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. док. Краснодар: Диапазон-В, 2010.
10. Известия. 16 июля 1943. № 166. С. 2.
11. Известия. 2 ноября 1943. № 269. С. 2.
12. Кононенко Е. Бессмертие: рассказ о восьми молодых советских людях, повешенных фашистско-немецкими злодеями в городе Волоколамске. М.: Молодая гвардия, 1942.
13. Кононенко Е. Перед судом народа. Краснодар: Традиция, 2014.
14. Кононенко Е. Это – жизнь. М.: Правда, 1964.
15. Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука, 1975.
16. Очерки истории кубанской прокуратуры: материалы и документы. Краснодар: Советская Кубань, 1999.
17. Сорокина М. Ю. «Свидетели Нюрнберга»: от анкеты к биографии // Право на имя: Биография как парадигма исторического процесса. Вторые чтения памяти В. Иофе. Сб. докл. СПб.: Мемориал, 2005. С. 50–63.
18. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М.: Госполитиздат, 1943.
19. Тажидинова И. Г. Материалы советской прессы как исторический источник о подготовке Краснодарского процесса 1943 г. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 124–134.
20. Bourtmán I. “Blood for blood, Death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943 // Holocaust and Genocide Studies. 2008. Vol. 22. № 2. P. 246–265.
21. Tazhidinova I. G. Mediatization of the Topic of Human Victims of the Occupation in the Soviet Newspaper Periodicals of 1943 (on the Example of Photographic Materials) // Propaganda in the World and Local Conflicts, 2018, 5(1). P. 26–31.
22. Voisen V. “Au nom des vivants”, de Léon Mazroukho: rencontre entre dénonciation officielle et

References:

1. Astashkin, D.Yu. (2015) Sovetskiy Nyurnberg. Kak sudili natsistskikh prestupnikov v SSSR [A Soviet Nuremberg. How they ekshuv Nazi criminals in the USSR]. *Rodina*. 12. pp. 98–102.
2. *Bol'shevik*. (1943) 12 May. 101. pp. 1–2.
3. *Bol'shevik*. (1943) 26 June. 133. p. 1.
4. *Bol'shevik*. (1943) 30 June. 138. p. 2.
5. *Bol'shevik*. (1943) 13 July. 145. p. 1.
6. *Bol'shevik*. (1943) 17 July. 148. p. 1.
7. *Bol'shevik*. (1943) 18 July. 149. p. 2.
8. Vert, A. (1967) *Rossiya v voyne 1941–1945 gg.* [Russia in the war of 1941–45]. Moscow: Progress.
9. Tazhidinova, I.G. (ed.) (2010) *Geroi terpeniya. Velikaya Otechestvennaya vojna v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya: sb. dokumentov* [Heroes of patience. The Great Patriotic War in the sources of personal origin: Documents]. Krasnodar: Diapazon-V.
10. *Izvestiya*. (1943) 16 July. 166. p. 2.
11. *Izvestiya*. (1943). 2 November. 269. p. 2.
12. Kononenko, E. (1942) *Bessmertie. Rasskaz o vos'mi molodykh sovetskikh lyudyakh, poveshennykh fashistsko-nemetskimi zlodeyami v gorode Volokolamske* [Immortality. The story of eight young Soviet people hanged by Fascist-German villains in Volokolamsk]. Moscow: [s.n.].
13. Kononenko, E. (2014) *Pered sudom naroda* [Before the people's court]. Krasnodar: Traditsiya.
14. Kononenko, E. (1964) *Eto – zhizn'* [This is life]. Moscow: Pravda.
15. Lebedeva, N.S. (1975) *Podgotovka Nyurnbergskogo protsessa* [Preparation of the Nuremberg trials]. Moscow: Nauka.
16. Anon. (1999) *Ocherki istorii kubanskoj prokuratury: materialy i dokumenty* [Essays on the history of the Kuban prosecutor's office: Materials and documents]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
17. Sorokina, M.Yu. (2005) “Svideteli Nyurnberga»: ot ankety k biografii [“Witnesses of Nuremberg”: From a file to a biography]. *Pravo na imya: Biografiya kak paradigma istoricheskogo protsessa* [Right to a name: Biography as a paradigm of the historical process]. Proceedings of the Second Readings in Memory of V. Jofe. St. Petersburg: Memorial; Nord-Vest. pp. 50–63. (In Russian).
18. Anon. (1943) *Sudebnyy protsess po delu o zverstvakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh posobnikov na territorii goroda Krasnodara i Krasnodarskogo kraja v period ikh vremennoy okkupatsii* [The trial of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices in Krasnodar and in Krasnodar Krai during their temporary occupation]. Krasnodar: [s.n.].

hommage personnel // Pozner V., Laurent N. *Kinojudaica. Les représentations des Juifs dans le cinéma russe et soviétique*. Paris: Nouveau Monde éditions, 2012. P. 90–117.

19. Tazhidinova, I.G. (2017) Materials of Soviet Press as a Source on Preparation of the Krasnodar Trial in 1943. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 4. pp. 124–134. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-0101-2017-4-124-134

20. Bourtnan, I. (2008) “Blood for blood, Death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943. *Holocaust and Genocide Studies*. 22 (2). pp. 246–265. DOI: 10.1093/hgs/dcn027

21. Tazhidinova, I.G.(2018) Mediatization of the Topic of Human Victims of the Occupation in the Soviet Newspaper Periodicals of 1943 (On the Example of Photographic Materials). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1). pp. 26–31. DOI: 10.13187/pwlc.2018.1.26

22. Voisen, V. (2012) “Au nom des vivants”, de Léon Mazroukho: rencontre entre dénonciation officielle et hommage personnel. In: Pozner, V. & Laurent, N. (eds) *Kinojudaica. Les représentations des Juifs dans le cinéma russe et soviétique*. Paris: Nouveau Monde éditions. pp. 90–117.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Тажидино́ва, И. Г. Медиатизация темы преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на примере Краснодарского процесса 1943 г.) [Электронный ресурс] / И. Г. Тажидино́ва // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 80–90. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.008

Full bibliographic reference to the article:

Tazhidinova, I. G. (2019) Mediatization of the Theme of Crimes of the German-Fascist Invaders and Their Accomplices (On the Example of the Krasnodar Trial in 1943). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 80–90. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.008

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР

Anna G. PIOTROWSKA

dr. Hab., PhD, Assoc. Prof.

Institute of Musicology, Jagiellonian University,
Krakow, Republic of Poland

ПИОТРОВСКА Анна

доктор наук, доктор философии в области музыковедения
доцент Института музыковедения Ягеллонского университета

Краков, Республика Польша

agpiotrowska@interia.pl

УДК 785.161(=214.58)-021.311

ГРНТИ 18.41.91

ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.009

The Romany Musical Versatility: the Case of *Gypsy Disco-Polo*¹

Цыганская музыкальная универсальность: на примере цыганского диско-поло²

As commonly known, European Roma (Gypsies) have specialized in certain occupations but predominantly were associated with their excellent musicianship skills. It is also true today – as attested, among others, by the never dwindling popularity of such bands as The Gypsy Kings. Gypsy musicians are very much appreciated and their music is still enjoyed. It is the result of the Gypsy versatility and their ability to adapt to musical innovations. Despite the extreme richness of forms, manners of performance, etc. characterising the so-called Gypsy music, or more precisely the music by the Roma, their musical products are still easily identifiable by non-Romany circles who associate them with the colourful world of the highly idealized and romanticised Gypsy life. The paper shows – without neglecting the

¹ This work is the result of the HERA 2.002 project BESTROM - «Beyond Stereotypes: Cultural Exchanges and the Romani Contribution to European Public Spaces», supported by the European Research Council Joint Programme 'Humanities in the European Research Area.

² Эта работа является результатом проекта HERA 2.002 BESTROM - «За пределами стереотипов: культурный обмен и вклад цыган в европейское общественное пространство», поддержанного Объединенными программами Европейского исследовательского совета «Гуманитарные науки в европейском исследовательском пространстве».

historical perspective – that the question of the essence of the genuine ‘Gypsyess’ in music can be, at least partially, answered by taking a closer look at new genres associated with Gypsies and by analysing contemporary practices exercised by the Romany musicians. Consequently, the article is focused on the contemporary trends in the so-called Gypsy music, especially those which merged in the 2000s with popular genres such as Gypsy disco-polo – popular till today and enjoyed by large audiences in Poland. The article claims that such new genres as Gypsy disco-polo should be considered as fine examples of Romany musical versatility proving the vitality of their tradition as cultivated today. Romany musicians adapt to the new situation in such a way as to address the requirements of contemporary listeners who expect that the so-called Gypsy music should be on a par with up-to-date productions known from the mass media, while still adhering to the romanticised vision of the ‘Gypsyess’.

Keywords: Roma (Gypsies), Gypsy music, lăutari, Zigeunerkapellen, disco-polo, World Music.

In the past – as commonly known – European Roma specialized in certain occupations (e.g. blacksmithing), but became predominantly associated with their excellent musicianship skills. Also today – as attested, among others, by the never dwindling popularity of such bands as The Gypsy Kings – Romany musicians are still treasured and their music is constantly much appreciated. The dynamically developing music of the Roma has always briskly reacted to musical innovations and – while adapting them – constantly changed its countenance. Despite its extreme richness in form and manner of performance, the music by the Roma – often simply, yet not very precisely called ‘Gypsy music’ – remains easily identifiable and is still associated by the non-Romany circles with the colourful world of romanticised Gypsy life. The very reception of this music by the gadje (i.e. non-Roma) who are predominantly focused on its specific values seems to work as an important factor while defining – not only stylistically but also ideologically – the phenomenon of ‘Gypsy music’ and its internal cohesion. Taking into consideration the historical perspective of how Romany musicians have always adopted their music-making to particular conditions imposed by the gadje, the question of the essence of genuine ‘Gypsyess’ in music can be – at least partially – answered by analysing new genres associated with the romanticised Gypsy world and by looking at contemporary practices exercised by the Romany musicians who attempt to reach the mainstream audience. In my presentation, I would like to discuss an example of the contemporary ‘Gypsy music’ which has merged with popular genres, while still incorporating elements of ‘Gypsy’ scales and alluding

to the stereotypes of the Roma, and, above all, being often associated with the Roma themselves as performers. Hence my emphasis in this paper will be on the genre well known in Poland and called *Gypsy disco-polo*.

I claim that such new genres as *Gypsy disco-polo* should be considered as fine examples of Roma musical versatility proving the vitality of their tradition as cultivated today. Romany musicians adapt to the new situation, in which contemporary listeners expect the so-called Gypsy music to be on the par with up-to-date productions known from the mass media, but they also long for the old-style, intimate songs conveying the romanticised vision of the ‘Gypsyess’. On the one hand, there is the pressure dictated by the modern technology, while, on the other, – the wish to convey the undefined past. So contemporary music by the Roma – nowadays often labelled within the larger phenomenon of World Music – needs to meet these expectations without losing the trait of its authenticity.

Gypsy music as the “most prominent aspect of Gypsy fetish”

In central and southeastern Europe, Romany professional musicians have traditionally – since the late medieval times – played and danced for remuneration, providing thus musical service to non-Roma communities [4, p. 32]. It seems that in these parts of Europe (as well as in Spain) the Roma became most strongly, almost intrinsically associated with their acclaimed and much celebrated musical talents. Music, alongside some other components, became one of the most significant elements of Gypsy identification in Europe [9, p. 130]. The stereotype of Gypsies as excellent mu-

sicians, affecting their perception among the non-Roma, has been maintained – and perhaps even exaggerated – by the Roma themselves. Also, contemporary Roma musicians *willingly repeat and perpetuate positive clichés concerning their musicianship* [12, p. 98]. Hence, a significant number of authors writing about the Roma toady underline the idea that music is something that Roma people ‘inherit’ from their ancestors, that music runs in their blood. Accordingly Anikó Imre observed that “the Gypsy’s inherent musicality has long been established in popular representations [. . .] as something that functions on the level of a collective genetic trait” [7, p. 326]. And Florentina C. Andreescu and Sean P. Quinn identified music “amongst the most prominent aspects of Gypsy fetish” [2, p. 281]. Lozanka Peycheva and Ventsislav Dimov went even further claiming that “regardless to the territories they inhabit, the names they are called, the stereotypes applied to them by the host ethnic communities, the Gypsies have always been associated with music and the music gift” [11, p. 190]. In other words, most authors writing about the Roma have been fond of the idea that eastern European Gypsies are as if ‘born for music’ [8, p. 77].

Historically speaking, in eastern as well as south-eastern parts of Europe many “Gypsy musicians often travelled to the big cities to seek employment either voluntarily or under orders from the lord of the house. Gradually, increasing numbers of Gypsies – musicians as well as those from other professions – came to settle in these large cities” [6, p. 87]. Hungarian Romany musicians quite early on started to organise their own musical groups performing predominantly in towns: the bands referred to as Zigeunerkapellen became so popular that they quickly proliferated and spread around appearing in the territories of southern Poland, e.g. in Kraków. Also Romany musicians from Romania – *lăutari* – became very famous. In the 19th century wealthy boyars kept bands of Gypsy musicians [1, p. 92], they were also to be heard in the streets of Bucharest. Moldavian Gypsy violinist *Barbu Lăutaru was admired by Franz Liszt, who met him personally in 1847* [10, p. 49-51]. At the same time, Bulgarian Gypsy professional musicians, known as *kemendjii*, cherished great popularity becoming very popular in the Balkan towns [11, p. 190].

The popularity of the Roma professional musicians, especially in the 19th century, was the result of various factors: on the one hand, circumscribed by the specific demand for the catchy, danceable music performed during public events, while, on the other hand, conditioned by the romanticized fame of Gypsy musicians accordingly described by no one else but the famous composer – Liszt in his book *Des Bohémiens et de leur musique en Hongrie* (1859). Admired and sought after, the Roma musicians have always relied on these pillars sustaining their reputation: the one connected with their celebrated image and the other with specific musical features, which the non-Roma audience would traditionally consider as ‘Gypsy’. Hence the Roma musicians cultivated the vision of their ‘Gypsiness’, which can be roughly equalled with ‘otherness’, exoticism, or strangeness, yet from within, i.e. present, and somehow accepted or simply tolerated in Europe, since the Middle Ages. The issue of creating and presenting their own image as the Roma is closely linked with the strategies implemented by Romany musicians who manage to remain “agents in the construction of their own identity”, while defining their own ethnicity both within their own community and towards the non-Roma audience. As Margaret H. Beissinger says Roma musicians must “play with the boundaries of ethnicity and class because in doing so they are enabled to elevate themselves, thereby gaining prestige and economic security” [4, p. 26]. In this paper, I am not interested in the tactics adapted by the Roma musicians to negotiate for their own position, or identity. Rather, I will set here to prove that music which today can be tagged as ‘Gypsy’ has never lost its authentic character being the combination of Romany tradition with new solutions, easily available nowadays.

Gypsy music as “something old, something new, something borrowed, something blue . . .”

Music performed nowadays by the Roma can be roughly described as following the rule of “something old, something new, something borrowed, something blue”. The ‘old’ is the well-established tradition of relying on the Roma ethnicity as an important factor in creating their own musical identity, while the ‘new’ is connected with the pressure coming from the technology. The ‘borrowed’ refers to the Romany practice of adapting external musical language, or its elements and

interweaving them into their own productions. Finally, while talking about something 'blue' one can think both of the preference for the 'sad', e.g. minor tonalities in Romany music, and the development of the so-called Gypsy jazz.

It can be claimed that contemporary Romany musicians entertain the idea of representing their culture. Thus their musical performances work as moments when their ethnic differentiation is underlined. Romany "musicians like to speak about themselves as 'emotion makers'" [14, p. 215]. By exposing certain qualities immediately linked with the Roma – such as over-emotionality, colorful costumes, characteristic instruments used, the lyrics including Romany words – the Roma performers present themselves as bearers and wardens of this tradition. While in the real life, i.e. outside musical scene, these Romany markers tend to be less exposed by the Roma themselves, on stage they gain additional advantage as a cluster of unique features characteristic only for Romany performances. This 'stage ethnicity' is – in my opinion – an immediate answer to the public's longing after the old times with traditional Romany caravans, Gypsy fortune-tellers and fiddlers. Contemporary Roma musicians cultivate this type of nostalgia in order to evoke positive attitudes toward their own musical propositions. The references to the romanticized vision of the Romany culture have become significant markers of their ethnic differentiation.

At the same time, with regard to the musical repertoire performed by the Roma musicians, they heavily rely on the contemporary fashions and modes, easily adapting the style of their performance to the tastes of the listeners. Accordingly, the Roma musicians easily mix various stylistics drawing on the accessible sources. Hence the music performed by the Roma in Bulgaria differs from the one played in Poland, etc. As the Roma interact with gadje culture, they often appropriate its certain aspects, but "redefine them and incorporate them into their own culture" [13, p. 266]. This process of mixing various – external and internal – elements, has been taking place for so long, that sometimes it is even impossible to determine which stylistics features of music performed by the Roma have been borrowed, and, if so, – when and from whom. In general, it can be said that what is considered as 'Gypsy' in music by

the Roma "is a unique adaptation of the Western European harmonic system which accommodates the very special requirements of a melodic system heavily influenced by Turkish melodic types. The formal and rhythmic structure of this music, and consequently of the dances, appears to draw mostly from Romanian folk sources which, again, may have already been heavily influenced by a combination of Gypsy, Turkish, Western European, and Romanian folk elements. Added to this is the particular style of melodic as well as rhythmic phrasing and expression which seems to have been retained from elements in the music of the nomadic Gypsies" [6, p. 86].

Also characteristic for the very broadly understood 'Gypsy' style, even without specifying the region it comes from, are "intricate, chiefly minor harmonics" as well as the specific manner of performance with "profuse ornamentation, shocking harmonization, [...], free recombination of musical segments of various origins, substantial remodeling of the melodic outline of the executed pieces, insertions of elements from Balkan and Oriental styles, an excessively 'poignant' interpretation" [12, p. 237, 241]. As commonly known, Roma musicians often play by the ear, although contemporary Romany musicians also know how to read the scores. Above all, as they say, they always play from their soul. So, even when performing some well-known tunes, they usually add some notes, or slightly change the melodic line, ending up with unconventional harmonies. Most importantly, Romany musicians modernize these tunes, adapting to new styles and fashions, wanting to appear progressive and innovative. In Romania "the *lăutari* musicians continuously remodel their music, either from the impulse to bring it into line with their own modernized aspect, or (especially in the recent times) out of their professional necessity to satisfy all those who expect them to perform it in one fashion or another" [12, p. 214].

Indeed, most Romany musicians are open to new trends, catching up with the latest modes. Hence their music has gone through a number of stylistic changes in the recent years. One of the most acclaimed fashions among Hungarian Romany musicians was, for example, playing in the 'Romanian style', but also in 'Spanish style'. Also Latin music, e.g. Brazilian 'bossa nova' exercised its influence. Furthermore, insertion of some Rus-

sian elements (e.g. in Russian/Gypsy romances) as well as referring to the Indian roots of Romany music gained popularity, too.

Most significantly the music performed by the Roma was influenced by the electronics. Indeed, nowadays it is the modern technology that determines the new exploits of most Romany musicians. The search for new solutions (turning to *pan-Balkan music*, to *film soundtracks* featuring Roma heroes, etc.) is predominantly impacted by the sound of *western pop bands*. Not only most Roma musicians play with loud amplification nowadays, but also new 'Gypsy' styles have emerged such as 'Roma pop' or 'Roma rap' (hip-hop). It can be argued that not only "escaping international influences – lyrical, ideological, stylistic or technological – is impossible" [5, p. 357], but in fact – in case of the Roma musicians – incorporating such external influences determines traditional Romany way of interacting with other musical cultures.

Case study: Gypsy disco-polo

One of the best examples how – in the current situation – Gypsy music is the subject of the above mentioned tendencies may be the case of the so-called Gypsy disco-polo, the genre popular in contemporary Poland. It is developing in parallel to *manele* in Romania or *chalga* Bulgaria, with the predominantly electronic arrangements and the stress put on Romany markers.

Gypsy disco-polo has emerged within the so-called disco-polo – a sub-genre of Euro disco, modelled upon Italo disco, but deeply rooted in Polish folk tradition, especially with regard to instruments and simple (superficial and naïve) lyrics. Disco polo first occurred in the mid-1980s, with the peak of its popularity in the 1990s. Then the genre lost its initial impetus, but after 2004 it staged a gradual comeback. Typical instruments include accordion, guitars and electric instruments, especially keyboards, often with automatic percussion. In the 1990s, most groups playing disco-polo stemmed from amateur circles and were formed as boy-bands reflecting the western popularity of neo-doo wop vocal bands. Roma as well as non-Roma musicians seized the opportunity of adopting musical and stylistic features of mainstream disco, while referring to the imagined, romanticized 'Gypsy world' creating thus a peculiar variant of disco polo commonly

called Gypsy disco-polo. It makes use of typical elements of disco-polo e.g. unsophisticated lyrics, bordering with the banality, the overuse of melodic patterns derived from western popular music of the 1960s and the 1970s, heavy dependence on electronic instruments with ready-made rhythmic formulas. However, in order to be called Gypsy disco-polo, songs need to include several 'markers' indicating their 'Gypsiness' – appearing both in musical and textual layers. In other words, the newness of electronic sounds catching up with the latest dance tendencies is balanced with sentimental lyrics and the presence of traditional instruments.

Willingly introduced are instruments associated with the Roma, among others, guitar, violin, or accordion. The faster tempo in the last section of the songs reminds of the *czardas*-like formal layout. References to tunes traditionally linked with the Roma are heard. Most symptomatically, the lyrics talk about the migrant Gypsy life, about the Gypsy love, about beautiful Gypsy people – sitting at the fire, dancing and singing. Even the titles of Gypsy disco-polo albums are volume speaking – for example *Cygańskie wesele* (Gypsy wedding) or *Cygańska biesiada* (Gypsy feast).

While inserting typical pop elements, e.g. rhythmical beats, etc., the Roma performers still adhere to the old way of music making hazing the borders between the traditional and the modern. Although the authenticity of Gypsy music is often connected with being able to perform in the 'old style', the modern expectations imposed on the musicians result in the new quality of music they compose, being the mixture of the old and the new. These factors co-exist in Gypsy disco polo as constantly negotiated by such means as the reissuing and remixing, recycling of old tunes, styles, forms. For example, old tunes are presented in new arrangements, old lyrics gain new melodies, the tempo of traditional songs is made faster, or the opposite – up-tempo dance melodies are turned to slow ones, rhythmical changes occur, etc. But while "Gypsies attach great importance to the style of interpretation" [12, p. 212], it seems that one of the most characteristic features of Gypsy disco-polo remains the manner of deliverance, stressing the euphonic qualities connected with musical performance.

Gypsy music or "...in folklore everything is up-to-date ..."

The development of 'Gypsy' music is challenged by external anticipations and global forces. Contemporary expectations are still connected with certain 'ethnic' image as well as the demand for danceable tunes supported by advanced technology. Above all, music by the contemporary Roma is believed to sustain its claims to authenticity: this is often executed by means of conjuring up the charms of nostalgia that lovingly recreates and reminisces, but also revives old forms and styles. Referring to the traditional qualities is often equalled with authenticity, and opposed with the tendency to immerse into a new context. But when Romany musicians combine the sounds of the violin and the dulcimer with the keyboards, they do so exactly because – as Gia Baghashvili once observed – "in folklore everything is up-to-date, the new as well as the old. [...] consequently everything is 'modern' " [3, p. 53]. It seems to me that the Romany ability to reinvent their traditional music as supported by the new technology, etc. is the ultimate mark of their authenticity. Incorporation of new ele-

ments serves as a means of re-freshening and re-inventing the concept of Gypsy music within the larger trend of the so-called World Music, which can be defined as a new reincarnation of musical folklore. To sum up: Gypsy music is not a fading-out phenomenon. Not only is it suffice to take a look at the number of CDs with records labelled as 'Gypsy music' sold at music shops. There are also several festivals organised nowadays with Gypsy music (for example, since 1997 Międzynarodowy Festiwal Piosenki i Kultury Romów [The International Festival of Roma Culture and Song] has been held in Poland), more and more Internet sites on the issue of music by the Roma appear. Romany musicians – their status and music – have also been the subject of intensive scholarly research (among others late Katalin Kovalcsik, or *Irén Kertész Wilkinson*, Ursula Hemetek, Lozanka Peycheva, Lynn Hooker, Carol Silverman, Svanibor Pettan, Peter Manuel, and many more). All these efforts attest that the so-called Gypsy music – understood as music performed, composed and promoted by the Roma – is thriving and fascinating, as ever.

Анна ПИОТРОВСКА***Цыганская музыкальная универсальность (на примере цыганского диско-поло)***

Аннотация. Как известно, европейские цыгане всегда тяготели к определенным видам деятельности, из которых ближе всего им была музыка. Свидетельством природной музыкальности цыган в наши дни может служить, например, неизменная популярность таких творческих коллективов, как «Gypsy Kings». Несмотря на восприимчивость цыган новым веяниям, постоянно обогащающим жанрово-стилистическую палитру их музыки, она всё ещё легко узнаваема и по-прежнему завораживает своим особым мелодико-ритмическим рисунком, своей романтической экспрессией и ни на что не похожей манерой исполнения. В данной статье поднят вопрос о сущности подлинного «цыганства» в музыке, на который, как считает автор, можно, по крайней мере частично, ответить при более детальном исследовании произведений, созданных носителями культуры рома, в 2000-х гг. Анна Пиотровска рассматривает современные жанры цыганской музыки, самым популярным из которых в Польше является цыганское диско-поло, в исторической перспективе и приходит к выводу об исключительной универсальности и многогранности цыганских музыкантов, обладающих способностью с лёгкостью подстраиваться под любую культурную ситуацию, позволяющей им и сегодня удовлетворять вкусы широкой слушательской аудитории, одновременно поддерживая жизнеспособность собственных многовековых музыкальных традиций.

Ключевые слова: Рома (цыгане), цыганская музыка, лэутары, Zigeuner Kapellen, диско-поло, World Music.

Использованная литература:

1. Achim, V. The Roma, in *Romanian History* / transl. Richard Davies. Budapest: CEU Press, 2004.
2. Andreescu F.C. Quinn, S. P. Gypsy fetish: music, dirt, magic, and freedom // *Journal for Cultural Research*. 2014. Vol. 18. No. 4. P. 275–290.
3. Baghashvili, G. (2004) The Aesthetic polystageness of Georgian Musical Folklore // *The Proceedings of the Second International Symposium on Traditional Polyphony*, 23-27 September, Tbilisi, Georgia, / Tsurtsumia, R. (ed.) Tbilisi: Tbilisi State Conservatoire, 2004. P. 52-54.
4. Beissinger M. H. Occupation and Ethnicity: Constructing Identity among Professional Romani (Gypsy) Musicians in Romania // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 24-49.
5. Connell J., Gibson C. World music: deterritorializing place and identity // *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28. No. 3. P. 342–361.
6. Garfias R. Dance among the Urban Gypsies of Romania // *Yearbook for Traditional Music*. 1984. Vol. 16. P. 84-96.
7. Imre A. Roma Music and Transnational Homelessness // *Third Text*. 2008. Vol. 22, No. 3. P. 325-336.
8. Kállai, E. Gypsy Musicians // *Roma migration* / Kováts, A. (ed.). Budapest: Hungarian Academy of Sciences Institute of Minority Research – Centre for Migration and Refugee Studies, 2002. P. 75-97.
9. Moisil, C. Problems of identity in the Orthodox Church Music in Transylvania // *New Europe College Ștefan Odobleja Program Yearbook 2012-2013*. 2014. P. 123-146.
10. Noica, C. The Cantemir Model in Our Culture, or Memo to the One-Above regarding the situation of the spirit in the three Romanian provinces / transl. Bogdan Stefanescu. Bucharest: Editura Athena. 1995.
11. Peycheva L., Dimov V. The Gypsy Music and Gypsy Musicians' Market in Bulgaria // *Segmentation und Komplementarität. Organisatorische, ökonomische und kulturelle Aspekte der Interaktion von Nomaden und Sesshaften. Beiträge der Kolloquia am 25.10.2002 und 27.06.2003. Halle 2004* / Streck, B. (ed.) (Orientwissenschaftliche Hefte 14; Mitteilungen des SFB „Differenz und Integration“ 6), 2004. P. 189-205.
12. Rădulescu, S. *Taifasuri despre muzica țigănească / Chats about Gypsy Music (versiunea engleza Adrian Solomon)* Bucuresti: Paideia, 2004.
13. Silverman, C. Negotiating «Gypsiness»: Strategy in Context. *The Journal of American Folklore*. 1988. Vol. 101. No. 401. P. 261-275.
14. Stoichita V.A. *Fabricants d'émotion*. Nanterre: Société d'ethnologie, 2008.

References:

1. Achim, V. (2004) *The Roma, in Romanian History*. Transl. by Richard Davies. Budapest: CEU Press.
2. Andreescu, F.C. & Quinn, S.P. (2014) Gypsy fetish: music, dirt, magic, and freedom. *Journal for Cultural Research*. 18 (4). pp. 275–290.
3. Baghashvili, G. (2004) The Aesthetic polystageness of Georgian Musical Folklore. *The Proceedings of the Second International Symposium on Traditional Polyphony*. Tbilisi, Georgia. 23–27 September. Tbilisi: Tbilisi State Conservatoire. pp. 52–54.
4. Beissinger, M.H. (2001) Occupation and Ethnicity: Constructing Identity among Professional Romani (Gypsy) Musicians in Romania. *Slavic Review*. 60 (1). pp. 24–49.
5. Connell, J. & Gibson, C. (2004) World music: deterritorializing place and identity. *Progress in Human Geography*, 28 (3). pp. 342–361.
6. Garfias, R. (1984) Dance among the Urban Gypsies of Romania. *Yearbook for Traditional Music*. 16. pp. 84–96.
7. Imre, A. (2008) Roma Music and Transnational Homelessness. *Third Text*. 22 (3). pp. 325–336.
8. Kállai, E. (2002) Gypsy Musicians. In: Kováts, A. (ed.) *Roma migration*. Budapest: Hungarian Academy of Sciences Institute of Minority Research – Centre for Migration and Refugee Studies. pp. 75–97.
9. Moisil, C. (2014) Problems of identity in the Orthodox Church Music in Transylvania. In: *New Europe College Ștefan Odobleja Program Yearbook 2012–2013*. New Europe College. pp. 123–146.
10. Noica, C. (1995) *The Cantemir Model in Our Culture, or Memo to the One-Above regarding the situation of the spirit in the three Romanian provinces*. Transl. by Bogdan Stefanescu, Bucharest: Editura Athena.
11. Peycheva, L. & Dimov, V. (2004) The Gypsy Music and Gypsy Musicians' Market in Bulgaria. In: Streck, B. (ed.) *Segmentation und Komplementarität. Organisatorische, ökonomische und kulturelle Aspekte der Interaktion von Nomaden und Sesshaften. Beiträge der Kolloquia am 25.10.2002 und 27.06.2003. Halle 2004* (Orientwissenschaftliche Hefte 14; Mitteilungen des SFB "Differenz und Integration" 6). pp. 189–205.
12. Rădulescu, S. (2004) *Taifasuri despre muzica țigănească /Chats about Gypsy Music (versiunea engleza Adrian Solomon)*. Bucuresti: Paideia.
13. Silverman, C. (1988) Negotiating "Gypsiness": Strategy in Context. *The Journal of American Folklore*. 101 (401). pp. 261–275.
14. Stoichita, V.A. (2008) *Fabricants d'émotion*, Nanterre: Société d'ethnologie.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Piotrowska, A. G. The Romany Musical Versatility: the Case of Gypsy Disco-Polo [Electronic resource] / A. G. Piotrowska // *Наследие веков*. – 2019. – № 3. – С. 91–97. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.009

Full bibliographic reference to the article:

Piotrowska, A. G. (2019) The Romany Musical Versatility: the Case of Gypsy Disco-Polo. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 91–97. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.009

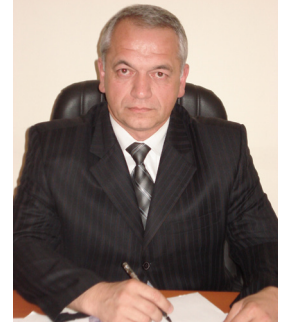

МАМЕДОВ Раджаб Кенан оглы

доктор философии в области искусствоведения,
ведущий научный сотрудник
отдела театра, кино и телевидения
Института архитектуры и искусства
Национальной академии наук Азербайджана,
Баку, Азербайджанская Республика

Radzhab K. MAMEDOV

PhD in Arts, Leading Researcher, Department of Theater,
Cinema and Television, Institute of Architecture and Art,
National Academy of Sciences of Azerbaijan
rajab.circushistory@gmail.com

УДК 791.83:798.27(470:479.24)
ГРНТИ 18.51.17
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.010

**Творчество Ю.П.Мерденова
в контексте российско-
азербайджанских
культурных связей**

**Creative Activities
of Yuri P. Merdenov
in the Context of the Russian-
Azerbaijani Cultural Relations**

В статье исследуются отдельные аспекты российско-азербайджанских культурных связей, касающиеся в первую очередь циркового искусства и творчества одного из наиболее ярких его представителей – народного артиста России Юрия Петровича Мерденова. Воспитанник «патриарха» российской и советской джигитовки Алибека Кантемирова Ю. П. Мерденов внес свой неоценимый вклад не только в становление и развитие конного жанра в азербайджанском цирке, но и в популяризацию славных конных традиций кубанского казачества, создав аттракцион «Кубанские казаки», на протяжении многих лет покоряющий мировые арены. Международное признание достижений Юрия Мерденова подтверждает тезис об интернациональной природе циркового искусства, которое и в наши дни в значительной степени составляет основу российско-азербайджанских культурных связей.

Ключевые слова: культурные связи, цирковое искусство, конные игры, Алибек Кантемиров, джигитовка, Юрий Мерденов, кубанское казачество.

Азербайджан, исторически возникший на стыке Европы и Азии, не только всегда был центром пересечения геополитических и эко-

номических интересов разных государств, но и на протяжении многих столетий в равной степени вбирал в себя культурно-этические

Юрий Петрович Мерденов - артист цирка, наездник-джигит и дрессировщик, педагог. Народный артист РСФСР (1992).

ценности Востока и Запада. Это способствовало формированию здесь исключительно толерантной культурной среды, постоянно подпитывавшейся неизбежными связями азербайджанского народа с другими этносами. Наиболее же тесные социокультурные отношения сложились у Азербайджана с Россией. Их яркое отражение мы находим в живописи и музыке, театре и кино, во многих других видах искусства, и не в последнюю очередь – в цирковом.

Начиная со второй половины XIX в. в Азербайджан приезжали цирковые труппы из разных стран, но именно выступления артистов из России имели небывалый успех у зрителей. Из всех стационарных бакинских цирков, которых в столице страны в разное время было построено немало, наибольшей популярностью пользовались цирк Братьев Никитиных (1904-1916) и цирк Братьев Ефимовых (1916-1967). Всемирно известные цирковые артисты – атлеты Сали Сулейман

и Рашид Юсифов, укротитель Алекпер Фаррух и многие другие – выступали в составе российских цирков.

И в Азербайджане, и России первостепенная роль традиционно отводилась таким цирковым жанрам, как атлетика, хождение по канату и конные игры. А с последних, как известно, начиналось цирковое искусство вообще. Первый стационарный цирк, созданный Филиппом Астлеем (1742-1814) в 1768 г. в Лондоне, сначала назывался «Школой верховой езды», а позже «Амфитеатром Астлея». И тот факт, что диаметр арены во всех цирках мира составляет 13 метров (42 фута) и по сей день остается профессиональной необходимостью, обусловлен участием практически в каждой программе лошадей. Даже по мере развития циркового искусства, в начале XX в., конным номерам отводилось более половины программы.

Большую популярность во всем мире завоевали артисты, выступающие с номерами дрессуры лошадей на свободе, высшей школы верховой езды, комической дрессуры и другими. Но особый восторг во все времена вызывали выступления джигитов (от тюрк. «джигит» или «игит» – «отважный всадник»), характерной чертой которых был кавказский стиль.

Основателем российской школы джигитовки (преемницей которой стала советская школа) принято считать Алибека Тузаровича Кантемирова (1882-1975). Он «разработал и осуществил вместе с сыновьями и воспитанниками такие сложные трюки, как пролезание двух всадников под живот скачущего коня, фиксирование горизонтального положения под животом лошади – бланш, темповые „ножницы“, „вертушка“ с завязанными глазами и т.д. Нам, к сожалению, не пришлось увидеть знаменитый, никем не повторенный до сих пор трюк Али Бека – пролезание между задних ног лошади с выходом на круп. Нам, конникам, нетрудно представить себе, какое мужество, хладнокровие, какой безошибочный расчет требуется от исполнителя этого рискованнейшего трюка» [2, с. 12]. Журнал «France – URSS», давая отзывы о номере под его руководством, писал: «Бешеная езда, акробатические этюды, повороты, прыжки, звон сабель и стрельба по движущимся целям – это почти черти,

Группа «Джигиты Азербайджана»

а не люди, или вдохновенные, пылкие кавказские танцоры, занявшие место на породистых лошадях» [1, с. 5]. А. Т. Кантемиров как педагог-тренер подготовил в общей сложности более 150 наездников-джигитов, среди которых народные артисты РСФСР Михаил Туганов, Тамерлан Нугзаров, Юрий Мерденов и другие.

Творчество Юрия Петровича Мерденова тесно связано как с цирковым искусством России, так и с азербайджанским национальным цирком. Юрий Мерденов родился 5 февраля 1936 г. в городе Орджоникидзе. В 1951 г., в возрасте 15 лет, он был принят в коллектив Алибека Кантемирова. «Основоположник советской школы джигитовки А. Кантемиров был мудрым и требовательным учителем. Посвящая учеников в тайны своей гордой и мужественной профессии, он стремился к тому, чтобы те стали разносторонними артистами,

овладели не одним, а несколькими жанрами, всячески развивал у них творческую инициативу, помогал осуществлению их замыслов. И не случайно впоследствии многие его ученики создали свои номера и аттракционы» [6, с. 18]. Но ещё задолго до этого Юрий Мерденов вместе с одним из представителей знаменитой династии наездников Ирбеком Кантемировым удивил мир цирка, исполнив рекордный трюк – «пролезание двух артистов под живот одной лошади».

Внимание режиссеров привлекало также актерское дарование Юрия Мерденова. Он неизменно исполнял главные роли в пантомимах, в которых участвовал их номер. Пресса, анализируя художественные достоинства этих пантомим, особо отмечала выступления конников: «Нередко на основе конных номеров создаются пантомимы, сюжетные сценки.

Юрий Мерденов. Фотоафиша.

Но чтобы показать отвагу наездников, вовсе необязательны остродраматический сюжет, изображения конного боя, погони и т.п. В номерах джигитов Кантемировых или Тугановых исполняются сложнейшие трюки, которые сами по себе передают и романтику боя, и бесстрашие лихих конников» [4, с. 4].

В составе номера под руководством Алибека Кантемирова Юрий Мерденов вырос настоящим мастером джигитовки, что, как уже отмечалось, позволило ему впоследствии создать свои конные номера и собственную неповторимую школу. Когда Юрий Петрович был приглашен в Азербайджан для работы над национальным конным номером «Джигиты Азербайджана», раскрылись новые грани его таланта и мастерства. В 1964 г. он приступил к репетициям в Бакинском цирке, и показанное им через год публике конное действо встало в один ряд с лучшими номерами в этом жанре.

Азербайджанцы всегда слыли искусными наездниками, испокон веков в народе были

популярны такие конные игры, как «Човган», «Сюрпапаг», «Алтунгабаг», «Бахарбенд», «Яйлыгоюну», «Папагоюну», «Джирид». Элементы из них Мерденов включил в сюжет своего номера, который был удостоен почетного диплома Всесоюзного конкурса артистов цирка. Позже «Джигиты Азербайджана» получали приглашения на зарубежные гастроли в Аргентину, Францию и Бельгию, принимали участие в этапных для циркового искусства спектаклях-пантомимах «Карнавал на Кубе», «Трубка мира», «Знак на скале», «Корчагинцы» и других.

В 1966 г. премьера цирковой пантомимы «Знак на скале», для участия в которой были привлечены лучшие творческие силы, стала событием в истории азербайджанского национального цирка. Юрий Мерденов и его партнеры не только продемонстрировали безукоризненное исполнение трюков, но и проявили высокое актерское мастерство, исполнив в пантомиме основные роли: Гочи (Ю. Мерденов), Сафарбек (С. Самедов), Салим (У. Амиров).

Ансамбль «Джигиты Азербайджана» получал восторженные отзывы прессы во всех городах, которые посещал с гастрольями. «Этот номер поражает высоким темпом работы, синхронностью выполняемых вдвоем и втроем трюков, хорошей эмоционально насыщенностью» [5, с. 1], «тепло встречают зрители появление стремительных, ловких джигитов. Руководитель группы и его воспитанники показали отличную вольтижировку, исключительно высокий темп. Аплодисментами награждается их заключительная огневая пляска» [3, с. 4]. В декабре 1967 г. на открытии нового здания Бакинского цирка в числе лучших номеров, собранных в программе, был и аттракцион «Джигиты Азербайджана». Номер также попал в знаковые художественные фильмы своего времени: «Мандат», «Именем революции», «Тревога», «Цвет граната».

Юрий Мерденов не прекращал творческие поиски и однажды открыл для себя

конную культуру кубанского казачества. «Казаки Кубани были исторически и культурно связаны с коневодством с незапамятных времен. Лихое наездничество – джигитовка, или, по-казачьи, „молодечество“, – было „визитной карточкой“ казака так же, как и любого другого степняка – воина и кочевника. Взаимное знакомство казака и лошади начиналось с самого раннего детства. По обычаю маленького казачонка первый раз сажали на коня уже в четырех-пятилетнем возрасте, так проходила своеобразная инициация будущего казака-воина. А в подростковом возрасте казаку дарили жеребенка – первого его собственного коня. Такой характер взаимоотношений предполагал высокие и специфические качества как всадника, так и лошади» [7, с. 195].

В 1973 г. совместно с дирекцией Краснодарского цирка Юрий Мерденов приступил к работе над аттракционом «Кубанские казаки». Хотелось создать по-настоящему

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ Ц И Р К

«ЗНАК НА СКАЛЕ»

ЦИРКОВОЙ СПЕКТАКЛЬ В 2-х ОТДЕЛЕНИЯХ

Авторы сценария:
С. Дадашев, М. Джебраилов, А. Курко,
Е. Рябчуков

Действующие лица и исполнители:

Аслан, почетный нефтяник, в прошлом пастух-крестьянин	— П. Братко, А. Расулов
Гюльджахан, его жена, в прошлом крестьянская девушка	— К. Голядзе, Ш. Бахшалиева
Джафар, артист цирка, Молла Насреддин, коверный, в прошлом крестьянский мальчик	— Дипломант Всесоюзного смотра искусства М. Поздняков, Х. Расулов
Шулы, зав. клубом	} в прошлом слуги Сафарбека
Гулы, распорядитель	
Сафарбек, богатый помещик	— А. Самедов
Гочи, телохранитель Бека	— Засл. арт. СОАССР Ю. Мерденов
Эмин, адвокат, друг Сафарбека	— А. Аскеров
Салим, наемник Сафарбека	— Умуд-Али
Старший стражник	— Ф. Фесенко
Кендирбаз, канатоходец	— Д. Залов
Сизандари, музыканты	— К. Даниэлян, С. Керимов, М. Цатурян

В массовых сценах:
нефтяники, пионеры, крестьяне, стражники, продавцы и покупатели, танцовщицы.

В ПРОГРАММЕ:

Темповые акробаты	— Расуловы
Балансеры на лестницах	— группа п/р. засл. арт. Грузинск. ССР Н. Голядзе
Гимнасты на турниках	— Копытины
Эквилибристи	— Н. Шубина и Т. Ахундов
Жонглер	— Х. Расулов
Вольтижеры на шарах	— группа п/р Б. Газарян
Танцы на проволоке	— Ш. Бахшалиева
Игра с орлами	— Алла и Густав Гавриловы
Пластико-акробатическая группа	— п/р Г. Падерина
Каскадеры	— А. Велиев, В. Ибрагимов, Р. Мовсумов
Музыкальные эксцентрики	— А. Аскеров и Д. Шварцман
Группа джигитов-наездников	— п/р засл. арт. СОАССР Ю. Мерденова
Клоунская группа	— К. Абдулаев, Г. Меликов, М. Поздняков
Ведущая	— Ш. Гаджиева

Режиссер-постановщик — Е. Рябчуков
(дипломант Всесоюзного смотра циркового искусства)

Композитор — Р. Гаджиев
(народный артист Азербайджанской ССР)

Художники — Э. Алмас-заде (засл. художник АзССР) и
А. Фальковский (лауреат Всесоюзного смотра циркового искусства)

Балетмейстер — А. Леонов (засл. арт. АзССР)

Дирижер — Б. Татишвили

Художественный руководитель коллектива — С. Шафиев.

Гортип., Симферополь, Горького, 8. 4-4-66 г., з. 5016, т. 3000. Цена 8 коп.

Программа спектакля «Знак на скале» (1966 г.)

Группа «Кубанские казаки». Афиша выступлений в Италии

современный номер, наполненный большим эмоциональным содержанием. Собирая коллектив, Юрий Петрович сделал основную ставку на молодых ребят из кубанских станиц и не ошибся в выборе. Его ученики, ведущие солисты аттракциона – Анатолий Баранов, Вячеслав Волосов, Михаил Дорохов, Юрий Лапшин, Илья Шанников, впоследствии стали выдающимися наездниками.

Весной 1974 г. на арене Краснодарского цирка состоялась премьера нового аттракциона, а осенью участники конного ансамбля демонстрировали свое искусство на манеже Московского цирка на Ленинских горах. «Аттракцион был не только набором сложных трюков, а художественным произведением. Труппа выезжала в костюмах в казачьем стиле и исполняла танцы с саблями. В исполнении артистов не было никаких ассоциаций с далеким прошлым, наоборот – максимальное приближение к современности. На манеж выезжали не герои стародавних времен, а современ-

ные парни и девушки, решившие блеснуть искусством джигитовки» [6, с.18]. Классические опасные трюки динамично сменялись демонстрацией казацкого оружия (шашек, нагаек) и выстрелами из ружей. Как символ славной истории кубанского казачества на манеже появлялась легендарная тачанка, запряженная тройкой лошадей. Аттракцион неоднократно побеждал в различных конкурсах. «Кубанским казакам» рукоплескал весь мир, они с большим успехом гастролировали в Европе, Америке, Австралии, были неперенными участниками гастролей в Японии. Свидетельством всемирного признания таланта Юрия Мерденова являются его высокие награды. Юрий Петрович – обладатель Гран-при мэра г. Филадельфии (США) как лучший артист зарубежной программы, Гран-при радио и телевидения Японии, Гран-при международных цирков Италии. На родине выдающийся мастер был удостоен почетного звания «Народный артист России».

Группа «Кубанские казаки». Афиша выступлений в Италии

Аттракцион «Кубанские казаки» более тридцати лет покоряет манежи мира, прославляя конные традиции кубанского казачества. В азербайджанском цирке дело выдающегося мастера продолжают его ученики. В 1987 г. появился конный ансамбль «Алов» под руководством Сабира Самедова, а в 2012 г. другой ученик Юрия Мерденова, Азер Гамзаев, создал группуджигитовна лошадяхкарабахской породы «Сувари», которая часто представляет Азербайджан на международной арене. В 2010 г.

ученик Сабира Самедова Джалал Джалалов создал конно-акробатическую группу «Джигиты огня», пользующийся большим успехом.

Таким образом, на примере творчества Ю. П. Мерденова мы убедились, что интернациональное по своей природе цирковое искусство способствует сближению культурных интересов разных народов и что в значительной степени именно оно составляет прочную основу российско-азербайджанских культурных связей.

Radzhab K. MAMEDOV

Creative Activities of Yuri P. Merdenov in the Context of the Russian-Azerbaijani Cultural Relations

Abstract. The article is devoted to the work of Yuri Merdenov, an outstanding master of jigitovka (trick riding), the creator of the world famous equestrian acrobatic groups Jigits of Azerbaijan and Kuban Cossacks, a National Artist of Russia. His activities are considered as a vivid example of Russian-Azerbaijani cultural relations in the field of circus art. The author notes that the formation of professional circus art in Azerbaijan was influenced by representatives of the Russian circus. Starting from the second half of the 19th century, performances of circus artists from Russia had unprecedented success with the local audience. Famous Azerbaijani circus artists – athletes Sali Suleiman and Rashid Yusifov, predatory animal trainer Alekper Farrukh and many others – performed as part of Russian

circuses. Despite the fact that Azerbaijan has centuries-old traditions of folk equestrian games, professional jigitovka in the national circus art appeared only in the Soviet period thanks to the efforts of Yuri Merdenov, a pupil of the “patriarch” of the Russian and Soviet jigitovka Alibek Kantemirov. Well-known as a fearless jigit and a talented actor, Merdenov, when creating the act of Jigits of Azerbaijan in the Baku circus, also proved to be an outstanding trainer and organizer. In 1964 he assembled young people without professional training into a team and created a truly artistic troupe, having achieved a delicate performance of complex stunts. The creative activities of Jigits of Azerbaijan is one of the bright pages of the national circus. The troupe successfully performed abroad, in Argentina, France, Belgium, took part in pantomime performances “Carnival in Cuba”, “The Pipe of Peace”, “A Sign on a Rock”, “Korchagintsy”, which were milestones in circus art. The Kuban Cossacks circus act, which Merdenov created in 1974, drew an artistic parallel between the Azerbaijan national equestrian plays and the traditional equestrian culture of the Kuban Cossacks. Despite the fact that the act had a completely different artistic and staging form, it retained the enthusiasm and the heroic image of a fearless horseman. Merdenov’s creative activities contributed to the further development of the genre of jigitovka in Azerbaijan. His pupils created excellent equestrian groups, such as Alov headed by Sabir Samedov (1987), Suvari (2012) by Azer Gamzayev. The international recognition of Merdenov’s achievements confirms the thesis about the international nature of circus art, which largely forms the basis of Russian-Azerbaijani cultural ties at present.

Keywords: cultural ties, circus art, equestrian plays, Alibek Kantemirov, jigitovka, Yuri Merdenov, Kuban Cossacks.

Использованная литература:

1. Асанов Л. В. В седле рожденный // Советский цирк. 1962. № 5. С. 26–27.
2. Котова Л. Т., Ермолаев Ю. М. Лихой джигит // Советская эстрада и цирк. 1972. № 5. С. 12–13.
3. Леонидов И. А. Знак на скале // Правда Севера. 1967. 2 июня. С. 1–4.
4. Лободин М. П. В бесстрашие и славу билет // Советская эстрада и цирк. 1971. № 12. С. 4–5.
5. Макаров К. К., Луцкий Я. С. Искусство братского народа // Крымская правда. 1966. № 95 (20 апреля). С. 1–4.
6. Николаев М. С. Кубанские казаки // Советская эстрада и цирк. 1978. № 11. С. 18–19.
7. Юрченко И. Ю., Юрченко Н. В. Феномен «конь и всадник» в повседневной культуре казачества юга России: проблема исторических источников и реконструкции казачьей джигитовки // Новая локальная история: по следам интернет-конференций 2007–2014. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2014. С. 193–200.

References:

1. Asanov, L.V. (1962) V sedle rozhdenny [Born in the saddle]. *Sovetskiy tsirk*. 5. pp. 26–27.
2. Kotova, L.T. & Ermolaev, Yu.M. (1972) Likhoy dzhigit [A dashing jigit]. *Sovetskaya estrada i tsirk*. 5. pp. 12–13.
3. Leonidov, I.A. (1967) Znak na skale [A sign on a rock]. *Pravda Severa*. 2 June. pp. 1–4.
4. Lobodin, M.P. (1971) V besstrash'e i slavu bilet [A ticket to fearlessness and glory]. *Sovetskaya estrada i tsirk*. 12. pp. 4–5.
5. Makarov, K.K. & Lutskiy, Ya.S. (1966) Iskusstvo bratskogo naroda [The art of a fraternal people]. *Krymskaya pravda*. 95 (20 April). pp. 1–4.
6. Nikolaev, M.S. (1978) Kubanskiy kazaki [Kuban Cossacks]. *Sovetskaya estrada i tsirk*. 11. pp. 18–19.
7. Yurchenko, I.Yu. & Yurchenko, N.V. (2014) [The “horse and rider” phenomenon in the everyday culture of the Cossacks of the south of Russia: the problem of historical sources and reconstruction of the Cossack jigitovka]. *Novaya lokal'naya istoriya: po sledam internet-konferentsiy 2007–2014* [New local history: In the wake of Internet conferences 2007–14]. Proceedings of the Conference. Stavropol: North-Caucasus Federal University. pp. 193–200. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Мамедов, Р. К. Российско-азербайджанские культурные связи в свете творчества Ю. П. Мерденова [Электронный ресурс] / Р. К. Мамедов // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 98–105. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.010

Full bibliographic reference to the article:

Mamedov, R. K. (2019) Creative Activities of Yuri P. Merdenov in the Context of the Russian-Azerbaijani Cultural Relations. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 98–105. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.010

ЧЕРНЯВСКИЙ Владимир Андреевич
профессор кафедры музыковедения, композиции
и методики музыкального образования
Краснодарского государственного института культуры
Краснодар, Российская Федерация
Vladimir A. CHERNYAVSKY
Prof., Department of Musicology, Composition
and Methods of Music Education, Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russian Federation
vladanch@yandex.ru

УДК [78:008-043.5]:37
ГРНТИ 18.41.91
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.011

**Взаимодействие
музыкальных культур
в контексте современных
проблем образования**

**Interaction of Musical Cultures
in the Context of Modern Problems
of Education**

Статья посвящена актуальной проблеме взаимодействия музыкальных культур в многонациональных регионах юга России. Автор рассматривает особенности традиционной музыки Ростовской области, Ставрополья, Астрахани, Кубани, Карачаево-Черкессии, Адыгеи и подчёркивает, что её органичное вхождение в академическое искусство происходило в специализированных учебных заведениях – музыкальных училищах и музыкальных педагогических институтах. Привлекавшиеся для работы в них педагоги, переплавляя в единое художественное целое местный фольклор и традиции академической музыки, создавали благоприятные условия для формирования нового поколения музыкантов, в произведениях которых находит свое подлинное воплощение диалог культур. Этот опыт, приходит к выводу автор, может быть взят на вооружение современной системой музыкального образования, в связи с чем изучение вопроса не должно прекращаться.

Ключевые слова: музыкальное образование, культура, южный регион, музыкальный фольклор.

В условиях глобализирующегося мира, занятого поиском общей платформы для культурного диалога, музыка оказывается одним из ярчайших образцов межкультурного взаимодействия. С этой точки зрения музыкаль-

ное наследие России, которое отличается многообразием национальных школ, может рассматриваться как своего рода опытная лаборатория, в которой происходит непрерывное взаимовлияние одной культуры на другую,

сопровожающееся их неизменным обогащением. В числе наиболее ярких представителей диалога культур назовем Б. В. Асафьева, осуществившего взаимодействие русского и татарского мелоса («Бахчисарайский фонтан»), М. А. Балакирева, представившего диалог русской и кабардинской музыкальных культур («Исламей»), Е. Г. Брусиловского, показавшего своеобразие русского и казахского фольклора («Кыз-Жибек»), М. П. Мусоргского, опирающегося на русские и украинские песни («Сорочинская ярмарка»).

Помимо локального диалога, развиваемого в рамках российской культуры, глобальный диалог, инициируемый взаимодействием Запада и Востока, обнаруживает себя в творчестве М. И. Глинки («Руслан и Людмила»), А. П. Бородина («Князь Игорь»), Н. А. Римского-Корсакова («Золотой петушок», «Шахерезада»). Очевидно, что в своих произведениях наши соотечественники не просто обращались к восточным темам, подчёркивая характерную интонацию, ладовые тяготения или же ритмические изыски, но и создавали новый образ Востока, музыкальная палитра которого была особенно притягательной, поскольку в качестве «художника» выступал представитель русской культуры.

В данном контексте особого внимания заслуживает опера А. П. Бородина «Князь Игорь», в которой композитор создал обобщенный образ Востока с его орнаментальностью, терпкостью мелодической линии и пряными гармониями. Не случайно фрагменты оперы, связанные с половцами и приметами половецкой культуры, так пленительны для современных музыкантов, в том числе представителей популярной массовой музыки. Достаточно назвать сборник «The Rhapsody Overture», в одной из композиций которого его автор Warren Griffin объединил рэп и русскую классику (имеется в виду хор «Улетай на крыльях ветра» из оперы Бородина «Князь Игорь»).

Знаменательно, что заложенная несколько столетий назад традиция продолжается и в наше время. Для аргументации данной позиции остановимся на специфике музыкальной культуры юга России, характеризующейся плодотворным взаимодействием ака-

демической музыки и фольклора. Речь идет о традиционной музыке, место бытования которой – Ростовская область, Ставрополье, Астрахань, Кубань, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Адыгея. Она представлена в таких музыкальных образцах, как:

- казачьи песни,
- русские народные песни,
- песни горцев,
- армянские наигрыши на свадебных торжествах,
- калмыцкие народные песнопения,
- песни волжских рыбаков,
- песни немцев Поволжья.

Становление культуры диалога, посредством которого песня и инструментальный наигрыш как неотъемлемые составляющие жизни населения южных регионов нашей страны органично входили в академическое искусство, происходило в специализированных учебных заведениях – музыкальных училищах и музыкальных педагогических институтах. Для их полноценного функционирования привлекались лучшие педагоги, получившие образование в столичных вузах. Приобщаясь к мелосу коренных народов, а также тех, для кого, подобно волжским немцам, русские земли стали второй родиной, вовлекая в творческую практику народные инструменты (доул, дудук, пандури тар, шви, зурна, ширванский тамбур, кавказская гармоника, шичепшин, дала фаендыр, ребаб, саз и т.д.), переплавляя в единое художественное целое местный фольклор и традиции академической музыки, наследники русской школы создавали благоприятные условия для формирования нового поколения музыкантов.

Так, в 1968 г. в Ростове-на-Дону был открыт Музыкально-педагогический институт (впоследствии Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова). В его стенах под руководством опытных наставников студенты – будущие композиторы и музыковеды, а также исполнители осваивали богатейшую культуру родного края, вырабатывая навыки профессионального мастерства. Композиторы приобщали к музыкальным традициям своим творчеством – обработками народных песен, вариациями на популярные в народе мелодии, создавали крупные музы-

кальные произведения на региональном материале (сюиты, поэмы, симфонические танцы). Исполнители пропагандировали создаваемые в процессе сочинения музыки произведения авторов региона, а музыковеды посредством исследований, раскрывающих уникальность народной музыки, ее непреходящую ценность и подлинность выражаемого в ней духа народа, обеспечивали прирост теоретического знания о профессиональной и народной региональной музыке.

Обобщая результаты совместной работы педагогов и студентов, обогатил свой репертуар после реорганизации в 1970 г. Ансамбль донских казаков (руководитель А. Н. Квасов), выступления которого вызывали неизменный восторг со стороны самой требовательной слушательской аудитории. В целом творчество ростовских композиторов представлено довольно широко: от песни до симфонии. Свидетельством жанрового многообразия служат следующие данные. Ростовский композитор А. П. Артамонов (1906-1994) написал 13 симфоний, Л. П. Клиничев (1937) – балет «Тихий дон» и оперу «Цыгане», В. С. Ходош (1945-2016) – оперы «Беззащитное существо», «Ведьма», «Медведь», созданные по мотивам чеховских рассказов, А. И. Кусяков (1945-2007) – симфонию «Осенний ноктюрн» и др.

С появлением в 1969 г. консерватории в городе Астрахани оказался возможным культурный диалог, связавший музыку волжских татар, калмыков, казахов, немцев. Значительный пласт бытующего в данном регионе фольклора, записанного в рамках научно-исследовательских экспедиций на магнитофонную пленку и впоследствии зафиксированного в нотном тексте посредством расшифровки, осуществленной музыковедами, оказался в творческой копилке композиторов региона. В частности, благодаря деятельности музыковедов стало доступно наследие казахского музыканта Курмангазы Сагырбайулы (1918-1989), который в своем творчестве обращался к образам, сохранившимся в легендах и народных сказаниях. Богатое творческое наследие оставили астраханские композиторы А. И. Блинов (1945-2006), Ю. П. Гонцов (1946). Обращение к татарской музыке, отмеченной проникновенным лиризмом, необычайной

нежностью мелодического языка, танцевальностью, истоки которой в гармошечных наигрышах, позволило астраханскому композитору-самородку Тельману Сармульдиеву создать фортепианную сюиту «Лотос» (1970).

Многие выпускники Астраханской консерватории после окончания вуза стали работать в соседней Калмыцкой АССР, что положительно сказалось не только на музыкальном творчестве, но и на изучении песенного и танцевального наследия потомков Великого Джангара. Неповторимость калмыцкого фольклора, древность культуры, сохранившейся до наших дней, находят свое воплощение в песнях Утт дун (длинная песня) и Ахр дун (короткая песня), возраст которых свыше шестисот лет. Именно Утт дун и Ахр дун отражают многовековую историю сочинившего их народа, жизнь кочевников с особенностями их языка, мелодии, танца и сказок (последние стоят на втором месте после сказок Индии в мире). Музыковеды и композиторы, познакомившиеся с творчеством этого народа, единодушны в оценке своеобразия калмыцкой песни. Отличаясь богатством ладов (миксолидийский, дорийский, диатоника и пентатоника), калмыцкая песня, как правило, одноголосна. Несмотря на редкие кварты в подголоске, эта музыка лишена гармонии, что создает определенные трудности в процессе инструментальных обработок калмыцких песен. Тем не менее профессиональный композитор П. О. Чонкушов (1930-1999) справился с данной задачей: расположив народную мелодию по вертикали, он таким образом создал базу для ее музыкально-гармонического развития.

Взаимопроникновение разных музыкальных культур хорошо заметно на примере калмыцкой народной танцевальной мелодии чичирдык, рожденной в одной из станиц близ Ростовской области, которую населяли выходцы из Украины и находящиеся на царской службе калмыки. Она воплощает собой соединение украинского и калмыцкого фольклора. Восточный дух со временем вытеснил из этой мелодии некогда присущий ей европейский характер украинского гопака. Но его приметы всё ещё опознаются в построенном на субдоминантовой гармонии припеве. В целом анализ современной песенной культуры калмы-

ков позволяет утверждать, что ее становление проходило под влиянием русских и украинских песен, а также музыкального творчества Поволжья и Северного Кавказа, в случае, когда эти народы жили в территориальной близости друг к другу [4].

В 1903 г. в городе Ставрополе было открыто музыкальное училище. Важность этого события обусловлена тем, что Ставрополье – регион, в котором в тесной взаимосвязи находятся терские и линейные казаки, туркмены, о значительности диаспор которых говорит название одного из районов Ставрополя (Туркменский район), армяне, карачаевцы, черкесы, даргинцы. Песенная и танцевальная культура этого региона обращает на себя внимание яркой самобытностью. Она уходит корнями в период создания защитной линии от Тамани до Георгиевска, осуществлённого в эпоху А. В. Суворова. На протяжении десятилетий, начиная с 50-х гг. XX в. Ставропольское хоровое общество (руководитель А. И. Куцупал) привлекало преподавателя Ставропольского музыкального училища Л. Якоби, музыковедов института им. Гнесиных Л. Антипову, Т. Латышеву, И. Колотыгину, И. Шлюгера для записи народных песен Ставрополья. Собранный материал был опубликован таким образом, что 100 народных песен увидели свет в 2005 г., еще 100 – в 2007-м, из них 50 песен были записаны Е. Колесниковым. Столь ценное для культуры Ставрополья издание было осуществлено композитором В. А. Чернявским [5], [6].

Собиратель фольклора терских казаков Ефим Колесников (XIX-XX вв.) очень точно определил влияние на песни казаков горских мелодий. «Пение хоров терского казачества, – писал он, – отличается высоким тоном, tessitura крайняя для теноров и очень низкая для басов, громадное влияние имеет горская интонация, появился европейский дух, привнесённый офицерами, которые работали с хорами» [2, с. 34].

Открытие на Кубани так называемых классов РМО (Русское музыкальное общество), иницируемое А. Д. Бигдаем [1], было весьма примечательным вследствие того, что Краснодарский край во все времена был и остаётся центром музыкального притяжения многих

народов, привнесших в местный колорит характерную для каждого из них неповторимость. Яркий след на музыкальной карте Кубани оставили черноморские казаки – выходцы из Украины. Благодаря армянам, грекам, ассирийцам, адыгейцам сложилась особая, характерная только для данного региона музыкальная культура. Ее сохранение и приумножение стало делом всей жизни руководителя Кубанского казачьего хора Г. М. Концевича (1863-1937), который собрал более 300 песен кубанских казаков и 300 песен и наигрышей адыгейцев. Позже эту миссию возложил на себя В. Г. Захарченко (1939) – нынешний художественный руководитель хора, пропагандист кубанской песни, известной своим широким диапазоном и исторической памятью, пламенным характером и тонким лиризмом.

Сегодня ядро Краснодарского отделения Союза композиторов России составляют профессионалы, свободно владеющие самыми разными музыкальными жанрами, в которых находит свое воплощение диалог культур. В частности, в творчестве В. А. Чернявского (1947) мы находим оперу-действие «Казачий кордон», соединившую в себе русский, украинский и адыгский мелос, а также балет «Легенда синих гор», в котором доминируют интонации, характерные для калмыцкого фольклора. В творчестве кубанского композитора М. В. Водопьянова-Беруашвили (1960) – ораторию «Исторические картины Кубани» на стихи И. Вараввы, в которой можно услышать песенные интонации русского казачества, адыгских абадзехов, аланов. Композитор В. М. Волченко (1946) широко использовал украинский и казачий мелос в увертюре «Край привольный казачий» для оркестра русских народных инструментов, в «Кубанской рапсодии» и «Казачьей кавалерийской».

Развиваемая и закрепляемая в профессиональной среде установка на межкультурное взаимодействие, поддерживаемая администрацией и коллективом преподавателей Краснодарского музыкального училища и Консерватории Краснодарского государственного института культуры находит свое продолжение в работе выпускников. Имеются в виду учителя общеобразовательных школ, отвечающие за качество преподавания предмета «Кубано-

ведение», а также преподаватели детских музыкальных школ и школ искусств. Так, например, в диссертационном исследовании Е. Е. Рыбалко «Толерантность как принцип культурной политики» [3], которое прошло защиту в стенах Краснодарского государственного института культуры и искусства (ныне – Краснодарский Государственный институт культуры) автор делится опытом изучения в рамках

теоретических дисциплин фольклора адыгов, армян, казахов и др., представленного на уровне песен обрядового цикла.

Все это позволяет новому поколению россиян приобщаться к традициям своего народа с полным осознанием того, что знакомство с культурой другого народа с неизменноостью обогащает собственную культуру, расширяя границы мировосприятия.

Vladimir A. CHERNYAVSKY

Interaction of Musical Cultures in the Context of Modern Problems of Education

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of the interaction of musical cultures in the multinational regions of Southern Russia. In the context of the growing globalization, the search for ideas that can become the basis for intercultural dialogue is becoming relevant. In these conditions, music can be considered as the clearest example of a powerful resource for creating and strengthening the space of interethnic interaction. Russian musical heritage is enormous in its characteristics, distinguished by the wealth of national schools. This heritage is a unique laboratory in which distinctive cultures constantly experience mutual influence thus enriching each other. The author notes that Russian composers constantly turned to Oriental themes not only reflecting the corresponding musical specifics, but also creating a new image of the East in the eyes of their compatriots, acting as “artists” carrying Russian culture. Currently, this tradition continues, which is shown by an example of the musical culture of the South of Russia, whose development reflects the constant interaction of academic music and folklore. The culture of dialogue, which made the integration of traditional music and academic art possible, originated in specialized educational institutions. The first of these institutions was the Music and Pedagogical Institute (later Rostov State Rakhmaninov Conservatoire), which trained composers whose works expressed all musical forms and genres. The joint work of teachers and students in the early 1970s positively reflected in the work of the Ensemble of Don Cossacks. The founding of Astrakhan State Conservatory (1969) became an important link in the formation of the space for cultural interaction between the peoples of the region (Kalmyks, Volga Germans, Kazakhs, Volga Tatars, etc.). Of great importance for the work of local composers were folklore works recorded on tape during ethnographic expeditions and then decrypted in the form of musical notation. Of considerable importance was the activity of graduates of Astrakhan Conservatory in the neighboring Kalmykia. According to composers and musicologists, the traditional music of the Kalmyk people is notable for its significant originality. One example of cultural interaction in the musical sphere is the Kalmyk dance melody Chichirdyk, which appeared in one of the villages populated by Kalmyks and Ukrainians. In Stavropol Krai, the opening of Stavropol School of Music in 1903 had a positive impact on the local traditional song and dance culture. The musical tradition of this region began to form during the period of active development of the region by the East Slavic population since the end of the 18th century. Краснодар Krai is the center that has been attracting many ethnic groups, each of which brought its own unique shade to the local musical palette. The carriers of ethnic cultures that actively influenced the formation of the musical picture of the region were the Adyghe, Black Sea Cossacks, Armenians, Greeks, Assyrians and many other peoples. Currently, the Краснодар Branch of the Union of Composers of Russia includes professionals who are fluent in various genres of music and embody the ideas of dialogue of cultures in the form of musical works.

Keywords: musical education, musical composition, culture, South of Russia, musical folklore, academic music, Rostov Conservatoire, Astrakhan Conservatory, Kalmykia, Stavropol Krai, Краснодар Krai.

Использованная литература:

1. Аникиенко С. В. М. Ф. Гнесин в Краснодаре: сквозь призму времени: монография. Краснодар: ИП Вольная, 2017.
2. Колесников Е. Песенное искусство терских казаков. Ставрополь: [б. и.]. Семейный архив Е. Колесникова (рукопись, 1960-е гг.).
3. Рыбалко Е. Е. Толерантность как принцип культурной политики: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – теория и история культуры. Краснодар, 2012.
4. Цебеков Л. Сто калмыцких народных песен. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991.
5. Чернявский В. А. Казачьи песни Ставрополя. Ставрополь: Интеллект; Юрkit, 2007.
6. Чернявский В. А. Венок Ставрополя: сборник народных песен. Краснодар: Эоловы струны, 2005.

References:

1. Anikienko, S.V. (2017) *M.F. Gnesin v Krasnodare: skvoz' prizmu vremeni* [M.F. Gnesin in Krasnodar: through the prism of time]. Krasnodar: IP Vol'naya.
2. Kolesnikov, E. (c. 1960s) *Pesennoe iskusstvo terskikh kazakov* [The song art of the Terek Cossacks]. Stavropol: [s.n.]. Family archive of E. Kolesnikov (manuscript, 1960s).
3. Rybalko, E.E. (2012) *Tolerantnost' kak printsip kul'turnoy politiki: regional'nyy aspekt* [Tolerance as a principle of cultural policy: A regional aspect]. Abstract of Culture Studies Cand. Diss. Krasnodar.
4. Tsebekov, L. (1991) *Sto kalmytskikh narodnykh pesen* [One hundred Kalmyk folk songs]. Elista: Kalmytskoe kn. izd-vo.
5. Chernyavskiy, V.A. (2007) *Kazach'ipesni Stavropol'ya* [Cossack songs of the Stavropol region]. Stavropol: Intellect; Yurkit.
6. Chernyavskiy, V.A. (2005) *Venok Stavropol'ya: sbornik narodnykh pesen* [The wreath of the Stavropol region: A collection of folk songs]. Krasnodar: Eolovy struny.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чернявский, В. А. Взаимодействие музыкальных культур в контексте современных проблем образования [Электронный ресурс] / В. А. Чернявский // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 106–111. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.011

Full bibliographic reference to the article:

Chernyavsky, V. A. (2019) Interaction of Musical Cultures in the Context of Modern Problems of Education. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 106–111. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.011

CAUCASICA. КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

ДМИТРИЕВ Владимир Александрович
доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
отдела Кавказа и Средней Азии
Российского этнографического музея
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir A. DMITRIEV
Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology, Anthropology), Top-Grade Researcher,
Department of the Caucasus and Central Asia
Russian Museum of Ethnography,
Saint Petersburg, Russian Federation
dmitriev_home@mail.ru

УДК [719:625(51)]+39(479)
ГРНТИ 13.91.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.012

Этнография Кавказа и культурное наследие Великого Шелкового пути

Ethnography of the Caucasus and the Cultural Heritage of the Great Silk Road

В статье исследуется связь объектной зоны этнографической науки, народной традиционной культуры и историко-культурного наследия как формы современной актуализации культуры прошлого. В качестве модели этнографического изучения культурного наследия рассматриваются последствия для региональной культуры народов Северного Кавказа деятельности местной трассы Великого шелкового пути – самой крупной евразийской трассы эпохи Древности и Средневековья. Основой подхода является представление региональных участков трасс великих путей Евразии как культур-геоценозов, сложение культурного наследия в которых имеет как местные корни, так и последствия их включения в большой культур-геоценоз Великого шелкового пути. В пределах региональной культуры народов Северного Кавказа такими культур-геоценозами признаются части ареалов шелководства и шелкоткачества на Кавказе и крупные ареалы высокогорья (область башенных памятников Большого Кавказа) и предгорий Северного Кавказа (районы, входившие в социально-политическое пространство Великой Черкесии).

Ключевые слова: этнография, традиционная культура, культурное наследие, Северный Кавказ, Великий шелковый путь, геоценоз.

Предметом этнографической науки являются различающиеся культурные формы, которые существуют благодаря традиции. В основном этнография изучает памятники культуры, относящиеся к последним двум столетиям, что соответствует возможностям методов науки. Культуры более раннего времени изучаются с опорой на исторические свидетельства прошлого и археологические источники. Ими занимаются историческая этнография и методология исследования старописьменных культур, а также имеет свое применение этнологическая реконструкция, выводящая прошлую форму традиции из наблюдаемой исследователями формы. В целом движение от настоящего и недавнего прошлого к давнему прошлому определяется ретроспективным подходом.

Ретроспективный подход дает возможность объяснения некоторой части явлений прошлого, которые присутствуют или получили отражение в памятниках культуры, доступных нашим современникам и вызывающих у них интерес. В то же время выявляемая актуальность памятников истории, к каким бы категориям культуры они ни принадлежали, требует их трактовки более как наследия, то есть части современности с исторической оценкой их качества и происхождения.

Культура настоящего времени аккумулирует в соответствии с традицией результаты процессов и явлений, участвовавших в ее генезисе, включая как факторы собственно традиции, так и внешние влияния, и превращает обстоятельства прошлого в современные культурные формы. В этнографическом познании часть явлений прошлого, вошедшего в современную культуру, определяется как пережитки, то есть имманентные культуре остаточные элементы, актуальность которых утрачена или находится под сомнением. В состав пережитков входят реликты, дериваты и реституты, [32, с. 92–100], различие которых показывает жизнестойкость компонентов традиции, отмеченных давним генезисом. Еще одним доказательством того, что прошлое продолжает играть конструктивную роль в современности, является признание роли народной (этнической) памяти, формирующей современное групповое само-

сознание [44, с. 140–167], и присутствие явлений фольклоризма, сплошь маркирующих современную народную культуру [42]. Включение в этническую сферу культуры модерна определяется тем, что культурный традиционализм не препятствует развитию модернизационных структур, но является одним из условий модернизации. [30, с. 19]. Пережитки и фольклоризм, наряду с этнически окрашенными явлениями культуры модерна, являются факторами этнического и регионального своеобразия, вследствие чего имеют преимущественно внутреннюю ценностную оценку. Третья часть современной культуры шире собственно этнического поля и частично выводится за область внутренних оценок, так как может претендовать на принадлежность к общемировой культуре. Она представляет собой категорию наследия, которая имеет локальное выражение, но была порождена воздействием более крупных феноменов. Согласно Федеральному закону № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», таковыми признаются объекты недвижимого имущества и иные объекты с исторически связанными с ними территориями и различными произведениями культуры (в самом широком смысле), возникшие в результате исторических событий и представляющие интерес для широкого комплекса наук, являющиеся историческими свидетельствами и подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры. Объекты культурного наследия категоризируются как памятники (постройки и сооружения), ансамбли (комплексы памятников) и достопримечательные места (разнообразные творения природы и человека, составляющие открытый список, включающий в себя объекты этнографии / народоведения) [41]. Данный подход, ориентированный на внимание к объектам, вписанным в локальные ландшафты, может быть расширен за счет привлечения объектов нематериального наследия, сплошь и рядом, оказывающихся этнографическими реалиями. Об этом четко сообщает концепция нематериального наследия: «Нематериальное культурное наследие Российской Федерации представляет собой обычаи, формы представ-

ления и выражения, навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Нематериальное культурное наследие проявляется в таких областях, как устные традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, празднества, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами...» [21].

Одной из попыток представить этнографические реалии в виде традиций народов России как наследия далеко отстоящей во времени эпохи, актуализирующегося в проектируемых туристических дестинациях, является проект, направленный на выявление наследия Великого шелкового пути (ВШП) в традиционной региональной культуре народов России. Использование категории наследия не только позволяет преодолеть временную лагуну между историческим периодом деятельности ВШП (II в. до н. э. – XIV–XVII вв. н. э.) и современностью, но и требует это сделать.

Термин «Великий шелковый путь» был предложен немецким географом Рихтгофеном в 1877 г. для обозначения сети транспортных маршрутов, соединявших в Древности и в Средние века Восточную Азию с бассейном Средиземного моря. Эта трасса являлась крупнейшей транспортной и торговой магистралью, проходившей через весь Евразийский континент и способствовавшей созданию в свое время мощного фонда межкультурного обмена [7, с. 224–228; 14; 24; 25; 26, с. 88–100; 33; 36], который интенсифицировал процессы локального культурогенеза. Сама трасса ВШП использовала возникшие ранее в каждом регионе собственные сети локальных и дальних маршрутов, что открывало эти регионы для внешних цивилизационных воздействий [4, с. 69–75; 5, с. 330–332]. Китайские средневековые источники свидетельствуют о «северной» трассе ВШП (к северу от Каспийского моря), «средней» (через Малую Азию) и «южной» (на Дамаск и Иерусалим). Ферганский и Хорезмийский путь закольцовывались на севере степной трассой, которую бы и следовало называть северной ветвью ВШП. В данном случае она для нас является основным гео-

графическим измерением, так как пролегла по современной российской территории. При этом ее маршрут совпадал с так называемым степным коридором Евразии, что позволяет говорить об участии кочевников в поддержании деятельности дальних торговых путей континента [22, с. 56–68; 23].

Особым историческим феноменом является то, что в российском современном пространстве существует поле объединения двух великих магистралей – северной Евразии Великого Шелкового пути и Великого Волжского пути (ВВП).

Формами включения наследия ВШП и ВВП в достояние фонда культуры наших современников являются направления научной и научно-практической деятельности, такие как:

- проведение научно-исследовательского изучения памятников природного и культурного наследия народов России и сопредельных стран в зоне функционирования ВШП ВВП;
- развитие деятельности природных и историко-культурных заповедников, музеефикация культурного наследия по трассе Великого шелкового и Великого Волжского путей Евразии;
- презентация местного (локального, регионального, краевого, республиканского, областного и т. д.) своеобразия, развитие внимания к повседневным формам национальной культуры, указывающим на жизненность исторического наследия;
- развитие туристических дестинаций, выстроенных с учетом использования и сохранения наследия исторического прошлого, [16, с. 294–313];
- представление региональных участков трасс великих путей Евразии как культур-геоценозов, в наследии которых обнаруживаются и местные особенности, и последствия включения в большой культур-геоценоз ВШП и ВВП. Историография ВШП и ВВП позволяет представить их как большие культурные трансландшафтные геоценозы [6, с. 330–332; 45, с. 49–64].

Важнейшими признаками такого большого геоценоза являются межэтническое взаимодействие славян, финно-угров, тюрков

северной Евразии, народов Сибири и межконфессиональное взаимодействие православия, северного ислама (с центром в Татарстане и Башкирии) и северного буддизма (ламаизм Монголии, Бурятии, Тувы, Калмыкии). Северная трасса Великого шелкового пути, во взаимодействии с магистралью Великого Волжского пути, составила в исторической ретроспективе пространство территориального формирования Российской государственности. В северной трассе ВШП выделяются локальные геоценозы: Южная Сибирь, Зауралье (до Прииртышья), Нижнее и Среднее Поволжье, Кавказ и Предкавказье. Для каждого из регионов можно выделить главную цивилизационную характеристику, представляющую его в системе евразийской целостности, что является наследием дальних связей, в том числе получивших толчок в результате действия ВШП. Такими характеристиками являются:

- для Южной Сибири – китайское влияние в культуре и образование периферийного очага ламаизма, для позднего времени – путь торговли чаем [1; 2; 3; 18].
- для Южного Зауралья – активность кочевников на краю степного коридора Евразии и образование транспортных путей, в поздние времена оформившихся как Московско-Сибирский тракт и далее – Транссибирская магистраль [20; 35; 37; 38];
- для Поволжья – образование узла ВШП и ВВП, становление влиятельного в экономическом и культурном отношении центра Булгар-Казань [17; 43, с. 39–58];
- для Кавказа – обеспечение связи между бассейнами Каспийского и Черного морей, создание на Северном Кавказе для этого пространств со специфическим культурным наполнением (местных геоценозов ВШП) [19, с. 203, 213, 230, 267, 281–282, 306–308, 355–359, 385–386].

Во всех регионах присутствуют внебытовая и бытовая формы этнокультуры. Во внебытовой форме главными являются такие категории, как памятники, ансамбли и достопримечательные места. К ним примыкают музейные экспозиции, культурно-развлекательные центры, так называемые частные и домашние музеи.

Бытовая форма этнокультурной реальности имеет две разновидности – инновационную и традиционную. Инновационная разновидность на настоящий момент преимущественно представлена ресторанами национальной кухни, а также различного рода мероприятиями-перформансами, рассчитанными на привлечение туристов и внешне сохраняющими форму этнического праздника или разновидности традиционного промысла.

Традиционная разновидность бытовой этнокультурной реальности целиком принадлежит к категории наследия, но не имеет, на наш взгляд, необходимой в данном плане актуализации, в том числе из-за недостаточной проработки ее историзма. Внимание к наследию ВШП позволяет это сделать.

Наследие ВШП, как представляется, состоит из следующих категорий культуры современности, существующих в локальных вариантах и в пределах всего пространства трассы:

- прямые памятники прошлого, возникшие во время функционирования ВШП на местных транспортных путях (архитектурные памятники Древности и Средневековья, материалы, современные ВШП и перешедшие в археологические памятники и источники);
- региональные шелководческие и шелкоткацкие практики, индуцированные распространением шелка;
- региональные феномены культуры (геоценозы ВШП), вызванные внешним влиянием (вследствие связи регионов Евразии в пространстве ВШП как звеньев его цепи).

В функционировании Северокавказской ветви ВШП в Средние века играл важную роль ввоз шелковых предметов в регион. В результате находками шелковых тканей маркируются контролируемые местным населением участки перевальных путей (Дагестан, Северо-Западный Кавказ и др.)

Представим на примере северокавказского региона характеристики этнографического наследия ВШП.

Одна из них – это включение в традиционные промыслы таких занятий, как выращивание шелковичного червя и изготовление изделий из шелковых нитей. Шелководство концентрировалось в лесистых предгорьях

Северо-Восточного и Восточного Кавказа, причем для Северного Прикаспия, Кумыкии и равнинной Чечни имело большое значение производство грены. Последний промысел был доведен до такого состояния, что возникла специфическая и характерная только для данного региона мера объемовеса – наперсток с греной шелкопряда. Центральный и Западный Кавказ были зонами, в которых не практиковалось шелководство, а в Абхазии, климатически удачной для разведения шелковичного червя, даже сложился религиозный запрет на этот промысел [29, с. 70]. Шелкоткачество, в том числе набойный промысел, локализовалось в конце XIX в. на Южном Кавказе, включая Южный Дагестан. На Северном Кавказе было известно только плетение женских шалей из шелковых нитей, как в Кабарде и Осетии.

Следует также отметить присутствие в регионе ареалов промыслов обработки меди (Лагич и Шемаха) и ковроткачества, которые совпадают с пространством каспийской ветви ВШП на Кавказе. Из Лагича изделия шли по Каспийской трассе, из Шемахи – по Куринской долине, через которую проходила Южно-Кавказская трасса ВШП. Сходным образом цепочка ареалов ковродельческих центров Кавказа образовывала линии: азербайджано-дагестанскую по Каспийскому пути, шемахинско-казахскую в южно-кавказском направлении и армяно-анатолийскую в продолжение южной трассы ВШП, проходившей от Китая через Центральную Азию и Иран.

Важнейшей точкой на Каспийском пути был Дербент, где сходились несколько региональных торгово-транспортных путей Кавказа [8, с. 18–24]. Через Дербент шло снабжение северокавказского региона товарами южного происхождения, вследствие чего в нем находились перевалочные склады армянских и грузинских купцов, и сюда стекались продукты горской экономики. [39, с. 20–23]. Производным от действия трасс торговых путей, проходивших через побережье Каспийского моря, выступает концентрация пунктов меновой торговли с горцами в полосе рядом с прибрежной линией между Астраханью и Дербентом, особенно в нижнем Потеречье.

Известно, что с раннего Средневековья существовала дорога, входившая в региональ-

ные трассы ВШП и уходившая в обход Каспийской трассы ВШП в центральный Дагестан и далее в Восточную Грузию, доходя до Северокавказской дороги через территорию Чечни. Качество дорог по дагестанским горам, например, имело высокую оценку, что отразилось в русских источниках высказыванием «дорога добре добра» [34].

С ареалом, существовавшим вокруг этой внутридагестанской дороги и общим воздействием кавказских трасс ВШП можно связать развитие сети аулов Дагестана, сложившихся в профилированные художественно-ремесленные центры. Данная сеть в пространстве Восточного Кавказа продолжила ареал городов Азербайджана, но уже в форме периферии городской культуры Южного Кавказа и Ирана. Косвенным доказательством причастности данной дороги к внедрению в горный Дагестан художественной культуры шелка является феномен так называемых «кайтагских вышивок» [46].

Определяющими в трактовке дагестанских аулов – художественно-ремесленных центров как явления, генезис которого связан с широким контекстом внешних связей, реализовавшихся через торгово-транспортную магистраль Каспийского пути, являются характеристики Дагестана как контактной историко-этнографической области. Дагестан является признанным перекрестком цивилизаций [27, с. 18; 11, с. 68–72], выделившимся в особенности тем, что вся его ремесленная продукция признается художественным явлением с широчайшей областью сбыта. В оценке дагестанских ремесел как явления собственного генезиса, тем не менее, имеет большое значение признание наличия исторических художественно-технологических связей дагестанских художественных промыслов с очагами декоративно-прикладного искусства Ирана и Передней Азии, особо отразившихся в ремесленном творчестве кубачинских мастеров [9, с. 417–433; 12, с. 29–35].

При анализе прохождения ВШП в регионе Северного Кавказа обычно рассматривается Северокавказская, или так называемая Османова, дорога – трасса, проходившая от Тамани на западе до Дагестана на востоке. Тамань вместе с Крымским полуостровом со-

ставляли узел, где кавказские дороги и линии трасс степной части Евразии переходили в морской путь Черного и Средиземного морей. В Дагестане Северокавказский путь вливался в Каспийский, тем самым доходя до Дербента. Признанным является также то, что от этой дороги в южном направлении постоянно использовались пути, направленные к перевалам Большого Кавказа. Сама же Северокавказская дорога проходила по линии бассейнов Кубани и Терека – фактической границе горского и степного миров. Учитывая, что для горцев линии обеих рек были символической границей их мира, следует полагать, что действие Северокавказской трассы было более в ведении кочевников Предкавказья, а ответвления входили в пространство горского мира. Однако мы полагаем, что и между линией данных рек и Кавказским хребтом были широтные пространства большой протяженности, связанные не столько с местными дорогами, сколько с их включением в зоны крупномасштабного воздействия. Подход позволяет выдвинуть гипотезу о связи с влиянием ВШП генезиса двух макрокультурных ареалов Северного Кавказа: ареала памятников материальной культуры в виде башенной архитектуры и ареала социально-властного действия, получившего название Великой Черкесии.

В выделении первого ареала на Большом Кавказе отмечено распространение специфических архитектурных конструкций, получивших по их внешнему виду название башен. Обе их разновидности, боевые и жилые башни, имеют жилищно-фортификационное назначение и датируются периодом от позднеаланского времени до начала эпохи вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи. Большинство исследователей рассматривают их как дома-крепости, строительство которых отвечало условиям межобщинных конфликтов и, следовательно, считают материализованным признаком горского феодализма. В несколько ином отношении башенные конструкции признаются архитектурными сооружениями, реализовавшими представления горского менталитета об устремленной в небо вертикали, входящей в тот же семантический ряд, что и домашние святыни – опорной столб и очажная цепь, и

формировавшей конструкции, презентующие axis mundi в триаде низ – середина – верх, которую образуют подземный мир чудовищ и пленников-чужеземцев – земной мир людей – верхний мир богов, или временная последовательность прошлое – настоящее – будущее. [40, с. 40–54].

Мы рассматриваем башни на локальной трассе ВШП не только как укрепления, но и как реальные и символические убежища, позволяющие путешественникам осуществлять переходы между далеко заметными ориентирами. Так создавались условия и для движения караванов, и для переходов одиночек, доставляющих товары и по заказу, и для мелочной торговли. Продвижения торговцев были обеспечены обычаями гостеприимства и куначества. За покровительство торговцы рассчитывались частью товара [10, с. 23].

Мы предполагаем, что историю башенной культуры Большого Кавказа можно разделить на два периода: начальный (до второй половины XIV – начала XV в.), до начала похолодания, сдвинувшего вниз линию снегов и ледников и отмеченного линией башен как признака высокогорной трассы от Дагестана до Кубани; и финальный, когда башни строились сугубо как часть процесса культурогенеза горцев Большого Кавказа, изолированного по причинам природного и исторического характера в территориях позднесредневекового этногенеза.

Ареал башенной архитектуры занимает высокогорье в северной части Большого Кавказа выше Скалистого хребта. Это делало его защищенным от беспорядков в зонах, лежащих ниже. В западной части ареал заканчивался еще до долины верхней Кубани, где традиционно проходило ответвление трассы ВШП, уходившей к черноморскому побережью Абхазии и Западной Грузии. На востоке ареал башен постепенно размывался в горном Западном Дагестане. Восточнее внутрیداгестанской трассы, упоминавшейся выше, башенные памятники единичны и существенно меняют облик. Грузинская часть ареала ограничена Балкаро-Сванетским и Чечено-Тушетским участками Большого Кавказа. Не вызывает сомнения большой потенциал башенной архитектуры и сопутствующего ей комплекса в

представлении наследия горской цивилизации Большого Кавказа.

Другой формой наследия выступает историко-культурная ситуация в эпоху позднего Средневековья, в период после завершения функционирования ВШП в предгорьях Северного Кавказа, где потребность в шелке, в значительной мере монополизировавшаяся слоем феодальной знати, демонстрировавшей также и экономику расточительства и высокомерия, должна была удовлетворяться в условиях отсутствия постоянной поставки продукта. Товар поступал на рынки торговых узлов приморской торговли, являвшихся окраинными для региона. Потребление шелка имело сугубо элитарный характер, но в условиях престижной экономики позднесредневекового Северного Кавказа тяга к дорогим импортам была доминантой внешней торговли, деформировавшей область внутреннего обмена товарами. В конце XVIII в. для Черкесии в год поступало семь-восемь тысяч кусков шелка с черноморских факторий [31, с. 198], основными потребителями были дворяне и князь, а товар завозился торговцами-армянами, то есть на непостоянной основе.

Для зоны позднесредневекового предгорного Кавказа можно говорить о нескольких разновидностях экономики, малоэффективных для внешнеторговых операций экономики крестьянского общинного хозяйства и экономики вотчинного феодального хозяйства, и эффективной экономике фео-

дального набега, дававшего изъятие части необходимого продукта из хозяйств нижних ступеней общественной лестницы, но особо захвата рабов. Последний товар вывозился как можно дальше от места его захвата и был идеальным для реализации на внешних рынках.

Набег являлся частью общественной и экономической жизни горцев, что во многом связано с их военизированным бытом и семантизацией через вооруженное насилие отношений выше- и нижележащих общин и что, очевидно, следует признать компонентом горской докапиталистической цивилизации. Своего высшего, этикетизированного развития он получил в субкультуре дворянства, особо черкесского и кабардинского, в эпоху позднего Средневековья. Стимуляция данного процесса, возможно, была обусловлена тем, что после середины XVI в., когда окончательно завершилась история Великого шелкового пути на Северном Кавказе и все торговые операции с импортами, в том числе шелковыми тканями, сосредоточились в прибрежных зонах морей, омывающих Кавказский перешеек, выход к центрам торговли стал обеспечиваться экономикой набега. В этом, очевидно, состоялась одна из составляющих экономического базиса образования феномена Великой Черкесии, политического союза феодальных социумов, контролировавших пространство Северного Кавказа от Приазовья до Дагестана в позднем Средневековье [15, с. 49–53].

Vladimir A. DMITRIEV

Ethnography of the Caucasus and the Cultural Heritage of the Great Silk Road

Abstract. The article discusses the relationship between folk traditional culture and historical and cultural heritage as a form of contemporary actualization of the culture of the past. The results of the activities of the local route of the Great Silk Road for the regional culture of the peoples of the North Caucasus are regarded as a model for an ethnographic study of cultural heritage. The basis of the approach is the presentation of regional sections of the routes of the great roads of Eurasia as culture geocenoses. The formation of cultural heritage in such culture geocenoses has both local roots and consequences of their inclusion in the large culture geocenosis of the Great Silk Road. Within the regional culture of the peoples of the North Caucasus such geocenoses are parts of the silk-growing and silk-weaving areas of the Caucasus, large areas of high mountains (the area of handicraft sites of mountainous Dagestan and the area of tower monuments of the Greater Caucasus) and the foothills of the North Caucasus (areas included in the sociopolitical space of Great Circassia). Sericulture in the northern part of the Caucasus

was the occupation of the population of the forested foothills of the Greater Caucasus, but at the end of the 19th century the population of West Adyg and Abkhaz lands were excluded from this occupation. From the Caspian Sea to Kabarda, inclusive, the craft of weaving women's shawls with silk threads was spread. Printed fabrics and patterned textile materials came to the North Caucasus from the South Caucasian urban centers mainly located near the Caspian Sea. At the same time, part of the population of the region of the North-Eastern Caucasus steadily specialized in the production of silkworm eggs. The internal roads of Dagestan associated with the route of the Great Silk Road have played a historic role in the promotion of stimulating cultural impulses into the economic life of the highlanders. This may explain the concentration of settlements in mountainous Dagestan, whose population specialized in various types of artistic craft. Indirect evidence of the involvement of internal Dagestan in the channels of distribution and accumulation of samples of imported silk in the Caucasus is the so-called phenomenon "Kaytag embroidery". The formation of the area of North Caucasian towers is associated with climatic and political changes in the region, characteristic of the final period of its inclusion in the section of the Great Silk Road. The article makes an assumption about the dependence of the genesis of the socioeconomic specifics of Great Circassia on the need to preserve the previous trade relations in the era that followed the cessation of the functioning of the Great Silk Road in the Caucasus.

Keywords: ethnography, traditional culture, cultural heritage, North Caucasus, Great Silk Road, geocenosis.

Использованная литература:

1. Абаев Н. В., Хомушку О. М. Духовно-культурные традиции в геополитическом и цивилизационном пространстве Центральной Азии и Саяно-Алтая. Кызыл: Изд-во Тывинск. гос. ун-та, 2010.
2. Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. (30 сентября 2004, г. Абакан). Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2005.
3. Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: науч.-практ. конф. (26-27 сентября 2006г., Абакан) Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006.
4. Авдаков И. Ю. Роль наземных транспортных путей в развитии европейской торговли // Природа и культура. Вып. 10. Социоестественная история. М., 2001. С. 69-75.
5. Байпаков К. М. «Великий Шелковый путь»: Культурные контакты в прошлом и настоящем // Вестник АН Казахской ССР. 1989. № 3. С. 18-27.
6. Большая советская энциклопедия. 3 изд. Т. 3. М.: 2008. С. 330-332.
7. Бухарин М. Д. Великий Шелковый путь в новейшей интерпретации // Вестник древней истории. 2004. № 2. С. 224-228.
8. Гаджиев М. С. Средневековый город Дагестана. // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: Гуманитарный контекст: К 85-летию академика Г. Г. Гамзатова. М.: Наука, 2011. С. 18-24.
9. Гамзатов Г.Г. Дагестан и Иран: историко-культурный аспект взаимоотношений // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: Гуманитарный контекст: к 85-летию академика Г.Г. Гамзатова. М.: Наука, 2011. С. 417-433.
10. Гамкрели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Мецниереба, 1968.

References:

1. Abaev, N.V. & Khomushku, O.M. (2010) *Dukhovno-kul'turnye traditsii v geopoliticheskom i tsivilizatsionnom prostranstve Tsentral'noy Azii i Sayano-Altaya* [Spiritual and cultural traditions in the geopolitical and civilizational space of Central Asia and the Altai-Sayan]. Kyzyl: Tyva State University.
2. Anzhiganova, L.V. et al. (eds) (2005) *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Topical issues of the history of the Altai-Sayan and adjacent territories]. Proceedings of the International Conference. Abakan. 30 September 2004. Abakan: Khakas State University.
3. Sergeev, D.B. (ed.) (2006) *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Topical issues of the history of the Altai-Sayan and adjacent territories]. Proceedings of the International Conference. Abakan. 26-27 September 2006. Abakan: Khakas State University.
4. Avdakov, I.Yu. (2001) *Rol' nazemnykh transportnykh putey v razvitiy evropeyskoy torgovli* [The role of land transport routes in the development of European trade]. *Priroda i kul'tura*. 10. pp. 69-75.
5. Baypakov, K.M. (1989) "Velikiy Shelkovyy put'": *Kul'turnye kontakty v proshlom i nastoyashchem* [The Great Silk Road: Cultural contacts in the past and present]. *Vestnik AN Kazakhskoy SSR*. 3. pp. 18-27.
6. Prokhorov, A.M. (ed.) (2008) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 330-332.
7. Bukharin, M.D. (2004) *Velikiy Shelkovyy put' v noveyshey interpretatsii* [The Great Silk Road in the latest interpretation]. *Vestnik drevney istorii - Journal of Ancient History*. 2. pp. 224-228.
8. Gadzhiev, M.S. (2011) *Srednevekovyy gorod Dagestana* [The medieval city of Dagestan]. In: Gamzatov, G. & Mukhamedova, F. (eds) *Dagestan na perekrestke kul'tur i tsivilizatsiy: Gumanitarnyy kontekst: K 85-letiyu akademika*

11. Гасанов М. Р. Дагестан – зона встречи цивилизаций (древность и раннее Средневековье) // Научная мысль Кавказа. 2017. №1. С. 68-72.
12. Гачанов М. Г. Иранский мир и Дагестан: история связей в древности и средневековье // Научная мысль Кавказа. 2005. №3. С. 29-35.
13. Горбунова Н. Г. Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен и сезонных перекочевок в сложении торговых путей древности // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент: 1990. С. 33-35.
14. Гурбанов Дж. Г., Каримов Б. Б., Салимбаев Е. К. Международные транспортные коридоры и Великий Шелковый путь. М.: МПК, 2009.
15. Дмитриев В. А. Влияние торговли на специфику культуры горцев Северного Кавказа // Музей, традиции, этничность. 2017. № 1 (9). С. 48-60.
16. Дмитриев В. А. Возможные приемы обращения в наследие Великого шелкового пути (из практики Российского этнографического музея) // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. Т. 1. СПб.: Ун-т при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, 2017. С. 294-313.
17. Дубов И. В. Великий Волжский путь. — Л.: Издательство Ленинградского университета. 1989.
18. Жуковская Н. Л. Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Наука, 2008.
19. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука. 1988.
20. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII—XIX в. Новосибирск: Новосибирск. гос. пед. ун-та, 2004.
21. Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009 - 2015 годы (утв. Приказом Минкультуры РФ от 17.12.2008 N 267) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98439/ (дата обращения 21.10.18).
22. Король Г. Г. «Степной орнаментализм» раннесредневекового декоративного искусства и тюркский эпос: закономерности формирования и развития // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 211.
23. Крадин Н. Н., Коротаяев А. В., Бондаренко Д. М. Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000.
24. Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2011.
25. Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь», семинар (1993; Москва). Сборник тезисов семинара «Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь». М.: Шелковый путь, 1993.
26. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий Шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 88-100.
27. Магомедов Р. М. Вековые ценности Дагестана. Махачкала: Юпитер, 2005.
28. Марзей А. С. Черкесское наездничество – «Ze-
G.G. Gamzatova [Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: A humanitarian context: On the 85th anniversary of Academician G.G. Gamzatov]. Moscow: Nauka. pp. 18–24.
9. Gamzatov, G.G. (2011) Dagestan i Iran: istoriko-kul'turnyy aspekt vzaimootnosheniy [Dagestan and Iran: historical and cultural aspect of relations]. In: Gamzatov, G. & Mukhamedova, F. (eds) *Dagestan na perekrestke kul'tur i tsivilizatsiy: Gumanitarnyy kontekst: K 85-letiyu akademika G.G. Gamzatova* [Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: A humanitarian context: On the 85th anniversary of Academician G.G. Gamzatov]. Moscow: Nauka. pp. 417-433.
10. Gamkreli, V.N. (1968) *Torgovye svyazi Vostochnoy Gruzii s Severnym Kavkazom v XVIII v.* [Trade relations of Eastern Georgia with the North Caucasus in the 18th-Century Tbilisi]. Tbilisi: Metsniereba.
11. Gasanov, M.R. (2017) Dagestan – Area of Meeting of Civilizations (Antiquity and Early Middle Ages). *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*. 1. pp. 68–72. (In Russian). DOI: 10.18522/2072-0181-2017-89-1-68-72
12. Gachanov, M.G. (2005) The Iranian world and Dagestan: The history of relations in Antiquity and the Middle Ages. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*. 3. pp. 29–35. (In Russian).
13. Gorbunova, N.G. (1990) [The role of traditional routes of cattle breeding tribes and seasonal migrations in the establishment of ancient trade routes]. *Formirovanie i razvitie trass Velikogo shelkovogo puti v Tsentral'noy Azii v drevnosti i srednevekov'e* [Formation and development of the Great Silk Road routes in Central Asia in the Antiquity and the Middle Ages]. Abstracts of the International Conference. Tashkent: Fan. pp. 33–35. (In Russian).
14. Gurbanov, Dzh.G., Karimov, B.B. & Salimbaev, E.K. (2009) *Mezhdunarodnye transportnye koridory i Velikiy Shelkovyy put'* [International transport corridors and the Great Silk Road]. Moscow: MPK.
15. Dmitriev, V.A. (2017) Vliyanie torgovli na spetsifiku kul'tury gortsev Severnogo Kavkaza [The influence of trade on the specifics of the culture of the highlanders of the North Caucasus]. *Muzey, traditsii, etnichnost'*. 1 (9). pp. 48–60.
16. Dmitriev, V.A. (2017) *Vozmozhnye priemy obrashcheniya v naslediyu Velikogo shelkovogo puti (iz praktiki Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya)* [Possible methods of addressing the heritage of the Great Silk Road (from the practice of the Russian Ethnographic Museum)]. In: Spirina, M.Yu. et al. (eds) *Evraziyskaya integratsiya: istoki, problemy, perspektivy* [Eurasian integration: sources, problems, prospects]. Vol. 1. St. Petersburg: University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC.
17. Dubov, I.V. (1989) *Velikiy Volzhskiy put'* [The Volga Trade Route]. Leningrad: Leningrad State University.
18. Zhukovskaya, N.L. (2008) *Religiya v istorii i kul'ture mongoloyazychnykh narodov Rossii* [Religion in the history and culture of the Mongol-speaking peoples of Russia]. Moscow: Nauka.
19. Piotrovskiy, B.B. (ed.) (1988) *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century]. Moscow: Nauka.
20. Kationov, O.N. (2004) *Moskovsko-Sibirskiy trakt i ego zhiteli v XVII—XIX v.* [The Moscow-Siberian tract and

- к1уэ. (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века). Нальчик: Эль-Фа, 2004.
29. Миллер А.А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. 1910. Т. 1.
30. Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2003. С. 19
31. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост. В. К Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 179-202.
32. Першиц Д. И. Остаточные явления в культуре // Природа. 1982. № 10. С. 92-100.
33. Петров А. М. Великий шелковый путь: о самом простом, но мало известном. М.: Вост. лит., 1995.
34. Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказ. Тифлис: Заря Востока, 1932.
35. Природные системы Южного Урала: Тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск: Рифей, 1999.
36. Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь: Энцикл. справочник: Древность и раннее средневековье. Ташкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, 1999.
37. Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб.: Ред. период. изд. Мин. фин., 1902.
38. Степи и лесостепи Зауралья: материалы к исследованиям: тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск: Рифей, 2006.
39. Суздальцева И. А. Проблемы формирования армянской и грузинской общин Дагестана в XVI-XVII вв. // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. №3. С. 20-23.
40. Сулименко С. Д. Башни Северного Кавказа. Владикавказ: Проект пресс, 1997.
41. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ-83. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс] // // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 21.10.18).
42. Фольклор и фольклоризм в меняющемся мире. Ред.-сост. Л. П. Солнцева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2010.
43. Хамамото Мами. Связующая роль татарских купцов Волго-Уральского региона в Центральной Евразии: звено «Шелкового пути нового времени» (вторая половина XVIII-XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII-XX вв. М.: Восточная литература, 2011. С. 39-58.
44. Шнирельман В.А. Социальная память и культурная антропология. // Предмет и проблемы этнологии и антропологии. Лекции для аспирантов. М.: Ин-т этнографии и антропологии Росс. Акад. Наук, 2016. С. 140-167.
45. Ямсков А. Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49-64.
46. Chenchiner R. Kaittag: Textile Art from Dagestan. London: Textile art publication, 1993.
- its inhabitants in the 17th–19th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
21. Konsul'tantPlyus. (2008) *Kontseptsii sokhraneniya i razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Rossiyskoy Federatsii na 2009–2015 gody (utv. Prikazom Minkul'tury RF ot 17.12.2008 N 267)* [Concepts for the preservation and development of the intangible cultural heritage of the peoples of the Russian Federation for 2009–15 (approved by Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation No. 267 of December 17, 2008)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98439/. (Accessed: 21.10.2018).
22. Korol', G.G. (2006) "Stepnoy ornamentalizm" rannesrednevekovogo dekorativnogo iskusstva i tyurkskiy epos: zakonomernosti formirovaniya i razvitiya [The "steppe ornamentalism" of early medieval decorative art and the Turkic epos: Laws of formation and development]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie v Evrazii* [Ethnocultural interaction in Eurasia]. Book 1. Moscow: Nauka.
23. Kradin, N.N., Korotaev, A.V. & Bondarenko, D.M. (2000) *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative roads to civilization]. Moscow: Logos.
24. Kuz'mina, E.E. (2011) *Predystoriya Velikogo shelkovogo puti: dialog kul'tur Evropa – Aziya* [The background of the Great Silk Road: Dialogue of cultures Europe – Asia]. Moscow: KomKniga.
25. The Silk Road Center. (1993) *The cultural and historical unity of the Eurasia and the Great Silk Road, seminar (1993; Moscow)*. Abstracts. Moscow: Shelkovyy put'. (In Russian).
26. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1985) Velikiy Shelkovyy put' [The Great Silk Road]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 88–100.
27. Magomedov, R.M. (2005) *Vekovye tsennosti Dagestana* [Century-old values of Dagestan]. Makhachkala: Yupiter.
28. Marzey, A.S. (2004) *Cherkesskoe naezdnichestvo – Zeklue. (Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoy polovine XIX veka)* [Circassian equestrianism Zeklue. (From the history of the military life of the Circassians in the 18th – first half of the 19th centuries)]. Nalchik: El'-Fa.
29. Miller, A.A. (1910) *Iz poezdki po Abkhazii v 1907 g.* [From a trip to Abkhazia in 1907]. *Materialy po etnografii Rossii*. 1. pp. 70.
30. Pain, E.A. (2003) *Mezhdru imperiey i natsiey: modernistskiy proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noy politike Rossii* [Between empire and nation. Modernist project and its traditionalist alternative to the national policy of Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
31. Peyssonnel, C. (1974) *Traktat o torgovle na Chernom more* [A treatise on the commerce of the Black Sea]. Translated from French. In: Gardanov, V.K. (ed.) *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII – XIX vv.* [Adygs, Balkars, Karachais in the news of European authors of the 13th–19th centuries]. Nalchik: El'brus.
32. Pershits, D.I. (1982) *Ostatochnye yavleniya v kul'ture* [Persistent phenomena in culture]. *Priroda*. 10. pp. 92–100.
33. Petrov, A.M. (1995) *Velikiy shelkovyy put': o samom prostom, no malo izvestnom* [The Great Silk Road: about the simplest but little known facts]. Moscow: Vost. lit.

47. Dani A. H. Significance of silk road to human civilization: Its cultural dimension // *Journal of Asian Civilizations*. 2002. Vol. 25. no. 1. P. 72-79.
34. Polievktov, M.A. (1932) *Ekonomicheskie i politicheskie razvedki Moskovskogo gosudarstva XVII v. na Kavkaz* [Economic and political reconnaissance of the 17th-century Moscow state to the Caucasus]. Tiflis: Zarya Vostoka.
35. Gayduchenko, L.L. (ed.) (1999) *Prirodnye sistemy Yuzhnogo Urala: Tr. muzeya-zapovednika "Arkaim"* [Natural systems of the Southern Urals: Proceedings of the Museum-Reserve Arkaim]. Chelyabinsk: Rifev.
36. Rtveladze, E.V. (1999) *Velikiy shelkovyy put': Entsikl. spravochnik: Drevnost' i rannee srednevekov'e* [The Great Silk Road: Encyclopedic reference book: Antiquity and the early Middle Ages]. Tashkent: Uzbekiston milliy entsiklopediyasi.
37. Anon. (1902) *Sibir' pod vliyaniem rel'sovogo puti* [Siberia under the influence of the rail way]. St. Petersburg: Red. period. izd. Min. fin.
38. Petrov, F.N. (2006) *Stepi i lesostepi Zaural'ya: materialy k issledovaniyam: tr. muzeya-zapovednika "Arkaim"* [Steppes and forest-steppes of the Trans-Urals: Research materials: Proceedings of the Museum-Reserve Arkaim]. Chelyabinsk: Rifev.
39. Suzdal'tseva, I.A. (2007) Problemy formirovaniya armyanskoy i gruzinskoy obshchin Dagestana v XVI-XVII vv. [Problems of the formation of the Armenian and Georgian communities of Dagestan in the 16th-17th centuries]. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. 3. pp. 20-23.
40. Sulimenko, S.D. (1997) *Bashni Severnogo Kavkaza* [Towers of the North Caucasus]. Vladikavkaz: Proekt press.
41. Konsul'tantPlyus. (2002) *Federal'nyy zakon ot 25 iyunya 2002 goda № 73-F-83. "Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii* [Federal Law No. 73-F-83 of June 25, 2002, "On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/. (Accessed: 21.10.2018).
42. Solntseva, L.P. (ed.) (2010) *Fol'kor i fol'klorizm v menyayushchemsya mire* [Folklore and folklorism in a changing world]. Moscow: State Institute for Art Studies.
43. Hamamoto, M. (2011) *Svyazuyushchaya rol' tatarskikh kuptsov Volgo-Ural'skogo regiona v Tsentral'noy Evrazii: zveno "Shelkovogo puti novogo vremeni"* (vtoraya polovina XVIII-XIX v.) [The connecting role of the Tatar merchants of the Volga-Ural region in Central Eurasia: A link in the Silk Road of the New Time (second half of the 18th-19th centuries)]. In: Norihiro, N., Usmanova, D. & Hamamoto, M. (eds) *Volgo-Ural'skiy region v imperskom prostranstve: XVIII-XX vv.* [The Volga-Ural region in the imperial space: The 18th-20th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura.
44. Shnirel'man, V.A. (2016) *Sotsial'naya pamyat' i kul'turnaya antropologiya* [Social memory and cultural anthropology]. In: Barinova, E.B. (ed.) *Predmet i problemy etnologii i antropologii. Lektsii dlya aspirantov* [The subject and problems of ethnology and anthropology. Lectures for graduate students]. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology RAS.
45. Yamskov, A.N. (2013) A History of Establishment and Development of Domestic Ethnic Ecology. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 49-64. (In Russian). DOI: 10.5281/zenodo.3228984

46. Chenchiner, R. (1993) *Kaittag: Textile Art from Dagestan*. London: Textile art publication.

47. Dani, A.H. (2002) Significance of silk road to human civilization: Its cultural dimension. *Journal of Asian Civilizations*. 25 (1). pp. 72–79.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дмитриев, В. А. Этнография Кавказа и культурное наследие Великого Шелкового пути [Электронный ресурс] / В. А. Дмитриев // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 112–123. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.012

Full bibliographic reference to the article:

Dmitriev, V. A. (2019) Ethnography of the Caucasus and the Cultural Heritage of the Great Silk Road. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 112–123. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.012

ХАРСИЕВ Борис Магомет-Гиреевич
кандидат философских наук, заведующий отделом этнологии
Ингушского научно-исследовательского института
гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева
Магас, Российская Федерация
Boris M.-G. KHARSIEV
Cand. Sci. (Religious Studies,
Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Head,
Ethnology Department, Ingush Research Institute for Humanities,
Magas, Russian Federation
harsievfilial@mail.ru

УДК 008:39(=351.43)-055.2
ГРНТИ 13.91.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.013

Образ женщины в фольклоре ингушей

The Image of a Woman in Ingush Folklore

Национальный фольклор является одним из важнейших оснований культуры, в том числе гендерной, от которой в значительной степени зависит будущее общества, народа. Известно, что в ингушском фольклоре особое место отведено женщине. В то же время ее традиционный образ представляется сегодня недостаточно изученным. И цель настоящей статьи состоит в том, чтобы заполнить эту лакуну. Обратившись к образцам национального фольклора и работам исследователей, затрагивавших эту тему ранее, автор приходит к выводу, что культ женщины-матери сыграл огромную роль в зарождении ингушской гинекокрации. Однако у ингушей этот феномен получил особенные формы, отличные, например, от гинекокрации древней Спарты, сарматской или скифской гинекокрации. Ингушская традиционная гинекокрация основана на отведении женщине особой роли в семье и обществе.

Ключевые слова: ингушский фольклор, женщина воительница, гинекокрация, природные явления, философия народа, мифология, культ женщины.

Фундаментом культуры любого этноса является народное творчество. Его же можно считать важнейшим источником знаний об истории того или иного народа. Ингушский фольклор в этом смысле — не исключение. В нём сконцентрирована вся философия народной жизни ингушей, выраженная в характерных именно для

данной фольклорной традиции сюжетах и образной системе.

Известно, что особое место в ингушском эпосе отведено женщине. В то же время ее традиционный образ представляется сегодня недостаточно изученным. И цель настоящей статьи состоит в том, чтобы заполнить эту лакуну.

О фольклоре ингушей и месте в нем женщины писали такие ученые, как Ч.Э. Ахриев [4], Г.Н. Генко [5], А.О. Мальсагов [7], А.Х. Танкиев [9], М.-Б. А. Матиев [8] и другие. Но особого упоминания, на наш взгляд, заслуживают исследования профессора И.А. Дахкильгова. Еще будучи студентом, в 60-х гг. XX в., он начал собирать и осмысливать национальный эпический материал и в дальнейшем посвятил этому труду много лет. В результате увидела свет уникальная десяти томная антология ингушского фольклора (вышедшая под руководством и редакцией профессора Дахкильгова), в которую вошли многие ранее не зафиксированные исследователями легенды и сказания. Здесь мы находим достаточно много сюжетов женского цикла, построенных вокруг таких сакральных образов, как Малха Аза и Села Сата [1, с. 126–132]. Эти эпические героини обладают невероятными способностями, могут мгновенно проникать в запретный мир, а также понимают язык птиц и зверей.

Мир природы в мифических представлениях древних ингушей был неразрывно связан с образами могущественных матерей — повелительниц стихии и болезней. У каждого явления было свое начало, своя женщина-мать.

По ингушскому преданию «У Солнца и Луны есть матери: мать Солнца зовут Азой, а мать Луны — Кинч» [9, с. 250], мать земли — Астар, мать воды — Хи-нана, мать вьюги — Дардза-нанильг, мать болезней — Уна — нанильг, мать страны — Мехка-нана и т.д.

Имена мифологических божеств, покровителей как женского, так и мужского цикла, бережно сохраняются в эпосе ингушей. Примечательно, что этимология их совершенно «прозрачна» и понятна знатоку ингушского языка.

Женщины — матери стихии выступают часто как защитницы, охранительницы мира, в котором обитают люди и герои народных сказаний. Например, в эпосе о нарте Цоке и его сыне Нясаре говорится, что Нарт, возвратившись домой, обнаружил только пепелище, оставленное от родного

дома вероломными врагами. Нарт пустился по следам врагов, нагнал их и отомстил за содеянное ими зло. С дочерью поверженного врага он вернулся на родную землю. Однако тяжело было зреть ему разрушенный кров, а еще тяжелее осознавать безвозвратную потерю семьи и близких. Нясар сказал: «Видимо, мне не суждено проживать в отчем краю. Искупаю-ка напоследок своего коня у слияния Назрановки и Сунжи». В том месте он и начал купать коня. Вдруг откуда ни возьмись перед ним предстала дородная женщина. Стоя поодаль, она крикнула: «Появись, Хи-нана, если ты не спишь!» Из речки по пояс выглянула красивая женщина. А та, что подошла раньше, сказала нарту:

— Я — Мехка-нана (мать страны), а вон та, которая в воде, — Хи-нана (мать вод). Твой отец Цок был дружен с нами, всегда упоминал нас в своих молитвах и советовался с нами. Просим исполнить одну нашу просьбу.

— Раз вас чтит мой отец, то и я буду вас почитать в меру своих сил. Я готов исполнить ваше желание. Каково оно? — спросил богатырь [1, с. 241]. Женщины-матери попросили нарта не покидать родную землю, и Нясар остался, отстроил заново крепость, восстановил поселение. А матери-покровительницы стали оберегать это место от напастей.

И действительно, с тех пор эта местность ни одним врагом не была завоевана, говорится в предании.

Гора Баш-Лом (Казбек) также связана со многими легендами ингушей. На вершине этой сакральной горы живет Дардза-нанильг — мать вьюги, которая мстит людям, насылая холодное ненастье. Согласно легенде [1, с. 80] Бог Тха превратил сыновей Дардза-нанильг за помощь людям в семь звезд и подвесил в ночное небо в виде большого ковша. Когда мать Вьюги общается с сыновьями, ночи в горах бывают светлыми и безветренными. Но когда ее ласка к детям сменяется на гнев к людям, приходит грозное ненастье.

Совершенно очевидно, что мифологические мотивы разных древних народов часто переплетаются. Например, Астар (мать

земли) схожа с греческой Геей и римской Юноной. А благородная Тушоли имеет много общего с древнегреческой Дианой. В пантеоне ингушей Тушоли — единственная покровительница плодородия и заступница людей перед Дяла (властелином вселенной).

«Культ женщины-матери, воительницы, хранительницы очага» сыграл огромную роль в зарождении ингушской гинекократии [1, с. 136–139].

О женщине-матери говорится в таких сказаниях, как «Какова мать, таково и потомство» [1, с. 414], «О хорошей жене» [1, с. 416], «Рука матери» [1, с. 420] и многих других.

В фольклоре ингушей много свадебных песен, восхваляющих красоту и достоинства невесты. Как правило, их исполняли подруги и родственницы девушки, выходящей замуж [1, с. 278]. В театрализованных действиях свадебного обряда в основном тоже участвовали женщины. Представительницы со стороны жениха и невесты с удовольствием соревновались в ораторском искусстве, мастерстве танца и пении.

Народное образование, основанное, в первую очередь, на фольклоре и духовных ценностях ингушей, всегда было присуще женщинам. Усвоив с самого детства услышанные от своих бабушек и матерей песни и сказания о мужественных героях и их благородных подвигах, именно женщины передавали их своим детям и внукам. Замечательное знание родного языка и фольклора, а затем проекция этого знания на молодёжь способствовали неподдельной мудрости женщины.

О мудрых женах богатырей-нартов и уважении к женщинам самих титанов повествуется в сказании «Жена Пхагал-бяре и нарт-орстхоец» [1, с. 228].

Об уме и хитрости женщины, защищающей себя и свою семью от бесовских козней, говорится в сказаниях «Девушка и шайтан» [1, с. 441] и «Женщина хитрее шайтана» [1, с. 443], а также в сказании о мудрой Мялха Аза, жене нарта Тоха.

О находчивости женщины, спасающей своих соплеменников от врагов, повествуется в легенде «Молочное родство». Когда-то

на Грузию двинулись несметные полчища врагов. Грузины попросили ингушей о помощи. Ингуши явились на место сбора. Там один из грузинских предводителей не оказал ингушам должного внимания. Тогда воевода ингушей сказал своим воинам: «Мы возвращаемся — нечего нам лить кровь за тех людей, которые и замечать-то нас не хотят».

Ингушские воины поднялись и поехали к себе. Проезжая через одно село, воевода попросил у грузинки, стоявшей у ворот дома с ребенком на руках, попить водицы. Женщина вошла в дом и вскоре вернулась с чашей молока. Предводитель выпил его, и тогда женщина призналась, что в чашу она нацедила свое грудное молоко, которым кормит маленького сынишку.

«Уйдешь ли ты теперь, оставив в беде своего молочного брата. Если уйдешь, заведи и его», — сказала грузинка и протянула к нему мальчика. Войско повернуло назад и помогло грузинам одолеть противника [2, с. 54].

Находим мы в национальном фольклоре и подтверждение того, насколько сильным был авторитет женщины.

«Ингуши в древности представляли собой народ-армию, где всё население являлось воинами. Ингушская женщина была вторым эшелонem постоянно действующей армии» [10]. Например, в поэме «Гэйтак, сын Гялы» герой возвращается с войны. «В седле засыпая и в седле просыпаясь... бурка у него была саклей, друзьями верными — сабля острая да ружье, бьющее без промаха... Вот встретится ему всадник, плеткой погоняя кого-то. А всадник этот на ингуша похож. Подъехал Гэйтак поближе, а это — жена его. А погоняемый ею оказался враг плененный» [2, с. 34]. Женщины у ингушей с детства овладевали ратным искусством и могли участвовать в сражениях. Участие женщин в военных баталиях было связано с тем, что в Средние века на равнинах и в предгорьях Северного Кавказа шли длительные, жестокие войны. Достаточно вспомнить нашествие монголов, а затем армии Темура. Этот сложный период для народов Северного Кавказа ознаменован резким сокращением народонаселения и кардинальным изменением этниче-

ской карты края. Основная часть ингушей, проживавших на равнине, была истреблена, остальных загнали в горы. Горы, ощетилившись боевыми башнями, стали непроходимой крепостью для вражеских орд. В таких условиях все, и мужчины, и женщины, брались за оружие. Долгие годы отвоевывая у кочевников родное пространство, в XV–XVI вв. ингуши стали возвращаться на равнину. Много героико-эпических песен сложено в этот период народом [3, с. 320, 343].

Что может сделать человека свободным? Его высокая культура, которая питает дух личности, определяет выбор средств в различных ситуациях сложного жизненного цикла.

Из краткого обзора фольклора ингушей мы можем вывести следующую дефиницию. Национальный фольклор является одним из важнейших оснований культуры, в том числе гендерной, от которой зависит будущее общества, народа.

Женщина — надежная спутница мужа, прекрасная мать детей, отличная хозяйка дома и, если в этом есть необходимость, верная защитница родного крова и отечества.

Традиционно сложилось так, что женщина в ингушской семье — полновластная хо-

зяйка и распорядительница средств. На любом ингушском торжестве, будь то свадьба или праздник, лучшее помещение отдается женщинам, самые изысканные блюда подаются на стол тоже им.

Гинекократия в своем развитии у ингушей получила особенные формы, отличные, например, от гинекократии древней Спарты, сарматской или скифской гинекократии. Ингушская традиционная гинекократия основана на отведении женщине особой роли в семье и обществе.

Безусловно, эта роль принадлежит ей на всех этапах социального цикла семьи и общества. Поэтому женщина-ингушка во все времена пользовалась большим уважением и правами, «...хотя и была обременена большой долей забот и труда» [6, с. 115].

Осознание собственного «я-эго» не как сексуальной сущности, а как мыслящей личности, нацеленной на созидания будущего, добра и справедливости, является основополагающей установкой ингушской философии. Фольклор, тесно связанный с этнической философией, проецирует духовные ценности народа на все общество в целом.

Boris M.-G. KHARSIEV

The Image of a Woman in Ingush Folklore

Abstract. A woman in the Ingush epic is represented, above all, by a wise rational person with a strong spirit who loves her people endlessly. She is sincerely devoted to family and society. The world of natural phenomena in the mythical views of the ancient Ingush was endowed with images of powerful mothers of natural phenomena and mothers of painful diseases. Each phenomenon had its own origin, had its own woman mother. The heroine of Ingush legends and tales often acts as an avenger for insults and blood of relatives and family members. Ingush folklore is one of the significant reasons for the spiritual content of culture, including a woman's culture, on which the future of humankind depends. The names of mythological deities, patrons, both female and male, are carefully preserved in the Ingush epic. It is noteworthy that their etymology is quite transparent for an expert in the Ingush language. Apparently, the mythological motifs of the ancient peoples of the Earth are often intertwined. For example, Astar (land) is similar to Greek Gaia and Roman Juno. The noble Tusholi is similar to the Roman Diana. In the Ingush pantheon, Tusholi is the only patroness of fertility and of people in front of Dyala (the supreme god). Public education, based primarily on Ingush folklore and spiritual values, has always been inherent in women. Having learned songs and stories about noble deeds and brave heroes in childhood, having heard them from their grandmothers and mothers, it was women who passed them on to their children and grandchildren. A remarkable knowledge of the native language and folklore, and then

the projection of this knowledge contributed to the true wisdom of a woman. The resourcefulness of a woman who saves her fellow tribesmen from enemies is described in the legend "Milk Kinship". The Ingush in ancient times were a people's army; the entire population was warriors. The Ingush woman was the second echelon of the standing army. What can make a person free? Their high culture, nourishing the spirit of the individual, determines the choice of means in various situations of the complex life cycle. We can formulate the following definition from a brief review of Ingush folklore. National folklore is one of the important foundations of the spiritual content of culture, including gender culture, on which the future of society and people depends. A woman is a reliable companion of her husband, an excellent mother of children, an excellent housewife and, if necessary, a loyal defender of her home and country. Traditionally, a woman in an Ingush family is a full-fledged hostess and manager of funds. At any Ingush holiday, be it a wedding or a holiday, the best room is reserved for women, delicious dishes are served for women.

Keywords: Ingush folklore, female warrior, gynecocracy, natural phenomena, folk philosophy, mythology, cult of woman, scientific tradition, mythical views, legends.

Использованная литература:

1. Антология ингушского фольклора: В 11 т. / Сост., пер. с ингушского и коммент. И. А. Дахкильгова. Т. 4: Нартские сказания. Легенды. Нальчик: Эль-Фа, 2006.
2. Антология ингушского фольклора: В 11 т. / Сост., пер. с ингушского и коммент. И. А. Дахкильгова. Т. 5: Героико-эпические песни. Нальчик: Эль-Фа, 2007.
3. Антология ингушского фольклора: В 11 т. / Сост., пер. с ингушского и коммент. И. А. Дахкильгова. Т. 6: Лирические песни. Нальчик: Эль-Фа, 2008.
4. Ахриев Ч. Э. Ингушские праздники // Ингуши: сб. статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / сост. А.Х. Танкиев. Саратов: Регион. Приволж. изд-во, 1996. С. 48-59.
5. Генко Г. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Т. V. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. С. 726-727.
6. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // Ингуши: сб. статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / сост. А.Х. Танкиев. Саратов: Регион. приволж. изд-во, 1996. С. 106-126.
7. Мальсагов А. О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1970.
8. Матиев М-Б. А. Идеализация образа матери в ингушском героическом эпосе // Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы кавказоведения в 21 веке», посвящ. 165-летию со дня рождения Ч.Э. Ахриева. Назрань: Пилигрим, 2015. С. 135-137.
9. Танкиев А. Х. Духовные башни ингушского народа: Сб. ст. и материалов о нар. культуре. Саратов: Детская книга, 1997.
10. Харсиев Б. М-Г. Отголоски культа женщины-матери [Электронный ресурс] // Чеченинфо – Мультипортал о Чеченской Республике. URL: <http://www.checheninfo.ru/8547-otgoloski-kulta-zhenschiny-materi.html> (дата обращения 12.03.2019).

References:

1. Dakhkil'gov, I.A. (ed.) (2006) *Antologiya ingushskogo fol'klora: v 11-ti t.* [Anthology of Ingush folklore: in 11 volumes]. Vol. 4. Translated from Ingush by I.A. Dakhkilgov. Nalchik: El'-Fa. pp. 164-170.
2. Dakhkil'gov, I.A. (ed.) (2007) *Antologiya ingushskogo fol'klora: v 11-ti t.* [Anthology of Ingush folklore: in 11 volumes]. Vol. 5. Translated from Ingush by I.A. Dakhkilgov. Nalchik: El'-Fa. pp. 26-40.
3. Dakhkil'gov, I.A. (ed.) (2008) *Antologiya ingushskogo fol'klora: v 11-ti t.* [Anthology of Ingush folklore: in 11 volumes]. Vol. 6. Translated from Ingush by I.A. Dakhkilgov. Nalchik: El'-Fa. pp. 320-343.
4. Akhriev, Ch.E. (1996) Ingushskie prazdniki [Ingush holidays]. In: Tankhiev, A.Kh. (ed.) *Ingushi* [The Ingush]. Saratov: Region. Privolzh. izd-vo. pp. 48-59.
5. Genko, A.N. (1930) Iz kul'turnogo proshlogo ingushey [From the cultural past of the Ingush]. In: *Zapiski Kollegii vostokovedov* [Notes of the Orientalists' Collegium]. Vol. 5. Leningrad: USSR AS. pp. 726-727.
6. Grabovskiy, N.F. (1996) Ekonomicheskij i domashnij byt zhiteley gorskogo uchastka Ingushskogo okruga [Economic and household life of the inhabitants of the mountainous section of the Ingush district]. In: Tankhiev, A.Kh. (ed.) *Ingushi* [The Ingush]. Saratov: Region. Privolzh. izd-vo. pp. 106-126.
7. Mal'sagov, A.O. (1970) *Nart-orstkhoevskiy epos vaynakhov* [The Nart-Arshtins epic of the Vainakh]. Groznyy: Checheno-Ingushskoe kn. izd-vo. pp. 134-162.
8. Matiev, M.A. (2015) Idealizatsiya obraza materi v ingushskomgeroicheskomepose [Idealization of the image of the mother in the Ingush heroic epos]. *Aktual'nye problemy kavkazovedeniya v XXI v.* [Topical issues of Caucasian studies in the 21st century]. Proceedings of the International Conference on the 165th Anniversary of the Birth of Ch.E. Akhriev. Nazran: Pilgrim. pp. 135-137. (In Russian).
9. Tankiev, A.Kh. (1997) *Dukhovnye bashni ingushskogo naroda* [Spiritual pillars of the Ingush people]. Saratov: Detskaya kniga. pp. 7, 232-250.

10. Kharsiev, B.M.-G. (n.d.) *Otgosloski kul'ta zhenshchiny-materi* [Echoes of the cult of the mother woman]. [Online] Available from: <http://www.checheninfo.ru/8547-otgosloski-kulta-zhenshchiny-materi.html> (Accessed: 12.03.2019).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Харсиев, Б. М.-Г. Образ женщины в фольклоре ингушей [Электронный ресурс] / Б. М.-Г. Харсиев // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 124–129. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.013

Full bibliographic reference to the article:

Kharsiev, B. M.-G. (2019) The Image of a Woman in Ingush Folklore. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 124–129. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.013

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

МЕНДЕЛЕВИЧ Владимир Давыдович

доктор медицинских наук, профессор-психиатр,
заведующий кафедрой медицинской психологии
Казанского государственного медицинского университета,
директор Института исследований
проблем психического здоровья,
Казань, Российская Федерация

Vladimir D. MENDELEVICH

PhD, MD, Dr. Sci. (Psychiatry), Prof., Head of Department
of Medical Psychology, Kazan State Medical University,
Director of Institute for Research of Problems of Mental Health,
Kazan, Russian Federation

mend@tbit.ru

ЗИСЛИН Иосиф Мейерович

доктор медицины, психиатр,
независимый исследователь
Иерусалим, Государство Израиль

Josef M. ZISLIN

MD, Psychiatrist, Independent Researcher,
Jerusalem, State of Israel

josef@zislin.com

УДК [008:616.89]:001.8
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.014

**О недопустимости
использования психиатрии
в культурологических
дискуссиях¹**

**Why We Should Not Use Psychiatry
in Disputes on Culture**

¹ Критический анализ статьи К.Е. Рыбак и Ю.С. Избачкова "Образ Наталии Рокотовой как ключ к пониманию творческого метода Елены Ивановны Рерих" [16].

Статья посвящена критическому анализу публикации К. Е. Рыбака и Ю. С. Избачкова «Образ Наталии Рокотовой как ключ к пониманию творческого метода Елены Ивановны Рерих» в журнале «Наследие веков» (2019, № 2). Указывается, что авторы статьи (культуролог и юрист), используют для критики религиозно-философского учения не историко-текстологический метод, а некорректные психопатологические данные. Критикуется попытка авторов обесценить деятельность Елены Рерих и убедить читателей в том, что учение «Агни-Йога» – лишь результат психического расстройства. Делается вывод о том, что подобный подход непрофессионалов отражает тенденцию наклеивания «диагностических ярлыков», а не процесс научного познания.

Ключевые слова: патография, Елена Рерих, Агни-Йога, психопатология.

Не вызывает сомнений, что психопатологический анализ личностей, внесших существенный вклад в развитие философских и религиозных учений, следует признать допустимым как с научной, так и с этической стороны. Знание и понимание сути болезненных переживаний человека способно стать дополнительным фактором при анализе основ творческой деятельности. Однако такой психопатологический анализ возможен только при строгом соблюдении ряда условий.

Во-первых, должно быть достоверно известно, что анализируемая личность действительно страдала психическим заболеванием в современном смысле слова – для этого должна иметься достоверная медицинская документация и заключение о душевном недуге, сделанное профессионалом (лучше авторитетным). В таком анализе должны быть строго разделены психологические (неболезненные) и психиатрические (болезненные) явления.

Во-вторых, авторы работ обязаны учитывать весь спектр культурных, исторических, языковых явлений и общий контекст эпохи, к которой и принадлежит исследуемая личность. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что даже доказанная болезнь не дает в руки исследователю простой ключ к пониманию художественного творчества или целого религиозного направления. Нет сомнения в том, что для выявления существенной связи между личностью, болезнью и творчеством требуются огромные знания и опыт как врача, так культуролога. Примеры такие достаточно редки, но чрезвычайно ценны [11; 12; 13; 20].

В-третьих, должны быть соблюдены этические нормы – использованная информация не должна применяться как способ дис-

кредитации личности или её учения. Современные исследователи должны принимать во внимание, что на использование таких данных должно быть получено разрешение (от самого человека или его законных представителей), особенно если мы говорим о людях живущих или недавно умерших – ведь в противном случае это будет разглашением врачебной тайны.

В области психиатрии долгие годы существует специальный раздел (патография), занимающийся данными вопросами [5; 17]. Под патографией понимается составление жизнеописаний, биографий, освещающих историю жизни известной личности, её творчество, роль в истории, а также взаимосвязь и взаимовлияние творчества и болезни, написанных специалистами-психиатрами с использованием знаний психопатологии [19].

Традиционно гуманитарии и культурологи относятся к жанру патографий более чем осторожно. Подобное же настороженное отношение как ко всему жанру патографий, так и к авторам подобных штудий сложилось и в психиатрии. С другой стороны, биографы, не являющиеся психиатрами, нередко, но чаще всего довольно сдержанно используют известные психиатрические диагнозы как факт биографии [5]. Вот что пишет в русле именно нашего анализа один из исследователей рериховского учения А.И. Андреев: «Вопрос о психическом здоровье (или нездоровье) человека, контактирующего с „высшими мирами“, довольно щекотливый и деликатный» [1].

Основные – системные – претензии к авторам патографий сводятся к тезисам о склонности психиатров «психопатологизировать» жизнь и творчество [9; 10], о тенденциозном стремлении психиатров повсюду (особенно

в творчестве) видеть проявления психопатологии [5; 19]. Однако *психиатры-патографы* обычно занимаются изучением психопатологии отдельных выдающихся личностей и обходят стороной психопатологический анализ культурологических явлений, включая философские и религиозные учения.

В данном ракурсе статья К.Е. Рыбака и Ю.С. Избачкова [16] (не являющихся психиатрами по профессии), посвящённая критике основ синкретического религиозно-философского учения «Агни-Йога» с опорой на якобы психическое расстройство Елены Ивановны Рерих, представляется достаточно уникальным явлением для современной культурологии. Но уникальность эта состоит именно в непрофессионализме и в полном отсутствии профессиональной деликатности. Это мы и попытаемся показать в ходе нашего анализа.

Необходимо сделать и еще одно предварительное замечание. Не будучи последователями рериховского учения и специалистами в философии «Агни-Йоги», мы, тем не менее, в достаточной мере осведомлены о жестоких спорах между приверженцами и противниками этого мистического учения.

Текст анализируемой статьи пронизан резко негативным и пристрастным отношением авторов ко всему учению «Агни-Йога» и к его создателю – Елене Рерих. При этом обращает на себя внимание то, что авторы применяют для критики данного религиозно-философского учения не столько историко-текстологический метод (который и соответствует объекту исследования), а метод «народной психиатрии», смысл которой заключается в том, что любому непонятному или странному явлению приклеивается ярлык сумасшествия.

Базовым утверждением авторов можно считать следующее: «Попытки найти тайный смысл в записях видений пожилой женщины не приносят результата» [16]. Поиски смысла мистического текста – благородная, но нелегкая задача для исследователя. Авторы критикуемой нами статьи для доказательства отсутствия смысла в писаниях начинают с легкостью использовать не профессиональные и хорошо разработанные методы анализа ми-

стических и визионерских текстов [3; 12; 13], а абсолютно незнакомую и чуждую им психиатрическую терминологию. В частности, они пишут, что «...две посылки конфликтуют между собой: с одной стороны, [обнаруживаемое] осмысленное поведение всей семьи Рерихов, в том числе Елены Ивановны (учреждение организаций, проведение облигационного займа, организация экспедиций), с другой стороны, вероятное *расстройство психики* у Елены Рерих». И далее: «Учитель, от имени которого ведется повествование в „Учении“, – плод воображения Елены Рерих. *Ее записи не являются прозрением* – вероятнее всего, они вызваны *нарушением мышления*» [16].

Приходится признать, что К.Е. Рыбак и Ю.С. Избачков [16] пытаются обесценить деятельность Елены Рерих и убедить читателей в том, что учение «Агни-Йога» – вовсе и не учение, а лишь результат психического расстройства. При этом, например, авторы никак не рассматривают весь исторический контекст визионерских практик – от древнеегипетских до современных, не включая хорошо задокументированные в литературе и неоднократно проанализированные визионерские практики средневековья [3; 12; 13].

Для обоснования достоверности своей точки зрения авторы ссылаются на «заключение врача» и пишут, что «доктор А.Ф. Яловенко констатировал наличие у нее [Елены Рерих] «эпилептической ауры» [16]. Отметим, что «эпилептическая аура» никаким диагнозом с позиции психиатрии не является. Кроме того, ссылка на «доктора А.Ф. Яловенко», который якобы и говорил об ауре, приведена без указания работы врача, а лишь как автоссылка на публикацию одного из авторов [15]. По неизвестным причинам ни полной цитаты, ни хотя бы отсылки к врачебному первоисточнику не приведено. Возможно, авторы используют электронную публикацию [14]. Но в таком случае цитирование приводится с существенными лакунами. Согласно тексту, «доктор Яловенко» «...по своему медицинскому образованию был фельдшер и аптекарь, точнее, доктор-самоучка без достаточной врачебной квалификации и практики» [14]. Даже в патографических исследованиях высказывания подобных «специалистов» подвергаются

критическому анализу и, как правило, не берутся в расчет.

Стоит также отметить, что данная врачебная информация уже и ранее была проанализирована в литературе и признана недостоверной [8]. Нам приходилось отмечать выше, что для верификации болезни исследователь вне зависимости от того, является он врачом или нет, должен опираться на максимально широкую и достоверную медицинскую информацию. Наши данные и данные, приводимые в критикуемой статье, однозначно говорят о том, что такой информации у авторов нет. Скорее всего, ее просто и не существует в природе. Относительно достоверной и верифицируемой информацией (с точки зрения клиники) можно считать данные, приводимые в работе А. И. Андреева: «В феврале 1923 года врач в Нью-Йорке, к которому обратилась Е. Рерих, установил, что „у нее плохое сердце и всякое волнение ей очень пагубно“». Летом того же года, уже в Париже, французский врач, некто доктор Лапейр (Lapeyre), диагностировал ее болезнь как «*hysteria magna*». Такой болезнью, по словам Лапейра, были больны святые Тереза и Екатерина и другие «высокие существа» [1]. Ни о каком нарушении мышления или действительно психотическом заболевании речи не идет.

Таким образом, обоснование К. Е. Рыбаком и Ю. С. Избачковым [16] вывода о том, что «записи Елены Рерих не являются прозрением в философско-религиозном смысле, а должны трактоваться как проявления нарушений мышления» следует признать абсолютно непрофессиональными, необъективными и неаргументированными, причем именно с психиатрической точки зрения. Такие мнения (умозаключения) непрофессионалов отражают тенденцию наклеивания «диагностических ярлыков», а не процесс научного познания. Их использование выходит за рамки компетенций культурологов.

Возможно, кому-то поведение и тексты Елены Рерих кажутся странными, вычурными и непонятными. Но это – дело вкуса. Последователи учения «Агни-Йога» так не считают. Мы знаем примеры, когда пророческие учения древности и сами пророки с легкостью объявлялись сумасшедшими на основании не-

правильно и поверхностно трактуемых современных психиатрических критериев или просто на основании непонимания и без всякого учета культурального и исторического фона явления.

Например, некоторым христианские или мусульманские тексты и их основатели кажутся не вполне психически здоровыми. Это вечный межрелигиозный спор. Вспомним, что в некоторых христианских источниках ислам выводят из якобы душевной болезни Пророка. При этом в помощь привлекают некорректные и непрофессиональные размышления психиатров-патографов, в частности о том, что «у Пророка Мухаммеда наблюдались приступы, которые следует расценивать как характерные для височной эпилепсии: звон в ушах перед приступом, обострение восприятия, покраснение лица, обильный пот, судороги, яркие галлюцинации, обостренное восприятие запахов и др.» (А. Е. Личко, цит. по [2]). Однако, данные высказывания давно расценены профессионалами или в контексте межконфессионального спора или как некорректные патографические психиатрические экзерсисы [7; 17].

«В мире существовали и существуют десятки тысяч визионеров-контактеров, которые постоянно „общаются“ с Христом, Буддой, Гималайским Братством, Шамбалой и даже с самими Рерихами, получают послания из „тонкого мира“ – персональные и предназначенные всему человечеству – и распространяют их под видом „пророчеств“. Эти люди, как и Рерихи, искренне верят в то, что они – избранные высших сил и пророки. Но являются ли они таковыми? И был ли истинным пророком сам Николай Константинович?» Г. Уайт и Дж. Мейз, авторы биографии Г. Уоллеса, наиболее известного из американских учеников Рериха, дают на этот вопрос отрицательный ответ, называя русского гуру «мнимым пророком» (*false prophet*) [1].

Констатируем очевидный факт: какими бы странными, необычными ни были бы те или иные религиозные или философские учения, как бы экстравагантно ни выглядели их основатели и последователи, не дело врачей, а тем более неспециалистов, называть их душевно больными, а учения – бредом воспа-

лѐнного воображения. Такая практика абсолютно себя дискредитировала как с научной, так и с этической точки зрения. Обосновывать истинность или ложность того или иного проческого учения не дело психиатров.

К. Е. Рыбак и Ю. С. Избачков [16] упорствуют в своём стремлении «доказать» собственную правоту и изблечить Елену Рерих в том, что её учение основано на психопатологии. «Вполне возможно, – пишут авторы, – что *психиатры смогут прийти к такому выводу на основании посмертного изучения ее записей*» [16]. Получается, что вроде бы уже и так понятно, что она была душевно нездорова, но хорошо бы получить новые подтверждения.

Боимся разочаровать авторов, но посмертный ретроспективный психопатологический анализ, который может иметь место, особенно в судебно-психиатрической экспертизе, требует очень тонкой и обоснованной профессиональной экспертизы. Но никаких данных о подобной экспертизе в статье нет. Создается впечатление, что за отсутствием оной авторы присваивают себе роль экспертов, не имея на это никакого основания.

Важно заметить, что анализируемая статья К. Е. Рыбака и Ю. С. Избачкова является не первым обращением авторов к рериховской проблеме. В своей предыдущей работе 2018 года [6] они пытались осветить тему психологии «адептов» этого учения. «Проанализировав комментарии о допустимости публикации дневников Е. И. Рерих последователями „Учения“, которые они размещали в Интернете, мы пришли к предположению, что среди открытых адептов „Живой Этики“ *свойственна чрезмерная эмоциональность высказываний, отражающая духовную и социальную незрелость, отличающаяся выраженной экстрапунитивной фрустрационной реакцией с фиксацией на препятствии*» [6].

Обратим внимание на то, что и в данной публикации культурологи используют несвойственные их профессиональной подготовке термины. Непонятно, как без специальных исследований и без профильного психологического образования можно сделать вывод о наличии у конкретных людей «экстрапунитивных фрустрационных реакций»? Субъективным и оценочным следует признавать и вывод о том, что «чрезмерная эмоциональность высказываний» отражает «духовную и социальную незрелость». Для полноты картины надо отметить, что ненаучность выдвинутых положений и недобросовестность авторов уже служили предметом критики специалистов по рериховскому наследию [18].

Таким образом, анализ публикации «Образ Наталии Рокотовой как ключ к пониманию творческого метода Елены Ивановны Рерих» позволяет в очередной раз напомнить исследователям о недопустимости использования психиатрии в исторических, религиоведческих или культурологических дискуссиях. Ключом к пониманию личности и мистического метода Елены Рерих, как, впрочем, и других религиозных философов, должно являться не непрофессионально-упрощенческое использование психиатрических диагнозов для дискредитации оных, а глубокий и профессиональный антропологический подход [4]. Это тем более требуется от исследователя в тех случаях, когда тексты автора доступны для анализа. При этом следование этическим и профессиональным критериям должно являться основой для любого исследователя. Это непреложный факт, не требующий, по нашему мнению, дополнительных обоснований.

Конфликт интересов отсутствует.

Vladimir D. MENDELEVICH & Josef M. ZISLIN
Why We Should Not Use Psychiatry in Disputes on Culture

Abstract. The article is devoted to the critical analysis of K. Rybak and Yu. Izbachkov's article "The Image of Natalia Rokotova as the Key to Understanding the Creative Method of Helena Ivanovna Roerich" published in the journal *The Heritage of Centuries* (2019, Is. 2). It is indicated that Rybak and Izbachkov

are trying to use incorrect psychopathological data for the devaluation of the religious-philosophical doctrine and the personality of Helena Roerich. The authors of this article criticize the attempt to present the Agni Yoga teachings only as a consequence of Helena's mental disorder. In their opinion, such an approach reflects the tendency of psychiatric stigmatization and is not acceptable in a scientific publication.

Keywords: pathobiography, Helena Roerich, Agni Yoga, psychopathology.

Использованная литература:

1. Андреев А. И. Оккультизм и мистика в жизни и творчестве Н. К. и Е. И. Рерих [Электронный ресурс] // Рерихи: мифы и факты. Сб. статей / Под ред. А. И. Андреева, Д. Савелли. СПб.: Нестор-История. 2011. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00964027/document> (дата обращения: 12.07.19).
2. Большаков О. Г. История Халифата. Т. 1. Ислам в Аравии. 570-633. М.: Восточная литература, 1989.
3. Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство. 1990.
4. Зислин И. Психопатология и антропология (теория Томаса, остенсия, моральная паника) // Психотерапия и психосоциальная работа в психиатрии. Вып. V / Под ред. О. В. Лиманкина, С. М. Бабина. СПб.: 24 линия, 2018. С. 149-152.
5. Зислин И. Текст и диагноз // Неврологический вестник. 2019. № 2. С. 12-29.
6. Избачков Ю. С., Рыбак К.Е. Реакция последователей «Живой Этики» на публикацию неизданных ранее дневников Е.И. Рерих. [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2018. № 3 (33). URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/09_2018_19_07_55_1537470475.pdf (дата обращения: 11.07.19).
7. Красильников Г. Т., Косенко В. Г., Агеев М. И. Клиническая интерпретация психиатрической патографии (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2018. № 3. С. 67-73.
8. Красин С. Болезнь Елены Рерих - миф или реальность? [Электронный ресурс] // Грани Эпохи. 2011. № 45. <http://www.facets.ru/articles11/4516.htm> (дата обращения 12.07.19).
9. Менделевич В. Д. Психиатрическая пропедевтика. 3-е изд. М.: МЕДпресс-информ. 2004.
10. Менделевич В. Д. Психопатология как результат творчества // Практическая медицина. 2015. № 5. С. 39-41.
11. Реутин М. Мистическое богословие Майстера Экхарта. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т 2011.
12. Реутин М. Массовые психозы в Европе позднего Средневековья // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 2 (6). С. 108-135
13. Реутин М. Ю. «Распятая возлюбленная распятого Сына»: немецкая мистика позднего Средневековья. Очерк традиции. // Элизабет Штагель. Житие сестер обители Тёсс / Ред. М. Ю. Реутин. М.: Ладомир. 2019. С. 339-463.
14. Росов В. А. Кашгарский доктор А. Ф. Яловенко. Забытая могила на склонах Гималаев // Дельфис. 2008. № 3. С. 21-26.
15. Рыбак К. Е. О приеме в гражданство СССР членов семьи Рерихов и окружающих их лиц // Петербургский Рериховский сборник. 2017. Вып. 10. С. 18-37.

References:

1. Andreev, A.I. (2011) Okkul'tizm i mistika v zhizni i tvorchestve N. K. i E. I. Rerikh [Occultism and mysticism in the life and works of N.K. and E.I. Roerich]. In: Andreev, A.I. & Savelli, D. (eds) *Rerikhi: mify i fakty* [The Roerichs: myths and facts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. [Online] Available from: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00964027/document>. (Accessed: 12.07.2019).
2. Bol'shakov, O.G. (1989) *Istoriya Khalifata* [The history of the Caliphate]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
3. Gurevich, A.Ya. (1990) *Srednevekovyy mir: Kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva* [Medieval World: Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo.
4. Zislin, I. (2018) *Psikhopatologiya i antropologiya (teoriya Tomasa, ostensiya, moral'naya panika)* [Psychopathology and anthropology (Thomas theorem, ostension, moral panic)]. In: Limankin, O.V. & Babin, S.M. (eds) *Psikhoterapiya i psikhosotsial'naya rabota v psikhiiatrii* [Psychotherapy and psychosocial work in psychiatry]. Is. V. St. Petersburg: 24 liniya. pp. 149-152.
5. Zislin, I. (2019) *Tekst i diagnoz* [Text and diagnosis]. *Nevrologicheskii vestnik*. 2. pp. 12-29.
6. Izbachkov, Yu.S. & Rybak, K.E. (2018) The reaction of the followers of the 'Living Ethics' for the publication of previously unpublished diaries E.I. Roerich. *Kul'turologicheskii zhurnal – Journal of Cultural Research*. 3 (33). [Online] Available from: http://www.cr-journal.ru/files/file/09_2018_19_07_55_1537470475.pdf. (Accessed: 11.07.2019). (In Russian).
7. Krasil'nikov, G.T., Kosenko, V.G. & Ageev, M.I. (2018) *Klinicheskaya interpretatsiya psikhiiatricheskoy patografii (obzor literatury)* [Clinical interpretation of psychiatric pathography (literature review)]. *Sibirskii vestnik psikhiiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 3. pp. 67-73. (In Russian). DOI:10.26617/1810-3111-2018-3(100)-67-73
8. Krasin, S. (2011) *Bolezn' Eleny Rerikh - mif ili real'nost'* [Disease of Helena Roerich: myth or reality?]. *Grani Epokhi*. 45. [Online] Available from: <http://www.facets.ru/articles11/4516.htm>. (Accessed: 12.07.2019).
9. Mendelevich, V.D. (2004) *Psikhiiatricheskaya propedevtika* [Psychiatric propaedeutics]. 3rd ed. Moscow: MEDpress-inform.
10. Mendelevich, V.D. (2015) Psychopathology as a result of creativity. *Prakticheskaya meditsina – Practical Medicine*. 5. pp. 39-41. (In Russian).
11. Reutin, M. (2011) *Misticheskoe bogoslovie Maystera Ekkharta* [Meister Eckhart's Mystical Theology]. Moscow: RSUH.
12. Reutin, M. (2015) Mass Psychosis in Europe of the Late Middle Ages. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura – Science. Arts. Culture*. 2 (6). pp. 108-123. (In Russian).

16. Рыбак К. Е., Избачков Ю. С. Образ Наталии Рокотовой как ключ к пониманию творческого метода Елены Ивановны Рерих [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2019, №2. С. 68-80. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rybak_Izbachkov.pdf (дата обращения 09.07.19).
17. Сироткина И. Е. Патография как жанр: критическое исследование. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 2. URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php (дата обращения: 11.07.19).
18. Соколова Б.Ю., Соколов В.Г. Научное заключение о содержании статьи Ю.С. Избачкова, К.Е. Рыбака «Реакция последователей “живой этики” на публикацию неизданных ранее дневников Е. И. Рерих». // Культурно-просветительский портал «Адамант». URL: http://www.lomonosov.org/article/nauchnoe_zakljuchenie_o_soderzhanii_statii_izbachkova_i_rybaka.htm (дата обращения: 11.07.19).
19. Якушев И.Б. Патография: экзотика или методология? [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. N 4. URL: http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer18.php (дата обращения: 11.07.19).
20. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. СПб: Гуманит. агентство академ. проект: Прогресс, 1999.
13. Reutin, M.Yu. (2019) "Raspyataya vozlyublennaya raspyatogo Syna": nemetskaya mistika pozdnego Srednevekov'ya. Ocherk traditsii ["The crucified lover of the crucified Son": German mysticism of the late Middle Ages. Essay on tradition]. In: Stigel, E. *Zhitie sester obiteli Tess* [Lives of the Nuns of Töss]. Moscow: Ladimir. pp. 339–463.
14. Rosov, V.A. (2008) Kashgarskiy doktor A.F. Yalovenko. Zabytaya mogila na sklonakh Gimalaev [A Kashgar doctor A.F. Yalovenko. A forgotten grave on the slopes of the Himalayas]. *Del'fis*. 3. pp. 21–26.
15. Rybak, K.E. (2017) O prieme v grazhdanstvo SSSR chlenov sem'i Rerikhov i okruzhavshikh ikh lits [On the acceptance into USSR citizenship of members of the Roerich family and persons around them]. In: Bondarenko, A.A. (ed.) *Peterburgskiy Rerikhovskiy sbornik* [Petersburg Roerich Collection]. Is. 10. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. pp. 18–37.
16. Rybak, K.E. & Izbachkov, Yu.S. (2019) The Image of Natalia Rokotova as the Key to Understanding the Creative Method of Helena Ivanovna Roerich. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 68–80. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rybak_Izbachkov.pdf. (Accessed: 09.07.2019). (In Russian).
17. Sirotkina, I.E. (2011) Patografiya kak zhanr: kriticheskoe issledovanie [Pathography as a genre: A critical study]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*. 2. [Online] Available from: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php. (Accessed: 11.07.2019).
18. Sokolova, B.Yu. & Sokolov, V.G. (2018) *Nauchnoe zaklyuchenie o sodержanii stat'i Yu.S. Izbachkova, K.E. Rybaka "Reaktsiya posledovateley "zhivoy etiki" na publikatsiyu neizdannykh ranee dnevnikov E.I. Rerikh"* [A scientific opinion on the content of the article by Yu.S. Izbachkov, K.E. Rybak "The reaction of the followers of the 'Living Ethics' for the publication of previously unpublished diaries E.I. Roerich"]. [Online] Available from: http://www.lomonosov.org/article/nauchnoe_zakljuchenie_o_soderzhanii_statii_izbachkova_i_rybaka.htm. (Accessed: 11.07.2019).
19. Yakushev, I.B. (2010) Patografiya: ekzotika ili metodologiya? [Pathography: An exotic or a methodology?]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*. 4. [Online] Available from: http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer18.php. (Accessed: 11.07.2019).
20. Jaspers, K. (1999) *Strindberg i Van Gog. Opyt s ravnitel'nogo patograficheskogo analiza s privlecheniem sluchaev Svedenborga i Gel'derlina* [Strindberg and Van Gogh. Experience in comparative pathographic analysis involving Swedenborg and Gelderlin]. Translated from German. St. Petersburg: Gumanit. agentstvo akadem. proekt: Progress.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Менделевич, В. Д. О недопустимости использования психиатрии в культурологических дискуссиях [Электронный ресурс] / В. Д. Менделевич, И. М. Зислин // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 130–136. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.014

Full bibliographic reference to the article:

Mendelevich, V. D. & Zislin, I. M. (2019) Why We Should Not Use Psychiatry in Disputes on Culture. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 130–136. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.014

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

СОЛОВЬЕВ Сергей Владимирович
кандидат физико-математических наук,
профессор Тулузского исследовательского института информатики
и Университета Тулузы 3 Поль Сабатье
Тулуза, Французская Республика

Sergei V. SOLOVIEV
Cand. Sci. (Mathematical Logic, Algebra and Number Theory), Prof.,
Institute de Recherche en Informatique de Toulouse (IRIT),
University of Toulouse 3 Paul Sabatier,
Toulouse, French Republic
soloviev@irit.fr

УДК [94(470):378.095]-055.2
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.015

Биографии событий или О новом издательском проекте редакции «Парадигма»

Рец. на книги:

Орлова Н. Х. Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки. СПб.: Изд-во С.-петерб. ун-та, 2018. ISSN 1818-734X.

Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович: судьба, письма, творчество: В 2-х ч. Ч. 1: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: Изд-во С.-петерб. ун-та, 2018. ISBN 978-5-85263-211-1.

Biographies of Events, or On a New Publishing Project of the Paradigm Editions

Book Reviews:

Orlova, N.Kh. (2018) *Dnevnik odnogo zhivogo sushchestva: Iz zhizni bestuzhevki* [The Diary of a Living Being: From the Life of a Bestuzhevka]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. ISSN 1818-734X.

Vostrikov, A.V. & Orlova, N.Kh. (2018) *Kseniya Miloradovich: sud'ba, pis'ma, tvorchestvo. V 2 ch.* [Ksenia Miloradovich: Destiny, Letters, Creativity: In 2 parts]. Pt. 1: *Khronika zhizni v dokumentakh i pis'makh* [Chronicle of life in documents and letters]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. ISBN 978-5-85263-211-1.

В рамках нового издательского проекта Санкт-Петербургский альманах «Парадигма» начал выпуск серии книг, посвященных истории Высших Женских (Бестужевских) курсов, показанной через биографии курсисток. В 2018 г. вышло две книги серии: «Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки» (автор Н. Х. Орлова, издание посвящено Е. П. Казанович) и «Ксения Милорадович: судьба, письма, творчество» (авторы А. В. Востриков и Н. Х. Орлова), готовится к изданию третья. Автор

рецензии высоко оценивает проект и его перспективы, а также отдает должное качеству архивно-библиографической работы, проделанной авторами первых двух книг серии. Представленные книги и в целом идея издательского проекта «Парадигмы» вносят серьезный вклад в исследование истории Санкт-Петербургского университета и истории высшего образования в России. При этом характер подачи материала и язык книг, живой и увлекательный, позволяют рекомендовать их не только исследователям, специализирующимся в данной тематике, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей университетского образования, женщин-ученых и в целом историей России.

Ключевые слова: Бестужевские курсы, Е. П. Казанович, К. М. Милорадович, биография, история женского университетского образования, история Санкт-Петербурга, история России, архивные источники.

Биография – один из самых сложных жанров. Тем более если это не жизнеописание какой-то знаменитой личности, про которую много известно и много написано. Напоминает биографический жанр и более редкую (и не менее сложную) историческую дисциплину – историю учреждений (в свое время Горький организовал выпуск серии «История фабрик и заводов»). В истории бестужевки и Бестужевских курсов переплетаются оба.

Передо мной две книги (уверен, что пока две), которые открывают серию особенного издательского проекта редакции альманаха «Парадигма». Проект родился в год 140-летия Высших женских (Бестужевских) курсов (1878-1918) и посвящен всем бестужевкам.

Биография – жизнеописание. Описание через жизнь. В случае этой серии книг – описание знаменитых Бестужевских курсов через жизнь курсисток: кем они были, что с ними стало.

Конечно, за реализацией такого проекта стоит огромная поисковая и аналитическая работа. Обе книги, о которых хочется сообщить читателям, подготовлены на материалах архивных документов, дневников, писем и философских работ (опубликованных и пока не опубликованных).

Насколько мне известно, при поиске следов героинь авторы обращались не только в исторические архивы, но и в архивы Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности России. Огромное значение имеют комментарии к каждому документу, которые разворачивают перед читателем панораму эпохи – «многослойной», исторически плотной, насыщенной событиями и драмами судеб. Язык книг, живой и увлекательный,

позволяет предложить их не только исследователям, специализирующимся в данной тематике, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей университетского образования, историей женщин-ученых и в целом историей России.

Жизни героинь теснейшим образом переплетаются с историей Высших женских (Бестужевских) курсов и со всей культурной жизнью Петербурга-Петрограда-Ленинграда...

Итак, первая книга – «Дневник одного живого существа» [2]. Евлалия Павловна Казанович (1885-1942), о которой она повествует, сама так назвала один из своих дневников.

Е. П. Казанович, приехав из белорусского города Могилева, поступила на математическое отделение Бестужевских курсов и одновременно стала посещать философские семинарии. Увлечение философией, мечты прославиться на этой ниве, влюбленность в кумира курсисток профессора Александра Ивановича Введенского, так захватили юную Евлалию, что она даже пыталась организовать собственный журнал и создать проект философского института. Однако необходимость зарабатывать на жизнь, понимание того, что философия женщине вряд ли может обеспечить финансовую самостоятельность, определили окончательный профессиональный выбор в направлении литературоведения. В этой сфере Евлалия Павловна стала в дальнейшем серьезным специалистом и одним из организаторов «Пушкинского дома».

«Дневник одного живого существа» – это «голос» времени, запечатленный в повседневных записях молодой женщины. В них – мечты, разочарования, тревоги и радости дня. В книге также много других архивных документов (все публикуются впервые).

Вторая книга – про Ксению Михайловну Милорадович (1882 – не ранее 1940) [1], выпускницу Высших женских (Бестужевских) курсов (выпуск 1906 г.). К. М. Милорадович состоялась как философ, впоследствии была библиотекарем в библиотеке Бестужевских курсов, влившейся после революции в университетскую библиотеку. Как указано в предисловии к книге, авторы пришли к идее написать ее «с двух разных сторон»: хранитель библиотеки Бестужевских курсов Алексей Викторович Востриков – от биографии героини (в первую очередь – ее «библиотечной» части) и писем, хранящихся в различных архивах; философ Надежда Хаджимерзановна Орлова – исследуя становление традиции университетского философского образования в России [3] и шире – от исследования женского «голоса» в русской философской мысли начала XX в. Насколько мне известно, она успешно сотрудничает с Зеленогурским университетом в рамках грантового проекта польского Народного Центра Науки «Второй план: женщины в русской философии (Drugi plan: kobiety w filozofii rosyjskiej)». Библиотечно-архивные изыскания каждого из авторов не могли не пересечься. Очевидным для них стало (говоря их же словами), что история жизни Ксении Михайловны Милорадович остается ущербной без понимания того, в чем она видела ее главный смысл, и, с другой стороны, что то философское знание, к которому она стремилась, неотделимо от ее жизни и судьбы [1].

В 1913 г. К. М. Милорадович и ее подруга (также выпускница Бестужевских курсов) Е. Д. Аменицкая задумали создание собственного «издательства» под названием «Цельное Знание» (термин Владимира Соловьева, который подсказал своим ученицам профессор Э. Л. Радлов).

Выявленный Н. Х. Орловой и А. В. Востриковым библиографический список творческого наследия Милорадович определил двухчастную логику издания. Первая часть посвящена биографии героини, в судьбе которой эпоха отразилась и радостью обретения возможностей для женщин получать университетское образование, выбирать профессию ученого, но также и революцией, политическими репрессиями.

Первая часть включает в себя хронику жизни Ксении Милорадович, ее переписку с университетскими профессорами Шляпкиным, Радловым и др., а также ее стихотворения и библиографический список трудов. Как обещают авторы издания, выход второй части состоится в нынешнем 2019 году. В ней будет очерк философского творчества К. М. Милорадович и ее избранные работы, найденные авторами в прижизненных изданиях (в том числе малодоступных) и рукописях.

Как уже говорилось, отличительной особенностью данной серии является то, что все книги созданы на основе работы с уникальными архивными документами. В книге про К. М. Милорадович это не издававшиеся ранее документы и ее письма, хранящиеся в различных архивах (таких как ЦГАНТД СПб., РО ИРЛИ, СПФ АРАН и т.д.). А некоторые из включенных во второй том философских работ К. М. Милорадович сохранились лишь в практически недоступных современному читателю изданиях и рукописях и, несомненно, являются ценным дополнением для понимания характера и судьбы героини книги.

Тот факт, что авторы провели на высоком профессиональном уровне огромную архивную работу, ни в коей мере не «высушил» книги о бестужевках. Наоборот, читатель видит переданные с большой достоверностью живые отношения слушательниц Высших женских курсов и их преподавателей. Нам ничего не известно о том, знакомы ли были героини друг с другом, но мы точно знаем, что они формировались в одной среде блестящей профессуры Санкт-Петербургского университета. В дневниках Евлалии Казанович много говорится о профессорах Илье Александровиче Шляпкине, Александре Ивановиче Введенском. Из книги о Милорадович мы узнаем, что именно А. И. Введенский ходатайствовал о ее оставлении на кафедре, готовил ее себе в ассистенты (хотя случиться этому было не суждено), о доброй дружбе Ксении Михайловны с профессорами Ильей Александровичем Шляпкиным и Эрнестом Львовичем Радловым, о содержании философских лекций, о тревогах и надеждах курсисток в предреволюционные годы. И все это – на фоне драматических исторических событий.

Книги о слушательницах Бестужевских курсов – это, несомненно, еще и исполнение долга памяти. История Бестужевских курсов неразрывно переплетается с историей Санкт-Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета. Здание курсов (на 10-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге), сейчас принадлежит Санкт-Петербургскому университету. Долгие годы в нем располагался математико-механический факультет. И поныне здесь находится библиотека Бестужевских курсов, влившаяся после 1918 г. в библиотеку университета. В пореволюционные годы К. М. Милорадович работала в ней библиотекарем.

И есть нечто символичное (и никак не случайное) в том, что один из авторов – А. В. Востриков – ныне заведующий «бестужевской» библиотекой. Н. Х. Орлова когда-то училась в этом корпусе университета на математико-механическом факультете, а позже стала профессором философского факультета Санкт-Петербургского университета. В круг ее интересов входит история науки (философии, логики) в контексте биографии ее творцов. К слову сказать, с Надеждой Орловой (в студенческие годы – Надей Мамий) мы были однокурсниками, что в некоторой степени объясняет и наше продолжающееся многие годы сотрудничество как ученых, и мой особый интерес к теме истории нашей общей с ней Alma mater [4].

Вне всякого сомнения, представленные книги, да и в целом идея этого издательского проекта, вносят существенный вклад в исследование истории как Санкт-Петербургского университета в частности, так и высшего образования в России в целом.

Со-бытие, совместное бытие. И со-бытийность этих книг распространяется на более широкий круг тем, чем только история слушательниц Высших Женских курсов, преподавателей курсов, университета – без преувеличения можно сказать, что линии жизни, отразившиеся в этих книгах, представляют интерес для изучения всей российской истории XIX и XX вв. Например, книга о Казанович содержит ее письмо к Л. Н. Толстому, датированное 1907 г., а также неотправленное письмо 1915 г., адресованное ею императору Николаю II. К. М. Милорадович принадлежала к старинному сербскому роду, часть представителей которого еще в начале XVIII в. переместилась в Россию. К этому же роду принадлежал, например, граф М. А. Милорадович (1771–1825), герой войны 1812 г., погибший от руки декабриста Каховского на Сенатской площади.

Проходя с героинями их непростой жизненный путь, читатель проходит и своего рода испытание пафосом их смерти. Вернее, неизвестности ее обстоятельств и точных дат. Евлалия Павловна Казанович, как следует из карандашной записи Н. С. Войтинской, погибла в блокадном Ленинграде. Ксения Михайловна Милорадович – по-видимому, сгинула в колымских лагерях после 1940 г. Так что книги о бестужевках стали и своего рода свидетельствами о многих страницах истории России.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что серия книг о бестужевках будет в самом скором времени продолжена и мы увидим еще одно издание под эгидой «Парадигмы» – столь же интересное по содержанию и выполненное на столь же высоком научном уровне.

Sergei V. SOLOVIEV

Biographies of Events, or On a New Publishing Project of the Paradigm Editions

Abstract. As part of a new publishing project, the St. Petersburg almanac *Paradigm* started the production of a series of books on the history of the Higher Women's (Bestuzhev) Courses told through biographies of female students. In 2018, two books of the series were published: *The Diary of a Living Being: From the Life of a Bestuzhevka* (by N.Kh. Orlova), devoted to Evlalia P. Kazanovich, and *Ksenia Miloradovich: Destiny, Letters, Creativity* (by A.V. Vostrikov and N.Kh. Orlova), the third book of the series is being prepared for publication. The author of the review highly appreciates the project and its prospects, and the quality of archival and bibliographic work performed by the authors of the first two books of the series. The presented books and the whole idea of the publishing project devel-

oped by Paradigm make a serious contribution to the study of the history of St. Petersburg University and the history of higher education in Russia. In the diaries and correspondence of Miloradovich and Kazanovich, which are published for the first time, a significant place is occupied by teachers of the Bestuzhev Courses, well-known scientists such as A.I. Vvedensky, E.L. Radlov, I.A. Shlyapkin. The biography of the heroines of the books reflects the era – not only the joy of gaining opportunities for women to get a university education, to freely choose their own profession, but also revolutionary whirlwinds, political repression and personal losses. Their lives were intimately intertwined not only with the history of the Higher Women's (Bestuzhev) Courses, but also with the entire cultural life of Saint Petersburg-Petrograd-Leningrad. Much is said about the content of philosophical lectures in the pre-revolutionary years, about the anxieties and hopes of their listeners. For the authors of the books who are closely associated with the university (Aleksey Vostrikov is in charge of the "Bestuzhev" library, Nadezhda Orlova studied in the building of the former Bestuzhev Courses, and later became a professor at the Faculty of Philosophy), this is also a fulfillment of a duty of memory. At the same time, the nature of the presentation of the material and the language of the books, lively and fascinating, allows recommending them not only to researchers specializing in this topic, but also to a wide circle of readers interested in the history of university education, women scientists and, in general, the history of Russia.

Keywords: Bestuzhev Courses, Evlalia Kazanovich, Ksenia Miloradovich, history of women's university education, biography, history of Saint Petersburg, history of Russia, archive sources.

Использованная литература:

1. Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович: судьба, письма, творчество: В 2-х ч. Ч. 1: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.
2. Орлова Н. Х. Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.
3. Орлова Н. Х. Философские штудии на Бестужевских курсах // Дискурс. 2018. № 1. С. 19–28.
4. Orlova N., Soloviev S. Logic and logicians in Russia before 1917: Living in a wider world. *Historia Mathematica*. 2019. №46 . P. 38–55.

References:

1. Vostrikov, A.V. & Orlova, N.Kh. (2018) *Kseniya Miloradovich: sud'ba, pis'ma, tvorchestvo: V 2-kh ch.* [Ksenia Miloradovich: Destiny, Letters, Creativity: In 2 parts]. Pt. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Orlova, N.Kh. (2018) *Dnevnik odnogo zhivogo sushchestva: Iz zhizni bestuzhevki* [The Diary of a Living Being: From the Life of a Bestuzhevka]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Orlova, N.Kh. (2018) Philosophical studies at the Bestuzhev Courses. *Diskurs – Discourse*. 1. pp. 19–28. (In Russian). DOI: 10.32603/2412-8562-2018-4-1-19-28
4. Orlova, N. & Soloviev, S. (2019) Logic and logicians in Russia before 1917: Living in a wider world. *Historia Mathematica*. 46. pp. 38–55.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Соловьев, С. В. Биографии событий или О новом издательском проекте редакции «Парадигма» [Электронный ресурс] / С. В. Соловьев // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 137–141. - Рец. на кн.: Орлова Н. Х. Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки. СПб.: Изд-во С.-петерб. ун-та, 2018. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.015

Full bibliographic reference to the article:

Soloviev, S. V. (2019) Biographies of Events, or On a New Publishing Project of the Paradigm Editions. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 137–141. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.015

СТАРОВОЙТОВА Лариса Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы
Российского государственного социального университета
Москва, Российская Федерация

Larisa I. STAROVOITOVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Social Work,
Russian State Social University,
Moscow, Russian Federation
starovojtova@list.ru

УДК 008:316.354.4(470)"311/312"
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.016

**Институт волонтерства в России:
страницы истории
и современные тенденции
развития¹**

Рец. на книгу:

Горлова Н. И. Становление и развитие института
волонтерства в России: история и современность.
М.: Ин-т Наследия, 2019.
ISBN 978-5-86443-275-4.

**Volunteering in Russia:
Pages of History
and Current Trends of Development**

Book Review:

Gorlova, N. I. (2019) *Stanovleniye i razvitiye instituta
volonterstva v Rossii: istoriya i sovremennost'*
[Formation and Development of Volunteering in Russia:
History and Modernity]. Moscow: Institut Naslediya.
ISBN 978-5-86443-275-4.

В условиях современных общекультурных, социально-экономических, политических процессов крайне востребован уникальный исторический опыт общественной самоорганизации и добровольческого движения России, формировавшегося в разные исторические периоды, обусловившие конкретные организационные формы, содержание и направления деятельности. Автором рецензируемой монографии представлено целостное и глубокое исследование сложившейся отечественной модели добровольческого движения. Изучение этого уникального исторического опыта общественной самоорганизации и добровольческого труда базируется на привлечении значительных центральных и региональных архивных материалов, а также других документов. Основной акцент в монографии сделан на социально-исторических чертах развития добровольчества в нашей стране, анализе деятельности волонтеров в различных сферах и областях общественной жизни современного Российского общества.

Ключевые слова: институт волонтерства, общественная самоорганизация, волонтерские программы, идеология добровольчества в России.

Рецензируемая монография написана на актуальную и важную в практическом смысле тему. Сегодня волонтерская деятельность становится значимой составляющей социальной реальности современной России. Добровольческая практика оформляется в отдельную институциональную систему, включающую различные виды деятельности, формы и уровни организации добровольческого движения. Специфика организации добровольческой деятельности определяется ее социально-массовым и инструментальным характером, функционалом и содержанием структурных компонентов. Все это определяет и актуальность исследования, так как исторический опыт добровольческих практик в эволюционном развитии представляет собой малоизученный, но, как показало исследование, чрезвычайно интересный опыт общественной самодеятельности и организации добровольческого труда на безвозмездных началах. Данное исследование позволяет существенным образом уточнить методологические, источниковедческие и содержатель-

ные аспекты добровольческой деятельности и совершенствовать ее в современный период.

Тема, затронутая в монографии, чрезвычайно интересна, при этом она не ограничивается только историей общественных инициатив.

Структура рецензируемой монографии классическая: она включает в себя проблемно-постановочную часть («Теоретико-методологические основания исследования проблемы становления и развития российского волонтерства») и историко-описательную («Исторические предпосылки и особенности формирования волонтерства в российской истории», «Современное состояние института волонтерства в России»), которая сочетается с эмпирической частью, интегрируя таким образом теорию и практику вопроса в единое исследование.

Хочется подчеркнуть, что монографию отличает обстоятельность изложения, большой научный аппарат, обширный историографический раздел, в котором привлекается широкая источниковая база. Раздел, посвященный историографии темы [1, с. 7-54] поразителен по численности представленных научных, публицистических изданий, архивных материалов, глубокий по концептуальному анализу рассматриваемой проблемы. Исследованы письменные документы по истории волонтерства, выявленные автором во время работы с фондами Государственного архива РФ (ГАРФ), в том числе материалы фонда Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР 1923-1992 гг. и других фондов общественных организаций, Государственного архива Курской области (ГАКО), ГБУ «Центральный государственный архив Москвы» (ЦГА Москвы) и др. Представленные материалы раскрывают малоизученные и дискуссионные вопросы истории волонтерского движения, его институционализации в дореволюционный и советский периоды. Вновь введенные документы позволили Н. И. Горловой уточнить и дать обоснование добровольческой деятельности в разные исторические периоды, выделить характерные черты, присущие добровольчеству в эти периоды [1, с. 74, 80, 115, 151, 153, 193].

Автор внимательно и скрупулезно анализирует труды предшественников, следуя

принципу преимущества исследования заявленной проблемы, исследует архивные документы, обширные по временным, географическим и содержательным рамкам, достаточно сложные в переплетении событий. Однако Н. И. Горлова твердо отбирает главный массив фактов, анализирует их и, делая выводы, показывает значимость становления и развития добровольческого движения. В этом прослеживается опыт систематизации представленного материала, на базе которой показана динамика развития исторической науки в изучении указанной темы.

Такой подход современен и в то же время соответствует лучшим традициям исторической науки, ибо максимально объективная история, опирающаяся на фактический материал, не может не вызывать доверия. Автор не навязывает свою точку зрения, он выступает одним из участников диалога, к которому приглашает читателей, выстраивая логическую цепь рассуждений и выводов, главный из которых, на наш взгляд, заключается в том, что «необходимо тщательным образом изучить исторический опыт добровольческих практик и управления добровольческими ресурсами в России, чтобы выбрать наиболее эффективные для современности принципы, формы организации безвозмездной деятельности, которые в наибольшей степени будут востребованы и будут соответствовать нашей исторической традиции» [1, с. 5].

Анализируя исторические тенденции в общероссийском масштабе, автор удачно вписывает в него региональный контекст. Практическая новизна и значимость работы определяется актуализацией исторических материалов по истории волонтерских практик населения, в том числе выявлением оригинальных подходов в изучении различных аспектов региональной истории волонтерства [1, с. 78, 79, 84, 93, 189, 202, 206]. На основании широкой источниковой базы современных региональных практик, анализа опыта волонтерских программ крупных международных спортивных событий впервые в историческом контексте освещаются вопросы становления современной инфраструктуры волонтерства, предпосылки формирования идеологии добровольчества в России, роль целенаправлен-

ной политики государства в отношении развития системы поддержки волонтерских инициатив как в целом в России, так и в регионах.

Особый интерес представляет глава III – «Современное состояние института волонтерства в России», в которой автор впервые в историческом исследовании анализирует проблемы становления современной системы волонтерства, формирования идеологии добровольческого движения, роль государства в поддержке развития волонтерских инициатив. «Процесс институционализации, стартовав на базе НКО еще в начале 90-х, достиг своего апогея уже в середине 2000-х гг., когда государством был взят курс на развитие добровольческих практик и поддержку инициатив населения. С 2010 г. этот курс был продолжен, о чем свидетельствуют количество реализуемых добровольческих проектов и программ, инфраструктура добровольческих центров и агентств социальной помощи, элементы системы стимулирования, просвещения и вовлечения в добровольческую деятельность, специальные фонды поддержки добровольчества» [1, с. 213].

Отмечая положительную динамику развития волонтерского движения в настоящий момент, автор обращает внимание на то, что «исследование современного состояния и уровня добровольческого движения в российских регионах позволяет говорить о положительной динамике его развития от инертности к общественной активности и самодеятельности граждан. Однако степень включения населения в сферу добровольческой деятельности на уровне населения в целом и отдельных граждан регионов по-прежнему оставляет желать лучшего» [1, с. 223]. Таким образом, вопрос вовлечения населения всех возрастов, разного социального положения в добровольческий труд выходит на первый план.

Решению этого вопроса может способствовать реализация проекта Постановления Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года», согласно которому добровольчество бывает медицинское, спортивное, студенческое, школьное, корпоративное, конфессиональ-

ное, семейное и инклюзивное. Последнее предполагает включение в добровольческую деятельность людей с ограниченными возможностями здоровья с целью обеспечения им возможности реализовать свой потенциал и содействовать их полноценному включению в общественную жизнь, коммуникации с окружающими людьми, получению ими образования и их трудоустройству. Не менее важно для развития волонтерства внедрение «Стандартов поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах Российской Федерации», представленных АНО «Агентство стратегических инициатив по разработке новых проектов». Все это позволяет автору сделать правомерный вывод «о создании за последнее десятилетие необходимых правовых оснований для конкретизации и законодательного закрепления ключевых понятий добровольчества, добровольческого движения и его инфраструктуры» [1, с. 225].

Таким образом, подводя итог, хочется отметить, что реальный круг вопросов, затрагиваемых в книге Н. И. Горловой, гораздо шире исторических традиций изучения социальной практики добровольчества. По сути, мы видим успешную попытку исторической реконструкции модели российского волонтерства, основанную на богатейшем опыте исторических традиций и современных практик. Представленный материал формирует методологический фундамент исследования волонтерства в России как социального института, выделяет социально-исторические черты развития добровольчества в нашей стране, раскрывает сущностные характери-

стики данного движения со второй половины XIX в. до наших дней, показывает социокультурную специфику этого явления на разных исторических этапах его развития, его роль в сохранении социальной стабильности и борьбе с негативными явлениями жизни. Стоит подчеркнуть, что автор является одним из первых современных исследователей, проводивших системный многофакторный анализ общественной самодеятельности населения в системе благотворительных учреждений и заведений, массовых добровольных организаций, принципов организации добровольческого труда, форм и методов работы с добровольными общественниками и роли различных общественных и благотворительных организаций в развитии профильных институциональных направлений волонтерского движения – экологического, культурного, охраны общественного порядка, социального и др. Особый акцент сделан на социально-исторических характеристиках добровольчества в нашей стране, его роли в сохранении социальной стабильности и работе по профилактике и решению негативных явлений в жизни как общества в целом, так и отдельного человека. Монографию выгодно отличает обстоятельность и убедительность изложения, в ней содержатся важные научные выводы.

Несомненно и то, что книга Н. И. Горловой является значимым вкладом в исследование истории волонтерского движения и будет востребована не только историками-профессионалами, но и всеми интересующимися социальной историей нашего Отечества.

Larisa I. STAROVOITOVA

Volunteering in Russia: Pages of History and Current Trends of Development

Abstract. In the context of modern general cultural, socioeconomic and political processes, the unique historical experience of Russia's social self-organization and volunteering movement, which was formed in different historical periods that determined specific organizational forms, content and areas of activity, is extremely relevant. The author of the book under review presents a holistic and in-depth study of the current domestic model of the volunteering movement. The study is based on the use of a bulk of archival and other documentary materials. The main emphasis in the book is placed on the sociohistorical features of the development of volunteering in Russia and on the analysis of the activities of volunteers in various spheres and areas of public life of modern Russian society.

Keywords: volunteering, social self-organization, volunteer programs, ideology of volunteering in Russia.

Использованная литература:

1. Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Ин-т Наследия, 2019.

References:

1. Gorlova, N.I. (2019) *Stanovlenie i razvitie instituta volonterstva v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Formation and Development of Volunteering in Russia: History and Modernity]. Moscow: Institut Naslediya.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Старовойтова, Л. И. Институт волонтерства в России: страницы истории и современные тенденции развития [Электронный ресурс] / Л. И. Старовойтова // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 142-145. - Рец. на кн.: Горлова Н. И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Ин-т Наследия, 2019. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.016

Full bibliographic reference to the article:

Starovoitova, L. I. (2019) Volunteering in Russia: Pages of History and Current Trends of Development. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 142-145. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.016

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 3 (19)
2019

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки была использован фрагмент цифровой копии картины Е.И. Саяпиной «Улица Красная. Вид на Краснодарскую филармонию им. Г.Ф. Пономаренко», холст масло, 150x110, 2019 г.

Номер подготовлен с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов в рамках проекта № 18-2-009109 «Сохраняя память поколений: развитие молодежного краеведения на Юге России».

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура текстов статей:

О. О. Карслидис

Редактура приставочных списков литературы на русском языке:

О. О. Карслидис, А. В. Крюков

Редактура приставочных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholargoogle.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 28. 09. 2019

Размещен в сети Интернет: 30. 09. 2019

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 17,21

Уч.-изд. л.: 11,53

Размер файла: 12,694 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»